

23 СМЕНА

ДЕКАБРЬ '87

Татьяна Урина, школьница с Камчатки. фото Альберта Лехмуса

Именем детства, во имя детства

Директор Кузнецов: вынужден рисковать!

Острые письма читателей

Каспий. Проблемы региона

Женский хоккей. Фоторепортаж

Социолог о сложностях личной жизни

Юлиан Семенов. Роман «Непримиримость»

СОВЕТСКИЙ ДЕТСКИЙ ФОНД СОЗДААН!

Шесть с половиной лет назад в нашем журнале появилась рубрика, посвященная проблемам детских домов. Тогда кое у кого она вызывала недоумение: а надо ли громко говорить о детской беде, детском сиротстве в то время, как большинство ребятшек живут у нас весело и счастливо? Надо ли говорить о неблагополучии на фоне благоденствия? Жизнь показала — надо. Надо тревожить людскую совесть, потому что чужого горя для нас не может, не должно быть. Все мы несем свою долю вины и ответственности за детские слезы, за малышей, брошенных родителями. Сегодня мы гордимся, что редакция «Смены» наряду с другими изданиями, поднявшими голос в защиту детства, в числе учредителей Советского детского фонда имени Владимира Ильича Ленина. Многочисленных наших друзей, читателей журнала, активно участвовавших в акции журнала по сбору книг для воспитанников детских домов, помогавших нам все эти годы советом и делом, поздравляем с созданием поистине всенародной общественной организации. На этих страницах мы знакомим вас с фрагментами выступлений делегатов учредительной конференции и письмами, поступившими в правление фонда и редакцию «Смены».

Шалва АМОНАШВИЛИ, доктор психологических наук, профессор, член-корреспондент Академии педагогических наук СССР, директор НИИ педагогики Грузии.

— Научно-технический прогресс принес много благ обществу, он принес блага и детству: много игрушек, тысячи развлечений. Но одновременно этот же прогресс отнял у детства заботу взрослых. Взрослые заняты, мы спешим, у нас много дел. А вот для детей не остается времени.

Мы их любим, конечно, но вот заботиться о них, думать об их будущем, любить времени нет.

Мы утратили главный метод воспитания в школе и в детских домах. Как-то повелось, что труд, формирующий личность, изгнан из школьной жизни. А это ведет к тому, что дети и сами уже бегут от труда, но одновременно они теряют свою судьбу, свое будущее.

Вспоминаются слова известного психолога и педагога Блонского, сказанные им много лет назад: «Учитель, стань человеком». Может быть, это было сказано до революции, но многим учителям, я думаю, стоит эти слова повторить. Нам надо стать людьми, нам надо очеловечивать среду, в которой живут наши дети. Мне представляется, что одна из первых проблем, которой должен заняться Детский фонд, это переподготовка воспитательского корпуса детских домов. Необходимо заняться этим очень серьезно, ибо ожесточенные люди не могут воспитать людей добрых и честных. Думаю, что в подготовке воспитательских кадров детских домов самое активное участие примут учителя-новаторы, они ждут такого призыва.

Что такое Детский фонд? Мне представляется он мощным колоколом, тревожным колоколом, который звучит сегодня, чтобы оборотить нас к детству. И мы должны не только прислушиваться к этому мощному колоколу, но и взяться за дело, не теряя ни минуты.

✉

...дела в детском доме неважные. Директор Губарев В. К. противопоставил себя педколлективу, отстранился от работы, занимаясь автомашиной и рыбалкой. Первоклассники курят. С бывшего воспитанника, который приезжает в детский дом, спрашивают какой-то пропуск. Подсобное хозяйство разрушено. Дети предоставлены сами себе.

В начале мая я был в детском доме и не увидел ни одного мяча. Мячи оказались закрытыми у завуча детского дома. Есть и спортзал, есть и другие игровые комнаты, но все под замком.

В. П. КАЮМОВ,
Люльпанский детский дом,
Марийская АССР

✉

В коллективе детского дома № 11 (Москва, ул. Лобачевского, д. 38) имеют место антипедагогические методы обращения с детьми. Воспитатель Фомичева закрывала детей в сушильном шкафу в позднее время. Были случаи избивания детей прыгалками, прутом по голове. Детей лишали еды. В группе № 7 Р. И. Смирнова систематически лишала детей порционных блюд (куры, котлеты, масло). Перед уходом в школу у всех детей только этой группы был понижен гемоглобин.

Г. РАССАДИНА,
Москва

✉

В детском доме 150 воспитанников, он создан в 30-е годы и располагается в 23 зданиях. Дети и мы много лет мечтали о новом доме, так как потолки протекают, штукатурка сыплется, провисшие потолочные балки скреплены металлическими гайками и угрожают свалиться на головы детей, стены промерзают, очень тесно, но самое большое несчастье обрушил на нас облисполком своим решением строить не но-

▲ Архитектор Борис Устинов разработал проект детского дома, где обеспечивается непрерывное развитие ребенка — с рождения до 18-летнего возраста.

вый типовой детский дом, а только спальня корпус. Это значит, что вновь не будет у ребят настоящего теплого дома, а появится очередное, 24-е здание и нужно будет не 23, а уже 24 раза снять и вновь надеть верхнюю одежду, снять тапочки и вновь надеть верхнюю обувь и т. д. и т. д., чтобы перейти из спального корпуса в столовую, из столовой в комнаты для занятий, библиотеку, мастерскую...

Сотрудники Средне-Васюганского детского дома Томской области

Ролан БЫКОВ, народный артист СССР, секретарь правления Союза кинематографистов СССР.

— Впервые в нашей стране вопросы детства централизованы в огромную общественную организацию, имеющую

средства, межвозрастную, межведомственную. Ведь посмотрите, как разбросаны по разным ведомствам эти проблемы. Ими занимаются все министерства, ведомства, все предприятия, но они везде после главных задач. На предприятии они после проблемы плана, социальных вопросов. Кто конкретно, допустим, отвечает за нашу советскую школу? Местные Советы, партийные органы. После проблем промышленности, после проблем сельского хозяйства, после проблем агитации и пропаганды, в русле проблем социального обеспечения и культуры. То есть забота о детстве у нас стоит на очень низкой ступени иерархической лестницы наших общественно-государственных проблем. Детский фонд ломает это положение, вот почему в образовании его я вижу революционное начало.

НД ИМЕНИ В.И. ЛЕНИНА

Егор ДРОЗДЕЦКИЙ, дважды Герой Социалистического Труда, бригадир горнорабочих шахты «Полосухинская» ПО «Гидроуголь», г. Новокузнецка Кемеровской области.

— Ищу ответа: почему в наше сытое, необездоленное время так обострился вопрос сирот при живых родителях? Уверен, что решение этой проблемы обязательно надо начать с ее корней, с семьи.

За тридцать лет работы бригадиром горнорабочих очистного забоя убедился, как нужна шахтеру крепкая семья. И что выполнение производственных планов во многом зависит от настроения рабочего, от того, какой микроклимат в семье, как он воспитывает своих детей.

У нас в бригаде много династий. Работает старший брат, подрастает младший, приходит в бригаду. Работает отец двадцать и более лет, вырастает у него сын, второй и тоже приходит в бригаду. Все работаем, так сказать, одной семьей. Но это не главное. Главное то, что коллектив может воспитывать человека самым настоящим образом.

Дело в том, что за тридцать лет в бригаде не было случая, чтобы кого-то привлекли за аморальный поступок. Конечно, в семьях-то бывают и ссоры, не без этого. Но наш коллектив старается не допустить распада семьи, не допустить, чтобы дети оказались наполовину сиротами.

У меня сложилось свое представление о том, когда и в чем дает сбой семейное воспитание. Во многих семьях с ростом материального благосостояния забыто, что основой воспитания является труд. Безделье — вот корень зла. Вырастают белоручки, захребетники, совершенно не подготовленные к самостоятельной жизни.

А еще семья плохо учит главной науке — честности, порядочности, умению всей душой отдаваться общественному делу, служить людям. Потому и вырастают эгоисты, которых несколько не затрагивают чужие беды.

Нравственные устои семьи подорвало пьянство. Матери и отцы, бросающие детей, не из чужих земель к нам являются, а живут рядом — это наши дети, родственники, соседи, знакомые.

Они на наших глазах вырастают, вскармливается нашим безразличием. И, конечно, государство стало слишком уж снисходительным к таким родителям. Нужны решительные меры по отношению к семьям, в которых с младенчества калечат души и здоровье детей.

В последнее время больше говорилось о достижениях в развитии экономики, при этом забывалось — что же делается для детей, для их душ.

Кузбасс с каждым годом, с каждой пятилеткой все громче заявляет о себе. Экономические его успехи бесспорны. Но высокая концентрация промышленных предприятий требует более пристального внимания к проблемам охраны здоровья детей. У нас высок показатель детской смертности. Медленно снижается заболеваемость в дошкольных учреждениях. Не решены полностью вопросы организации труда и отдыха детей-сирот в летний период. Общество по-настоящему должно вернуть приоритетность детству и оказывать большее влияние на министерства и ведомства по созданию базы воспитания, образования, развития детей, особенно сирот, детей, оставшихся без попечения родителей.

В своей статье «Обернуться к детству», опубликованной в «Правде», Альберт Лиханов высказал мысль о том, что на средства Советского детского фонда можно бы построить детский городок развлечений где-нибудь в Сибири, вроде «Диснейленда». Городок Фонда. Такой городок надо строить только в Кузбассе. Миллионный отряд детей индустриального края заслуживает этого.

✉

Мне 29 лет. По образованию — педагог... Все обдумав и взвесив, я считаю, что должна работать именно в детском доме. Считаю, что могла бы принести большую пользу в этом трудном, но очень важном деле. Я — одна, поэтому готова ехать в любой детский дом, в любой должности. Даю слово коммуниста, что приложу все свои силы, отдам свою душу, сердце этому делу!

О. СОКОЛОВА,
Вологда

▲ С волнением слушали делегаты конференции выступление Антонины Павловны Хлебушкиной, директора детского дома № 22 г. Ташкента.

Всем сердцем поддерживаю создание такого фонда... Может быть, где-то нужны воспитатели, нянечки, люди, которые хотят работать с полной отдачей, я согласна.

**О. БОГУЦКАЯ,
Куйбышев**

Хотел бы своим трудом помочь детям с тяжелой судьбой. Целиком разделяю вашу мысль: «это наши с вами дети». Я с моими коллегами мог бы разработать проект школы-интерната, детского дома для России, так как, на мой взгляд, для таких детей нужны не типовые проекты, а индивидуальные, с точным соответствием месту постройки, созданные на основе богатых традиций отечественного зодчества.

**А. ПОЛИКАРПОВ,
Москва**

Андрей ЕРШОВ, академик, заведующий отделом вычислительного центра Сибирского отделения Академии наук СССР.

— Хочу поддержать точку зрения, что фонду не удержаться на выделении каких-то изолированных задач, связанных с защитой детства. Детство неделимо, жизнь будет выдвигать новые задачи, и уклоняться нам от них нельзя. И именно мы должны первыми лицом к лицу сталкиваться с новыми явлениями.

Вот мы много сейчас говорим о педагогике сотрудничества. Обнаружилось, что наш новый предмет информатика, который с таким скрипом сейчас входит в школьное образование, никогда не выживет и не сможет существовать как предмет, если с самого начала не будут взяты на вооружение принципы педагогики сотрудничества. Дети овладевают компьютером быстрее, чем их учителя. И если учитель не поддержит это сотрудничество, то он никогда не справится со своей педагогической задачей.

Второе обстоятельство, очень близкое к гуманным целям нашего фонда, — это применение компьютеров в работе с детьми, которые имеют недостатки умственного развития. Их число у нас сейчас растет. Стандартные методы образования ставят перед ними иногда непосильные задачи, усугубляют их болезненное состояние. Компьютер может оказаться для отягощенного умственными недостатками ребенка спасительным партнером, который позволит ему организовать свое развитие, решение задач, способность к творчеству в присущем ему темпе, и это очень может помочь интеллектуальному развитию. Здесь мы безнадежно отстаем от развитых стран, и это одна из таких задач, где мы можем проявить инициативу.

Хочу обратить внимание на одну очень важную задачу фонда — защиту талантов. Развитие способностей ребенка — фундаментальная задача деятельности, затрагивающая краеугольные камни социалистического общества. От каждого по способности. Если мы хотим, чтобы наше общество реализовало социалистическую формулу развития, мы должны развивать способность ребенка отдавать свои знания и умения обществу. Это можно сделать, только развивая детские способности.

Хотел бы подчеркнуть, что детский фонд — это общественная, универсальная, самодеятельная организация, это советская организация, она чтит заветы Ленина, она разделяет принципы партийного руководства развитием нашего общества, она уважает законы, и в этом отношении она имеет возможность полностью реализовать свои функции, не оглядываясь на подзаконные инструкции тридцатилетней давности.

Веселые мамы-кукушки нашли способ «дойти» государство: они регулярно поставляют сирот в дом ребенка, но официально от детей не отказываются. Таким образом, государство растит детей, а на закате своей беспутной жизни они имеют право требовать от выросших детей материальную помощь и заботу.

**Е. КАРЕЛИНА,
Москва**

Еще находясь в роддоме после первых родов, пришлось лично присутствовать при двух случаях отказа мам от своих новорожденных детишек. Одна мамаша родила мальчика, не состоя в браке. Отказалась от него, как говорит, «в пользу Советской Армии», другая отказалась потому, что мужу ребенок был не нужен. На ближайшее время запланирована поездка за границу и покупка машины. Необходимо заставить платить алименты в пользу государства мамаш и папаш, отказавшихся от детей, лишенных родительских прав. Почему не платить обоим родителям государству за воспитание своих же детей?

Л. БИЗЮНИНА

Почему у нас в стране так легко бросить ребенка?

24 июля этого года я родила вторую девочку. Со мной в палате лежала молодая женщина, которая отказалась от своего мальчика, здорового и вполне нормального. Почему таких женщин никак не наказывают? Если их не мучает совесть, если они не терзаются душой, то нужно бороться с этим как-то по-другому. Хотя бы до достижения ребенком восемнадцатилетнего возраста высчитывать с них какую-то часть зарплаты или записывать в паспорт, что она бросила ребенка.

**И. СЛЕТА,
Харьков**

Закон предполагает исключительную легкость и безусловность вступления в брак: достаточно достигнуть 18-летнего возраста. Уровень легкомысленных браков и разводов можно существенно снизить при условии предварительного составления брачного договора, регулирующего не столько имущественные, сколько моральные взаимоотношения. Нравственный закон должен предусматривать плату не за развод, а за стремление к разводу, т. е. плату за заявление на развод. В законе должна быть статья, предусматривающая право отдельно проживающего родителя на равное с другим родителем фактическое время общения с ребенком или проживания ребенка с этим родителем. В нашей юриспруденции проявляется ложное убеждение, что детей могут воспитывать только матери. Закон должен учить воспитывать в первую очередь качество воспитания, а не пол родителей, их материальное положение. Закон не стимулирует добрую и добровольную уплату алиментов. Почему бы не ввести статью, что при недобровольной уплате алиментов с каждого супруга взимается на 10 процентов больше, чем при добровольной. Если родители не договорились о добровольной уплате алиментов, то алименты должны в этом случае удерживаться с обоих родителей, независимо от того, с кем проживают дети.

**Л. СЕМАШКО,
кандидат философских наук,
Ленинград**

Елена ЛУКЪЯНОВА, директор Научно-исследовательского института педиатрии, акушерства и гинекологии Министерства здравоохранения УССР, академик Академии медицинских наук СССР.

— Нельзя без волнения произносить слова «дети-инвалиды». Волею неласковой судьбы стали они горечью семьи и тяжкой болью государства. К сожалению, число детей, которые с первых дней жизни уже не могут считаться полноценными и в биологическом, и в социальном аспекте, из года в год растет. Сегодня их в стране насчитывается уже более миллиона. Цифра говорит сама за себя. Среди этих категорий велика доля детей с умственной отсталостью. Только на Украине число их достигает трехсот тысяч.

Наши возможности в оказании этим детям реальной медико-социальной помощи и реабилитации пока очень невелики, и это обоснованно порождает большой поток писем, жалоб родителей в различные инстанции. Каждое такое письмо — это крик души, это выражение трагедии семьи, а мы фактически бессильны сейчас оказать действительную помощь, ибо не имеем ни достаточного количества специализированных медицинских учреждений для лечения таких детей, ни благоустроенных интернатов для их содержания, где одновременно бы принимались меры по возможной медицинской и социальной реабилитации. Мы испытываем крайнюю потребность в специальной мебели для детей-инвалидов, особенно для детей, которые болеют детскими церебральными параличами. У нас в стране такой мебели нет. Видимо, следует обязать промышленные предприятия обеспечить производство специальной мебели, кроваток, стульев, предоставив предприятиям право засчитывать выпуск такой мебели в план производства товаров народного потребления.

Очень важен, на мой взгляд, вопрос о создании при детском фонде своей службы санаторной помощи. Ибо дети, которых детский фонд призван опекать, более чем кто-либо другой нуждаются в санаторном оздоровлении.

На протяжении десяти лет показатель детской смертности в нашей стране практически не снижается, оставаясь на уровне, более чем в два раза превышающем таковой в развитых странах мира. Чтобы изменить это, я бы сказала, компрометирующее наше здравоохранение положение, нужны чрезвычайные, революционные меры перестройки всей службы родовспоможения и медицинского обслуживания детей. Ежегодно в стране, не дожив до одного года, умирает 130 тысяч маленьких наших граждан, то есть фактически детское население целой области. Как известно, Министерством здравоохранения СССР разработан и уже осуществляется комплекс мер по приоритетному развитию службы родовспоможения и детства. Но нам нужны реальные возможности для срочных мер исправления ситуации с охраной здоровья детей. Нам экстренно нужно улучшить медицинское обслуживание детей и матерей в республиках Средней Азии, где уровень детской смертности самый высокий в стране.

Летом нынешнего года по заданию Министерства здравоохранения бригады акушеров и педиатров Российской Федерации, Украины, Белоруссии и республики Прибалтики работали в Средней Азии и в первую очередь там, где высокая детская смертность. Эффект уже ощутили. Но ведь мы понимаем, что одной кампании недостаточно. В следующем году предусматривается направить в эти регионы для оказания практической помощи на длительное время свыше двух с половиной тысяч педиатров, акушеров. Для этого нужны немалые материальные затраты, и покрыть их одними государственными ассигнованиями не представляется возможным. Поддержка Советского детского фонда в этой важнейшей медицинской акции очень нам нужна.

Галина РОЖКОВА, многодетная мать, Иркутск.

— Наша семья, а мы не детдом, а действительно семья, в ее сегодняшнем качестве родилась восемь лет назад. Имея своих двоих детей, мы с мужем усыновили еще пятерых ребятшек.

С 1979 года в печати неоднократно поднимался вопрос об организации семейных детских домов. Но словно чья-то злая воля камнем преткновения легла у истоков этого доброго дела. А ведь сегодня у нас был бы уже опыт, и немалый, да и многие дети были бы спасены от сиротства. Я получила сотни писем от людей из разных областей страны, в которых они с отчаянием пишут, как трудно, почти невозможно взять ребенка на воспитание. Сотни людей годами стоят в очереди на детей. Как страшно это звучит! Детские дома переполнены, а детей не дают. Какие только причины не придумывают на местах многие работники отделов народного образования, отмахиваясь от желающих взять детей!

Но, несмотря на все трудности и препятствия, есть у нас семьи, в которых воспитываются приемные дети. Таких семей было бы гораздо больше, если бы их поддерживали. Сотни одиноких детей обрели бы семью, детство, здоровье, уверенность в завтрашнем дне. А государству были бы возвращены сотни полноценных граждан. Я знаю многие подобные семьи, мы уже несколько лет переписываемся и пришли к выводу, что нам лучше собраться вместе, жить рядом, помогая друг другу, то есть создать детский городок.

Суть такого городка в том, что 15—20 семей, имеющих своих и приемных детей, объединяются, живут рядом. Вместе они — крепкий педагогический коллектив, объединенный общими целями и задачами, общим трудом и заботами. Вместе легче воспитывать детей, легче организовать их труд и отдых.

Организация такого городка очень проста: 20 семей — 10 двухквартирных благоустроенных коттеджей, каждая квартира по 6—8 комнат с приусадебным участком, с общими детской и спортивной площадками и небольшим зданием для общих дел, занятий, праздников. Строить городки лучше в пригородной зоне областных и краевых центров, чтобы можно было на должном уровне лечить детей и развивать их. Городок на 20 семей может принять в себя 120—130 одиноких детей, где они будут воспитываться в семьях, как родные и вместе с родными детьми, иметь родителей, свой дом, братьев и сестер, и дети из одной семьи будут вместе.

В каждой семье может быть 2—3 своих ребенка и 5—7 приемных, чтобы воспитание было по силам каждой семье. Семья может иметь сад, огород, теплицу, мини-ферму, то есть кормить себя. Мать занимается воспитанием детей, домом, хозяйством. Отец может работать по своей специальности. Родители участвуют в общей жизни городка, стараются сделать жизнь в городке полезной и интересной и взрослым, и детям. Иметь свой театр, заниматься музыкой, живописью, танцами, спортом, учиться вязать, играть в шахматы, заниматься фото- и автоделом, техническим творчеством — дел интересных много. Родители дадут детям неизмеримо больше, чем штатные воспитатели, ведь это будут наши дети. Каждая семья будет иметь свой уклад, свои традиции, но соблюдать правила общежития, выработанные всем коллективом.

Городок должен иметь статус детского учреждения, подчиняться органам народного образования областного и краевого значения. Женщинам-матерям целесообразно выплачивать зарплату воспитателя, ведь у них работа, если можно так сказать, будет круглосуточной, без выходных, без отпусков, а ведь, например, во многих домах ребенка на 60 ребятшек может быть

▲ Гостями учредительной конференции детского фонда были члены семьи Иордан. Людмила Сергеевна и Михаил Михайлович росли в одном детском доме. Повзрослев, соединили судьбы. Михаил Михайлович — рабочий «Невского завода» в Ленинграде, Людмила Сергеевна — мать-героиня, медик. В их семье десять детей.

40 человек обслуживающего персонала всех рангов.

Целесообразно назначить на каждого приемного ребенка пособие. Женщинам должен идти трудовой стаж и назначаться пенсия в 55 лет, как воспитателям, или в 50 лет, как многодетным матерям.

Нужно ли доказывать, насколько это дешевле для государства, насколько проще в организации и насколько выше моральный выход! Мы очень рады, что Иркутский областной отдел народного

образования берется за создание такого городка, а Министерство просвещения РСФСР поддерживает это начинание.

Антонина ХЛЕБУШКИНА, директор детского дома № 22 г. Ташкента, лауреат премии Ленинского комсомола.

— Мне часто доводится выступать на заводах, предприятиях, в самых разных организациях, рассказывать о детском доме. И вот недавно пригласили

меня в женскую трудовую колонию под Ташкентом. Приехала. А у них там клуб свой. Захожу в зал — сидят молодые женщины. Над сценой транспарант: «Горячий привет дорогой матери!» Крупными такими буквами. Видимо, администрация позаботилась. А в нашем доме пятеро ребят, матери которых сидят в том самом зале и слушают выступление «дорогой матери». Сами-то они лишены родительских прав, осуждены за тунеядство, аморальный образ жизни. И вот я говорю

им: «Когда собиралась к вам в гости, дорогие женщины, у детей ваших спросила, передать ли приветы вашим мамам. А дети ваши промолчали, ни один не попросил привет передать...»

Рассказываю это и слышу: в одном углу зала кто-то всхлипнул, в другом. Плачут. Задело. Но мы порою наивны, нам хочется верить в лучшее, верить в то, что совесть вернется к этим женщинам. И как же часто мы обманываемся в своих надеждах! Пишет такая... своему ребенку из зоны: «Зайчик мой, девочка моя!» Но выходят на свободу, и все начинается сначала: пьянки, мужья и немужья без счета и разбору... и ребенок вновь ненужный.

Наши дети боятся возвращения к родителям. Это до какого же состояния надо дойти, до какой же степени потерять человеческий облик, чтобы собственные дети не хотели возвращаться к отцу, матери, а матерью называли вроде бы и чужую им женщину?

Эти матери ничего не создают. Они только уничтожают!

Сегодняшнее сиротство при живых родителях — это боль и горечь нашего общества. Из детского дома все пути ведут в современную семью. А она нередко больна. И больна тяжело. Больна нелюбовью, немилосердием к детям. И не зря же в Уставе нашего фонда записано, что одна из главных его забот — семья. Мир в семье. Лад в семье.

Как этого добиться?

Нам всем об этом думать.

Я убеждена, что многие социальные болезни нашего общества должна спасать мать. Больше женщин должно быть мамами. Случайных, черствых, равнодушных людей нельзя допускать к воспитанию подрастающего поколения.

Таких людей нет и не может быть в нашем фонде. Я думаю, что именно благодаря людям, чья совесть открыта чужой боли, детской беде, и создается наша небывалая организация.

Каким будет детский фонд, зависит от нас с вами.

Давайте же сделаем все возможное, все, что только в наших силах, чтобы детство наших детей стало поистине счастливым.

Я пенсионерка, ветеран труда. Мне 73 года. Я одинокая, детей у меня нет, поэтому высылаю в детский фонд 1000 рублей, пусть мой вклад послужит помощью для воспитания детей-сирот, чтобы за ними был хороший уход, чтобы они выросли достойными людьми нашей Родины. Желаю им хорошего здоровья и счастья.

В. ПОНОМАРЕВА,
Керчь Крымской обл.

Пишут вам командиры Очерской специальной школы для детей и подростков, нуждающихся в особых условиях воспитания. Мы счастливы, что у нас в школе есть все условия для того, чтобы учиться, трудиться, заниматься спортом. Умеем мы дружно жить и хорошо отдыхать. Мы хотим помочь ребятам, которые не имеют этого. Примите часть заработанных нами денег в Фонд помощи детским учреждениям в сумме сто тысяч рублей.

Пишет вам ученица 2-го класса «А» средней школы № 2 г. Анапы. На уроках труда мы делали поделки и продавали их на ярмарке солидарности. И получили 15 руб. 12 коп. Эти деньги мы сдали на счет 707. У нас в классе есть мальчик Чепурной Алеша, он собирал лечебные травы и сдавал в аптеку. Он получил 90 коп. И перечислил их в детский фонд.

Александр КУЗНЕЦОВ:
«Мы должны использовать любую возможность, чтобы побудить рабочих думать, решать, творить».

Михаил
 БРИМАН
 Фото
 Альберта
 ЛЕХМУСА

РИСК РАДИ ЗА

Когда мы встретились в первый раз? Кажется, в семьдесят девятом. Может быть, годом позже. Как бы там ни было, задолго до XXVII съезда партии.

Я готовил тогда корреспонденцию о цеховых столовых. На Красноярском металлургическом заводе имени В. И. Ленина — КраМЗе — каждая оказалась не только удобной и «быстрой», но и со своим лицом. Проектировали их творческие группы рабочих и инженеров, созданные в этих цехах. Под защитенный принародно проект дирекция находила необходимые материалы и оборудование. Строили тоже сами.

— А почему не пригласили специалистов, — спросил я директора завода, — дизайнеров, к примеру?

Александр Николаевич Кузнецов бросил на меня оценивающий взгляд, будто решая, стоит ли углубляться в эту тему. Словно забыв о вопросе, вдруг заговорил о себе. О том, что в наше время получить работу, требующую от человека всего данного ему природой и образованием, — редкое счастье. А директор современного завода — именно такая работа. Вот только людей, достойных ее, куда больше, чем директорских кабинетов. Поэтому мы в долгу перед теми, кому повезло меньше. Особенно перед рабочими, на долю которых еще достается слишком много тяжелого, однообразного труда. И надо использовать любую возможность, чтобы побудить их думать, решать, творить. Столовые по собственным проектам — одна из таких возможностей. Просто ее надо было увидеть...

4 Позже он не раз возвращался к мысли о том, что

ему повезло. И даже пытался доказать это. В тридцать один год — начальник производства Каменск-Уральского металлургического завода. В тридцать три — главный инженер большого строящегося завода в Белой Калитве. Это спустя всего пять лет после окончания в 1951-м. И в главных инженерах не пересидел. В 1966-м был назначен директором строящегося завода в Красноярске. Завода, который в перспективе должен был стать самым большим в отрасли. Той, что обеспечивает алюминиевыми сплавами и изделиями из крылатого металла нашу авиационную и космическую промышленность.

Я уже почти поверил, что Кузнецову всю жизнь просто везло, не расскажи Александр Николаевич одну из историй своей военной молодости. Рассказал как о забавном случае, как иллюстрацию той мысли, что в критических ситуациях в человеке вдруг могут проявиться способности, о которых он никогда не подозревал.

...В марте сорок второго лейтенант Кузнецов, только что выписавшийся после ранения из госпиталя, был вызван в штаб армии. В тыл противника планировалось забросить несколько рейдовых групп, и одну из них предложили возглавить лейтенанту. Впрочем, дело это абсолютно добровольное. Лейтенант может отказаться, тем более он только что из госпиталя. Но лейтенант не думал отказываться. Более того, он чувствовал себя польщенным, что выбор пал именно на него, двадцатилетнего комсомольца.

Сплошной линии окопов в то время на Калининском фронте не было. И представлялось, что переход на ту

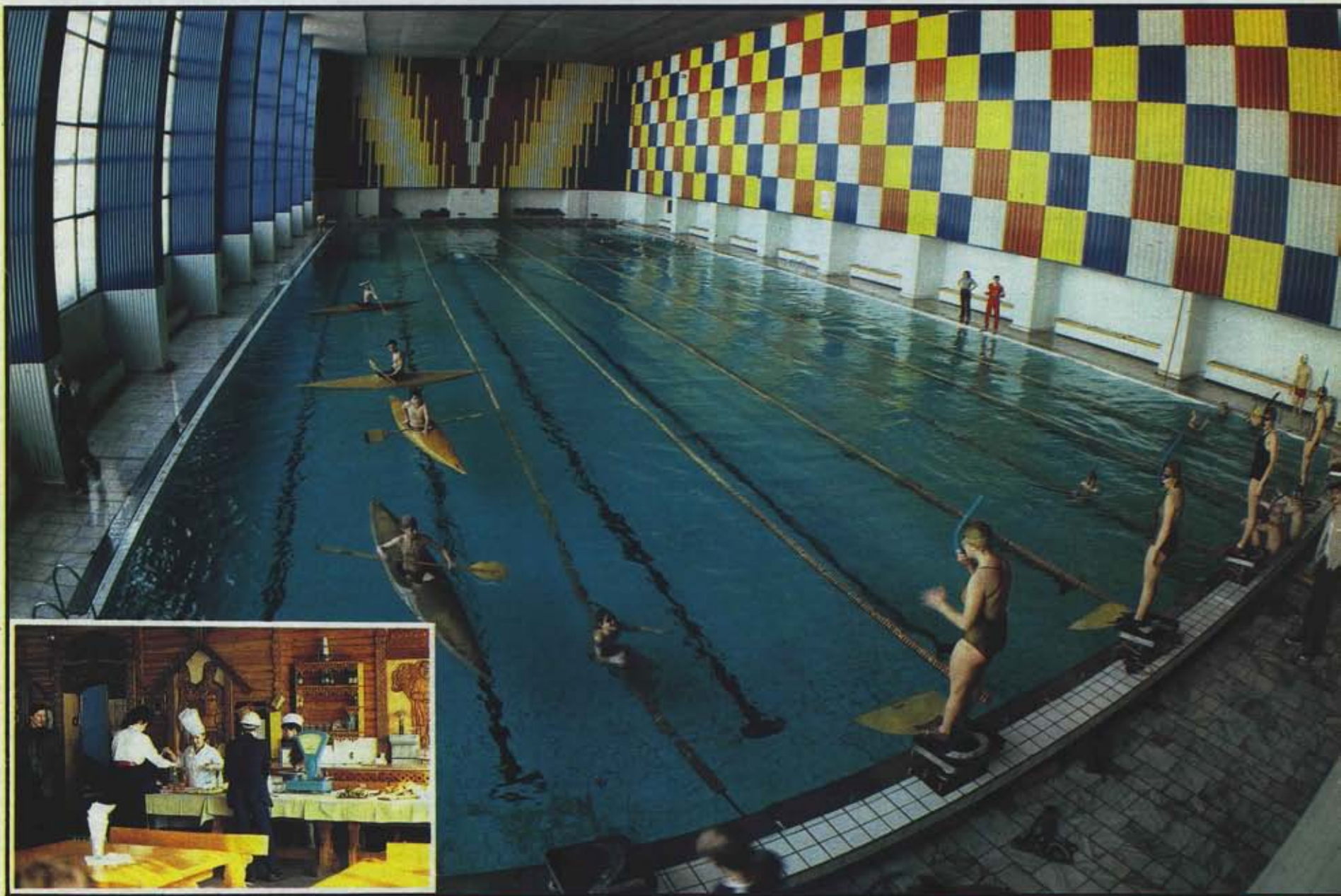

сторону не составит труда. Тем более что проводить группы должен был знаменитый на весь фронт дед Симон, который к этому времени уже успел забросить в тыл противника не одну группу разведчиков и партизан.

Однако немцы постоянно совершенствовали систему опорных пунктов, все более тщательно следили за возможными «окнами», и две попытки перейти линию фронта оказались безуспешными. Третья едва не кончилась трагически. Проплутав всю ночь, дед Симон вдруг заявил, что заблудился и даже дороги назад не знает.

Встретить рассвет на нейтральной полосе, под самым носом у немцев, означало верную смерть. А дорогу назад никто не знал. От Кузнецова же помощи ждали меньше всего. Его группа была замыкающей,

РАВОВОГО СМЫСЛА

И бассейн, где могут тренироваться даже байдарочники, и цеховые столовые, и детские ясли, в которых малышей учат плавать раньше, чем ходить, и танцевальные залы, и даже крытый конный манеж — все это построено на Красноярском металлургическом заводе руками самих рабочих.

ползла за другими, и уж ему-то дорогу запоминать было вовсе ни к чему.

— И вдруг,— рассказывал Александр Николаевич,— не знаю, почему и как, весь пройденный путь проявился перед моими глазами, как фотобумага в проявителе. Я видел каждую ложбинку, каждый кустик. И тут же услышал самого себя: «Я знаю дорогу. Следуйте за мной!» И голос слышу твердый,

уверенный. Даже не удивился, что пять командиров других групп — капитаны и майоры — тут же поверили мне и подчинились. И представляете, вывел ребят точно к тому же месту на передовой, от которого начали движение. Ну а на следующую ночь дед Симон все-таки нашел дорогу. И мы несколько месяцев действовали в тылу у немцев...

Он рассказал эту историю, как загадочную, до сих пор ему не совсем понятную, приглашая удивиться неожиданному в человеке. А я, слушая его, думал, какая душевная сила должна была таиться в молоденьком лейтенанте, чтобы в присутствии более опытных и старших по званию командиров взять всю ответственность на себя. Нет, в человеке, чтобы ему «повезло», должно быть нечто достойное такого везения. Дырявому парусу и попутный ветер — слабая подмога.

В тот раз я и спросил его, насколько директорская должность предполагает способность к личному риску. Он пожал плечами.

В принципе все важные решения предварительно обсуждаются коллективом компетентных людей, поэтому риск директора, за которым последнее слово, как правило, невелик. Жизнь, однако, создает ситуации, при которых, если не хочешь, чтобы страдало дело, надо рисковать, ни с кем не советуясь. Когда завод одновременно с производством стал развивать непромышленную сферу, обнаружилось, что никто из работников не распространяется. Вместе с тем именно от них зависит быт людей, сбережение того, что строилось с таким трудом, заводского оборудова-

ния. Где-то в верхних инстанциях, экономя тысячи, согласны были терять миллионы. И он, Кузнецов, вопреки всем правилам и инструкциям приказал бухгалтерии выплачивать районный коэффициент всем работникам завода без исключения.

Ему и на этот раз повезло. Через полгода, еще до того, как спохватились ревизоры, наверху ошибку исправили.

— Не могу терпеть, когда по чьему-то недомыслию попирается здравый смысл,— прокомментировал он этот свой шаг.

Увы, едва ли не все годы его директорства руководствоваться здравым смыслом означало рисковать. Остаточный принцип планирования строительства объектов социальной инфраструктуры, как это оценил XXVII съезд партии, тоже был вопреки здравому смыслу. Но сколько директоров заводов, его коллег, понимая это, так и не посмели рискнуть. А он знал, что без развитого социально-культурного заводского комплекса стабильный коллектив не создать, рабочих, особенно молодых, не удержать. Именно в те годы он построил столько всего, что, перечисляя, непременно что-нибудь забудешь. Пять спортивных залов под одной крышей, а под другой — четыре теннисных корта, крытый ледовый стадион для хоккея с шайбой, плавательный бассейн с четырьмя 50-метровыми дорожками. Свои Дом быта, поликлиника, профилакторий, база отдыха на берегу Красноярского моря и пансионат на берегу Черного. Уникальный Дворец культуры, названный Дворцом труда,— гордость и достопримечательность Красноярска. Что еще? Прошлой зимой сдан в эксплуатацию крытый конный манеж с двадцатью лошадьми самых изысканных пород. Свыше ста детей работников завода учатся здесь верховой езде.

Не менее важно и то, что все объекты строили сами заводчане. И я еще скажу об этом. А пока еще раз о том, чего это стоило в те годы.

На XXVI съезде партии, делегатом которого был Александр Николаевич, один член правительства, представляя его другому члену правительства, сказал:

— Знакомся, это тот самый Кузнецов, который построил все, что запрещалось строить, и не получил даже выговора...

Вот такое было время. Правда, время было и такое, что Звезда Героя Труда могла бы его защитить. Вот только Героя он получил уже после того, как все главное построил.

И сейчас он, похоже, испытывает едва ли не равное удовольствие от того, что и дело сделал и от наказания ушел. Другие за подобные вещи — при выговорах, как при медалях, а он и от бабушки ушел, и от дедушки ушел. И очень похож на мальчишку, когда рассказывает о том эпизоде на съезде. Он вообще в свои «за шестьдесят» все еще похож на мальчишку — легкой, худенькой фигурой, легко загорающими глазами, которые каждого нового человека встречают с неизменным любопытством: а что в тебе есть, человеке, что нового, неизвестного ты расскажешь, каков твой самый сокровенный секрет?

Как-то я сказал ему об этом. Он улыбнулся. И вдруг заговорил о том, что всю войну провоял комсомольцем. Даже когда стал ротным командиром, а потом помощником командира полка, формально ходил в молодых, даже юных... Это важно, что и спустя сорок лет он помнит себя молодого.

— Мы привыкли к аксиоме: будущее принадлежит молодежи... А когда распределяем жилье, начинаем считать стаж, заслуги перед производством. Считать их, конечно, надо. Но что делать только женившемуся парню, у которого пока ни заслуг, ни стажа? Помыкается с одного предприятия на другое и вдруг начинает понимать, что он со своей любовью никому не интересен. А в молодости так важно быть кому-то интересным...

Это слово «интересно» неожиданно в беседе со мной произнесла и Лена Шалина, секретарь комитета комсомола КраМЗ.

— Бываю у него не реже чем раз в неделю. Прихожу со всеми нашими бедами. Понимаете, Александр Николаевич это интересно...

Впрочем, стало общим местом: хороший руководитель регулярно встречается с молодежью. Помогает, чем может... Но слишком часто почему-то оказывается, что может он немного.

А на металлургическом задолго до XXVII съезда стали строить «малосемейки». Нет, не общежития гостиничного типа, а самые настоящие жилые дома с однокомнатными квартирами. Для семейных пар, ждущих первого ребенка. Проектов подобных домов не существовало. Не рекомендовалось строить жилье из кирпича, а панели рассчитаны на многокомнатные квартиры. Но Кузнецов все-таки добился своего. Сегодня на КраМЗе уже более 600 молодых пар получили квартиры в малосемейках. Строится еще 400 таких квартир. Часть из них силами МЖК.

Кстати, о встречах директора с молодежью. Год назад три молодых заводских инженера стали лауреатами премии Ленинского комсомола. В области техники. Я был немало удивлен, когда узнал, что с ними-то директор почти не встречался. Удивлен и разочарован.

Кузнецов объяснение этого факта начал издали. Прославленный авиаконструктор О. Антонов однажды сказал, что из всех видов труда сотворение коллектива — труд высшего порядка. Почему? Потому что сплотить и направить тысячи людей не под силу одному самому гениальному человеку. Он может это сделать только в том случае, если соберет «команду» ближайших помощников, каждый из которых личность и одновременно твой единомышленник. И, может быть, главное, что ему, директору, удалось сделать, — это собрать такую команду. В ее составе главный металлург завода Вячеслав Александрович Золотухин. Он, в свою очередь, искал людей, способных загореться новым интересным делом. И нашел их среди молодых, недавно окончивших институт инженеров. Кстати, и сам Золотухин пришел на КраМЗ молодым. Здесь стал кандидатом, а затем и доктором технических наук.

Что же касается его, Кузнецова, личного влияния на судьбы будущих лауреатов, то оно определялось одним: характером задач, которые он поставил перед коллективом.

А задача, поставленная перед Золотухиным и его командой, была весьма непростой.

Для того чтобы придать алюминию необходимые качества, его нужно превратить в сплав, насыщенный определенными легирующими добавками. Пламенные печи, в которых можно плавить любое количество алюминия, для этого не годятся. Углеродородное топливо выделяет очень много водорода, с которым алюминий охотно вступает в соединение и теряет в качестве. В электрических индукционных печах качество сплава несколькими порядками выше, но они слишком малы.

— Увеличить мощность подобных печей хотя бы в два раза,— объяснял директор,— задача, достойная большого НИИ. А для завода, не имеющего своей научно-экспериментальной базы, такую задачу можно отнести к разряду неразрешимых. Браться по принуждению за нее нельзя, можно только добровольно...

Кузнецов оказался перед выбором: ставить или нет такую задачу перед коллективом. И решил, что надо ставить. Потому что именно такие, на грани невозможного, цели только и способны вызвать взрыв творческой энергии. Именно они способны сделать жизнь людей по-настоящему интересной.

О том, насколько это оказалось плодотворным, может свидетельствовать одна только цифра. В процес-

се работы над принципиально новой печью Золотухин и его молодые сотрудники запатентовали 27 изобретений. Сначала вместо девятитонной индукционной печи была создана 25-тонная. В декабре прошлого года запущена 50-тонная. А сейчас на заводе заканчивается монтаж 100-тонного агрегата, в состав которого войдет созданный на заводе вакуумный миксер, в котором можно получать алюминий, намного превосходящий по своим прочностным характеристикам сталь. Подобный агрегат в мировой практике аналогов не имеет.

Индукционные печи большой мощности не единственное научно-техническое направление, в котором находят себя молодые. На заводе ведутся серьезные изыскания в области порошковой и гранульной металлургии. Это в цехе, которым руководит Лидия Галиева.

— Женщина — начальник цеха на таком мужском заводе? — удивился я.

— Хотите, познакомлю?

Мы отправились в цех. Лиде Галиевой оказалось двадцать восемь лет, а выглядит она еще моложе. На заводе ей понадобилось всего пять лет, чтобы из выпускницы Красноярского института цветных металлов стать начальником одного из самых интересных и перспективных цехов. Впрочем, на заводе целая когорта молодых начальников цехов.

— Научно-технический прогресс,— объясняет Кузнецов,— напрямую связан с человеческим фактором. Носители ускорения — это прежде всего личности. Но, с другой стороны, невозможно и активизировать человека, не ставя перед ним больших, на грани невозможного, научно-технических задач. А эти задачи более всего по душе молодым...

И неожиданно вышел на свою старую, знакомую мне по нашей первой встрече мысль:

— Знаете, чем прекрасно наше время? Оно требует, чтобы думал каждый. И создает для этого условия...

Я подумал, что это он и такие, как он, торопили наступление нового времени. Еще тогда, когда обязанность «думать каждому» не была возведена в ранг государственной политики, он пользовался любой возможностью, чтобы приблизить это время. Так было со столовыми. Так было с Домом быта. Вопрос, где его строить, на территории завода или вне ее, можно было решить в узком руководящем кругу. А Кузнецов предложил провести общецеховую референдум. Чтобы рабочие на своих цеховых собраниях поспорили, убеждая друг друга в своем варианте. Большинство высказалось за то, чтобы строить на территории. Так и сделали.

Дворец труда тоже строили по своему, обсужденному во всех цехах проекту и своими силами.

Директор дважды в день — утром и вечером — приезжал на стройку. В один из вечерних приездов увидел, что бригада заводских рабочих заканчивает настил своего участка мраморного пола. Все делалось по проектному рисунку, добротно. Он похвалил бригаду. А на следующее утро вдруг обнаружил, что уже готовый участок разобран и его начали собирать заново.

— В чем дело, товарищи?..

Закончить ему не дали.

— Не понравилось, Александр Николаевич. Рисунок можно сделать лучше...

И показали эскиз, нарисованный одним из рабочих за ночь.

— Понимаете,— комментировал этот случай директор,— они сами решили переделать работу, которую я похвалил... А почему? Да потому что почувствовали себя не исполнителями чьей-то воли, а творцами...

И вздохнул:

— Ах, если бы возможность думать и решать я мог бы создать для каждого... Уверен, не было бы и половины тех социальных проблем, с которыми мы сталкиваемся сегодня...

Это было семь или восемь лет назад. Словом, задолго до XXVII съезда, до январского и июньского Пленумов, когда вопросы демократизации нашей жизни, самоуправления были переведены в плоскость конкретных практических задач.

Конечно, сегодня ему легче, чем многим. Не надо ломать себя, не надо настраиваться на перестройку. Ведь это его время, то, которое он приближал. Но легче — не значит легко.

Завод, который он создавал «с первого колышка», восемнадцать лет из месяца в месяц, из квартала в квартал выполнял и перевыполнял государственные задания. А нынешний, девятнадцатый год, впервые перейдя на новые условия хозяйствования, когда главным критерием успешной работы стало исполнение договорных обязательств, начал с того, что не выполнил их почти на процент. Здесь была вина не только коллектива. Но об этом директор говорить не склонен. Не склонен и утешаться тем, что на первых порах результаты могли быть куда хуже, если бы не «задел» инициативы и творчества, созданный в прошлые годы. И директор думает о том, что, как бы ни был широк директорский парус, собрать под него многотысячный коллектив невозможно. Можно только одно — помочь каждому на его рабочем месте поднять парус собственный. Этим Кузнецов занят и сегодня.

ПО ХОДУ ДЕЛА

В редакционной почте немало критических писем о том, как, ни с кем не советуясь, не проведя необходимой подготовки, некоторые руководители затевают реорганизацию производства, вводят новшества, ущемляющие интересы рабочего человека. Новшества-то, может быть, сами по себе и правильные — например, бригадный подряд. — но поскольку «внедряются» они необдуманно, наспех, то ничего хорошего не приносят — ни людям, ни производству. Самое тревожное, что делается все это под лозунгами ускорения и перестройки. Как пишут наши читатели, формальное, бюрократическое отношение к перестройке, стремление поскорее отпарировать об «успехах» может лишь дискредитировать хорошие идеи. Сегодня мы публикуем некоторые письма на эту тему.

✉ ДЛЯ «ГАЛОЧКИ»

Здравствуй, уважаемая редакция! Пишут вам водители АТХ-2 города Алдана Якутской АССР.

Прочитали вашу статью «Демагогия» в 20-м номере за 1986 год. Заинтересовала нас эта статья из-за того, что ситуация совершенно такая же, как и в нашем хозяйстве.

Дело в том, что на каждую автомашину спускается индивидуальный план, и если он выполняется — водители получают премию. Сейчас же в бригаде насчитывается 20 машин, и получить ту же премию можно лишь при условии, что все 20 машин выполнят план, а это очень трудно — и старые машины, и нехватка запчастей, и нестабильная нагрузка; у многих водителей и навыка маловато в работе. Словом, не все справляются с заданиями. А опытные водители делают на рейс-два больше. Короче говоря, сложилась такая ситуация: если бригада с планом не справляется, то она полностью лишается премии. И во внимание не берется, что кто-то план выполнил на 120 процентов, а кто-то и рейса не сделал. Таков смысл нашего бригадного подряда, который сильно ударил по карману добросовестных работников, внес раздор в бригаде, бьет по рукам, отбивает всякое желание трудиться лучше.

Мы понимаем: бригадный подряд — дело хорошее и нужное, но если оно

правильно организовано. У нас же к подряду, похоже, подошли формально — ради «галочки», ради рапорта для вышестоящего руководства. И как итог — полное недовольство всего коллектива. Водители в один голос заявляют, что такой подряд нам не нужен, а руководство в ответ свое: дескать, мы не понимаем политику партии. Нет, мы ее понимаем и полностью поддерживаем. Но ведь к любому новому делу нужно подходить серьезно, не забывая, что рядом люди, с которыми надо советоваться, и только после этого принимать решение.

Так бригадный подряд в нашем хозяйстве свелся к... уравниловке. Начальник, товарищ Григорьев А. М., так и сказал на собрании: «Если раньше один получал 500 рублей, другой 200, теперь этого не будет...» Ну, а как же принцип социализма «От каждого по способностям, каждому по труду»? «Каждый рубль должен быть заработан, а заработанный рубль получен», — говорил М. С. Горбачев.

Уважаемая редакция, мы очень просим разобраться в нашем деле. Когда в беседе со многими руководителями мы ссылались на вашу статью, нам говорили: «Товарищи, это все дела корреспондента. Его дело писать, ваше читать, а наше руководить...»

Под этим письмом могли бы поставить свои подписи все члены нашего коллектива, но ограничиваемся только этими:

Кулешин, Лесков, Стрига, Иванов, Нигматулин, Харченко, Манженевский, Матвеев, Косарев, Бойцов, Лыскар, Ключко, Ткачев, Агапов, Шванев, Фомичев, Лизнов, Горбаченко, Фатеев, Чикун, Овчинников, Чурилов, Бородин.

г. Алдан,
Якутская АССР

✉ И НИЧЕГО НЕ МЕНЯЕТСЯ...

Дорогая редакция!

Пишет вам от имени всей бригады, а точнее сказать, всего цеха пошива обуви Комсомольской-на-Амуре фабрики ремонта и пошива обуви Малашевская Людмила Андреевна. Работаю я на фабрике почти 13 лет, а всего в этой отрасли 22 года. Дело свое знаю, как говорится, от и до. Может, мы чего-то недопонимаем или нам неправильно разъяснили? А дело вот в чем. В июле у нас снижают расценки сразу на 20 процентов и говорят, что скоро будем подходить к типовым нормам — это значит, снизят расценки еще на 20—30 процентов. Но ведь за последние десять лет у нас не внедрено никакого нового оборудования! В руках все тот же дедовский молоток, нож и шило.

Молодежь у нас не задерживается. Планы возросли вдвое. В цехе очень

большой шум, запыленность, загрязненность, полы все избитые, влажную уборку уже не проводили год, подметут веником — и все. Ну ладно, это еще полбеды. Главнов — оборудования нам в цехе не прибавится, сказали: нет средств. Но вручную становится работать все труднее. В нашей бригаде у одиннадцати из восемнадцати человек заболели руки. Организацией труда никто не занимается. Обращались мы в горком профсоюза и даже в горком партии, были у нас представители из краевого управления. Факты подтверждались. Поначалу вроде бы примут какое-то решение, а потом все затихает, и никто дальше не контролирует, что сделано, чтобы исправить эти недостатки. Вот и последний раз мы обратились в горком профсоюза, потому что нам на месте не смогли объяснить, почему так резко снизили расценки и будут еще снижать, хотя производство к этому еще не готово. Пришла на фабрику, на рабочее собрание представитель райисполкома и обвинила нас в том, что мы не хотим работать, а только жалеемся. Надо, сказала она, читать газеты, чтобы идти в ногу с современностью. Газеты мы читаем, но нигде не написано, что рабочие должны молча «вкалывать» и не иметь своего мнения. Да, мы должны качественно работать, справляться с планом, а инженерные службы — правильно организовать нашу работу.

Наш новый директор сначала вроде бы прислушивался к мнению коллектива. Он сам убедился, что служба технологов работает плохо, начальник планового отдела слаб, а ведь эта должность — что дирижер в оркестре. Очень много было финансовых нарушений из-за плохого контроля со стороны бухгалтерии. Но все сидят на своих местах, а директор говорит: нет замены... Но тогда требовать надо с них построже! Вот, может быть, отсюда и все наши беды.

И вот в такой обстановке пришло указание сверху, чтобы переходить к типовым нормам. Конечно, об этом давно надо было подумать и готовить предприятие: менять технику, технологию, организацию и условия труда, но ничего этого не сделали. Получается, хотя бы повысить производительность за счет наших рук и здоровья.

Вот это и побудило взяться за перо. Ведь в такой нервной обстановке трудно работать, а бегать с места на место не хочется. Так что же нам делать?

«Смена» — последняя инстанция, куда мы обращаемся за помощью. Понимаю: вы и так очень загружены. Сейчас у вас очень большой объем работы, журнал охватывает все стороны жизни, очень интересный журнал; может, потому и пишу я именно вам. Ведь мы, как говорится, не перепрыгивали через головы, прежде чем обратиться к вам. На

собрании нам ничего не объяснили, просто накричали на нас. Мы сказали, что будем писать в центральные органы. Нам ответили: пишите, все равно ваше письмо пришлют сюда и разбираться будут здесь... Неужели это так?

С уважением,

Л. А. МАЛАШЕВСКАЯ,
Комсомольск-на-Амуре

✉ «...НЕ НА СЛОВАХ, А НА ДЕЛЕ!»

Штурмовщина, суета, переделки и в конечном счете — брак, убытки... Все это по-прежнему царит в строительстве, будто бы и нет перестройки. В чем же дело, почему и сегодня мы не можем работать в нормальных условиях?

На мой взгляд, многие беды в строительстве из-за жесткого, «волевого» планирования. Трудно понять, из чего исходят наши вышестоящие организации, утверждая нам годовое задание. Зачастую выдается заведомо невыполнимая программа, и при этом говорится: мол, наращивайте свои мощности. А как наращивать, если в районе не найти рабочих, острые проблемы с техникой, а средств на развитие собственной базы нет...

Яснее ясного, что выполнить план в таких условиях — дело немалое. А коль не справляешься с заданием, то автоматически лишаешься всех материальных льгот. Кого устроит такая работа? Неудивительно, что молодежь на стройку нынче не заманишь; из коллектива уходят последние квалифицированные кадры...

Чтобы работать лучше, эффективнее, надо больше считаться с коллективом, его возможностями, не ограничивать, а расширять его права. Такой подход расшевелит и заказчика, который и в настоящее время остается за чертой ответственности, уверенный в том, что подрядчика в любом случае, рано или поздно, обяжут... А обязательство ничего путного не обещает. Перестраиваться надо не на словах, а на деле, и не кому-то, а всем!

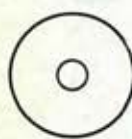
Сергей КУЧИХИН,
главный инженер Нахабинского СМУ
треста «Мособлинжстрой-1»

ОТ РЕДАКЦИИ. Как никогда раньше читателей волнуют вопросы, связанные с перестройкой экономики. Наша почта свидетельствует, что есть на этом пути и удачи, есть и просчеты, ошибочные решения. Но, как известно, не ошибается тот, кто не ищет. Важно, чтобы из просчетов извлекались уроки на будущее. В этом — суть публикуемых писем.

Георгий ПРЯХИН

ЛИПЫ

льга уверена: там, на поле, в лощинке, у нее и завязалось.

Врубилась... Ночью, случается, он уже и уснет, умаявшись и с работой, и с нею, а она все целует его потихоньку и целует. Ей даже лучше, что он спит. Целует его шрам, что протянулся неровно, узловато, как борозда, прорезанная, прорванная в щели, от шеи через плечо и ключицу до самого соска левой груди. Целует и каждый раз замирает от страха при мысли, что возьми осколок чуть глубже — и никогда бы не свидеться им, и сын бы у них не родился. Не «нашелся» бы, как говорят здесь, в деревне.

Теперь-то она знает, что муж служил действительно в Афганистане, в разведбатальоне. Что такое разведбатальон, Ольга толком не знает, но само присутствие тут слова «разведка», да еще в таком энергичном, укороченном наподобие штыка виде пугает ее еще больше. Из Афганистана он, знает Ольга, приехал с собакой. Вообще оттуда даже минерам, для которых специально натасканные собаки — первые помощники, не разрешается забирать с собой четвероногих сослуживцев. А он забрал. Справил огромный «дембельский» чемодан, устроил в нем вентиляцию, втиснул в него Пальму, велел не дышать, не шевелиться, умереть и дозвез. Мертвой. «Ожила» она уже в Союзе, на таможне. Но что делать? Не отправлять же ее назад, в Афганистан? А еще таможенников подкупило, что в чемодане у парня больше ничего не было. Ни джинсов, ни «шарпа». Как не было ничего, кроме бритвы и поводка, и в сумке, переброшенной через плечо. Из аэропорта они вышли уже вместе. И первое, что сделала Пальма, — это, встав на задние лапы, взвизгивая и захлебываясь, облила его от макушки до носков ботинок.

Ольга целует мужа молча, без суеты и иступления, как вылизывает своего новорожденного теленка корова. Да-да, ей иногда кажется, что она сама родила себе и сына, и мужа. Целует эту жестковатую, совсем еще не оплывшую — как оплывает, сгорая, свеча, — юношескую еще арматуру, каждый узелок, каждую впадинку, его же, к слову, накануне и вымытые.

Да, муж приезжает с работы, и она любит мыть его сама. Согревает к его приезду воды, ставит лохань, сохранившуюся еще бог знает с каких времен. Только муж переступает порог, пропыленный, обветренный — с пучком ландышей или просто с цветущей липовой веткой в руке, — как она велит ему тут же, с порога, сбрасывать все до нитки и, как мальчишку, сажает в лохань. И парит, и трет, и скоблит, и заставляет встать в полный рост, и, подставив скамеечку — иначе ей не достать, — поливает его сверху из деревянного корчика. Он обреченно мотает головой, отфыркивается. Но она, и сама вымокшая до нитки, распарившаяся от тепла и усердия, от послушной податливости этого юношеского тела, которое она мнет и месит, как молодое тесто, входит в привычный азарт, с каким делает любую работу. Да, моет мужа с тем же любовным остервенением, с каким полчаса спустя стирает его сброшенную одежду, с каким и впрямь месит по субботам упругое, с медовым отливом тесто. И мнет, и месит, и лепит...

Работа — вот формула полета. Движения.

Сын на время этой ежечасной экзекуции выставляется из комнаты, а вот Пальма неизменно присутствует при ней. Располагается у порога, положив седующую голову на вытянутые лапы, и ревниво поглядывает на происходящее старыми слезящимися глазами. Бывшая армейская овчарка, родившаяся в вольере и приученная когда-то охранять хозяина от пули и ножа, здесь, в мирной поселенческой жизни, к которой она приспособилась в мгновение ока, она никаких других опасностей для него не видит, кроме этой, одной.

Лохани.

В первые дни после замужества Ольга поняла, что тут, в Белой, ей и суждено осесть. Муж не ставил ей условий, мол, живем только здесь, никаких переездов. Нет. Он лишь рассказывал ей в один из первых вечеров, как после армии добирался вместе с Пальмой из райцентра домой. Успел только на последний автобус,

шедший из города в их райцентр. Да и лучше, что на последний. Автобус был почти пуст, их с Пальмой впустили беспретственно, никому они не мешали, и им тоже никто не досаждал. Не то что в поезде. Приехали поздно. Заночевать им было у кого: в райцентре есть и родичи, и просто знакомые. Да и в автобусе несколько человек, пытавшихся вначале узнать в Михаиле кого-то из своих, райцентровских, предложили, узнав, что парень-таки нездешний, остановиться на ночь у них. Михаил отказался. И не только потому, что не хотелось доставлять кому-то беспокойство. Не терпелось попасть в Белую. Лететь, ехать к ней и вдруг остановиться, споткнуться, когда она вот, рядом, рукой подать.

Странное было у него состояние: будто сам он остановился, а душа все продолжала — вслепую — полет. За два года службы Михаил ни разу не был в отпуске. И, пожалуй, за эти же годы там, в Афганистане, среди чуждой ему, не знающей полутонов стихии, он и привязался-то по-настоящему к Белой: что имеем, не храним, потерявши, плачем. С ее озерком — как ведром прохладной воды, спрятанным в тенечке. С ее дымчатыми полями и перелесками. С липами, от которых Белая в начале лета и не белая вовсе, а желтая, золотистая: стелется над нею, играет на солнце золотая ароматная скань. Запах так силен, что и в самом деле кажется осязаемым, его неистребимый, всепроникающий налет покрывает здесь все вокруг точно так, как на мельницах все — и стены, и жернова, и лица — припорошено толстым слоем мучной пыли. Проведи пальцем по чему угодно, и палец будет пахнуть липовым цветом.

Побродил с собакой вокруг станции, потом не заметил, как ноги сами вынесли его за пределы райцентра. На дорогу, которая вела, петляя, в Белую. Машин не было — лето только вступало в силу, до уборочной еще далеко. Пальма бодро трусила впереди, так, словно знала, куда ей держать путь, хотя не то что в Белую — в Россию-то попала, безбилетная, в первый раз. Исчезли позади последние огоньки райцентра: то ли скрылись, то ли просто погасли. Зато виднее стали звезды над головой. Их как будто намывали, выцеживали — и по одной, и сразу пригоршнями — в черной неохватной полынне июньского неба.

Шел и шел себе, не торопясь, по проселку. Снял фуражку, и ночная, на сенокосе настоящая прохлада ласково оведала, освежала лицо, ерошила потные волосы. Закрой он глаза, окажись в полной, кромешной тьме и все равно бы угадал каждый поворот. Потому что тремя шагами впереди него, рядышком с Пальмой, бежала, летела, радостно нащупывала путь его счастливая душа. Встретились. Соединились. Что касается Пальмы, то она, изо всех сил стараясь сохранить-таки степенное достоинство строевой овчарки, время от времени, увлеченная новыми запахами, шорохами, все же срывается за обочину, рыскает, пригнув морду, в траве. А когда возвращается — бешеными, хотя и молчаливыми (выучка!) прыжками, то искательно заглядывает возбужденными, тускло пощечивающими глазами ему в лицо и виновато виляет хвостом. Мол, и на старуху бывает проруха. И то верно: притомилась, обезножела в неволе — в самолете, в поезде, в автобусе.

На пути у них лежали две деревни. Почуяв Пальму, здешние собаки со всех сторон кидались к ним, подняли шум, того и гляди разбудили бы хозяев. Но стоило только Пальме повернуться к ним широкой, выпуклой грудью, рявкнуть для острастки в натуральную нутряную мощь своего голоса, как разномастная и разнокалиберная свора мигом улетучивалась, таяла во тьме, рассыпалась, ограничиваясь беглым перебором на почтительном расстоянии.

Они и шли, и сидели, и даже лежали в траве. Светало, когда увидели Белую. Михаил еще с детства помнил то место на дороге, с которого перед глазами открывается Белая. Сколько раз за эти два года оказывался он во сне на этом приметном рубеже! Открыть глаза — и вот моя деревня, вот мой дом родной... И сейчас подходил, сдерживая прыть, к нему, к этому рубежу, а сердце уже отмеряло каждый шаг. И Белая не обманула — в урочном месте выбежала навстречу. В учебниках географии есть такая картинка: как появляется на горизонте пароход. Сначала дым над трубой, потом сама труба, потом постепенно и весь пароход. Так и тут. Первое, что увидел Миха-

ил, — липы. Те самые липы, что и раньше первыми встречали любого путника. Первыми встречали и последними, далеко-далеко за околицу, провожали.

Вернее, так: вначале облачко воробьев, курившихся над ними, — это и был дым, а потом и сами липы, а потом уже и всю Белую увидал. Они, липы, были для Белой и трубой, доказывающей наличие жизни, и парусом. Всем. На фоне реденькой, родниковой чистоты и прохладности, сини густо, купно, тепло и домовито чернели — и впрямь как подъятые гнезда — искаленные вершины. Да отсюда и не видно, что искаленные. Просто непомерно широкие, воронкообразные. И Михаил бросился бежать, благо, кто его мог видеть, кроме овчарки Пальмы, которая, не выдержав, залившись-таки звонким, неустанным, почти ценящим лаем, неслась, оглядываясь, впереди него.

Он знал, что отца с матерью в Белой нет, что они, разобрав избу, еще в прошлом году переехали в другую, большую деревню к старшему сыну. А все равно летел на зов этих вершин, не помня себя. В детстве вместе с другими мальчишками проводил на них немало времени, и сейчас это ощущение гнезда, память гнезда легко, как своего, подняли его, взрослого, тяжелого, неподъемного, узнавшего и кровь, и смерть, и многое такое, что лучше бы и не знать, не ведать, на крыло. Да, это было и его гнездо, как и гнездовье всей Белой, хоть и располагалась Белая на земле, а не в воздухе. Хоть и не липы ей, а она липам дала когда-то жизнь. Дала-то она, да держали теперь ее жизнь, живое, они. Липы. Так вот получается. Такой переплет.

Он аполголоса, стесняясь — вдруг не поймет? — рассказывал ей об этом. И вот тогда-то, прижимаясь к нему — а как она еще могла показать, что понимает? — Ольга и осознала впервые, что здесь, в Белой, ей и предстоит свековать. Никуда он отсюда не тронется. И она, стало быть, никуда. Куда же она от него? Прижималась, прирастала к нему, и не просто тепло, а ощущение гнездышка, рождающегося гнездовья проникало в самую душу. С тех пор и она, откуда б ни шла, а все ищет глазами липы. Как увидела их, значит, дома. Значит, Белая. Значит, гнездышко.

— Нет-нет, вы не смейтесь, Чехов действительно бывал у нас в Белой...

Она говорит «у нас» так, словно он был тут вчера. И еще просит не смеяться, а сама уже смеется.

— Я установила: у него здесь жил приятель помещик Шиншин. Судя по всему, Антон Павлович познакомился с ним во время голода, когда приезжал в Поволжье. Позже по приглашению помещика дважды гостил в Белой. Я нашла об этом упоминание вот в этой книжке...

Женщина повернулась на стуле, видимо, хотела взять что-то с полки — комната так мала, что до всего можно дотянуться, не покидая стула, — но сын опередил ее. Вскочил, нашел на полочке нужную книжку и положил ее передо мной. Книжечка была ветхая, но весьма любовно переплетена и подклеена папиросной бумагой. «А. П. Чехов в Поволжье».

— Откройте двенадцатую страничку. Видите?

Я увидел: «По слухам, А. П. Чехов посещал деревню Белую Константиновского уезда».

Я сразу увидел эту строчку, потому что она была жирно подчеркнута химическим карандашом.

— Нет-нет, вы не подумайте, я даже хотела вычеркнуть это слово — «по слухам», — горячо запротестовала женщина, хотя я еще ничего не сказал. Я еще ничего не сказал, но она пологоньку, но весьма настойчиво вынула книжечку из моих рук и, крепко накрывши ее розовой ладонью, положила перед собой. Подконтрольность информации — как бы я еще не вычитал чего-нибудь сомнительного. Ставящего под сомнение истину, которой моя собеседница, как я уже понял, была привержена всей душой.

— Нет, никаких слухов. Все так и было. У меня есть воспоминания очевидцев, свидетельские показания, так сказать. Я их записала, не меняя ни слова. У меня общая тетрадь исписана. Девяносто страниц...

Ей так хотелось залучить меня в число своих единомышленников!

Тетрадь появилась на столе, пухлая, тоже изрядно потрепанная. Появилась, возникла таким же макаром, как перед этим возникла на столе уже упоминав-

шаяся библиографическая редкость. Малыш опять сидел под столом, играл там с собакой, и казалось, что две эти разделенные столешницей сферы никак не сообщаются друг с другом: тут оживленная беседа, там молчаливая возня. Ан нет, общались! Понимали друг друга: стоило моей собеседнице упомянуть о «свидетельских показаниях», так мальчонка вновь выпорхнул из-под стола, как воробей из-под стрехи, и в следующее мгновение тетрадь с «показаниями» лежала передо мной.

Не думаю, что он умел читать: все-таки четыре года и не какой-нибудь городской вундеркинд с калькулятором, а дитя природы с весьма натуральными интересами — достаточно взглянуть, как он ловко управляет со своим волкодавом. Но вот слушать он умел — это точно! Вроде занят своими делами, вроде и нету его там, под столом, а уши на макушке. Все слушал и, занимаясь своими делами, все просеивал — реакция его была сугубо избирательной.

Видно, частенько в этом доме обращались и к чеховской книжке, и к «чеховской» тетрадке.

Видавшая виды, не в одних руках побывавшая тетрадь насквозь исписана аккуратным, округлым женским почерком. Из-за этого безукоризненного почерка казалось, что обложка на ней с чужого плеча. «Политурка», как еще говорили мы в детстве.

— Вы знаете, я записывала сама, но слово в слово. Ничего не меняла, только запятые расставила...

По ее движению я понял, что она уже и тетрадь не прочь бы отодвинуть от меня. Мало ли что я в ней высмотрю. Так берегают от сглазу дитя — заслониw ему лицо ладошкой.

Заслоняла, а глаза улыбались.

Шла по улице. Бабки, коротавшие сумерки (а нигде в Советском Союзе так не экономят пенсию, электроэнергию, дрова и уголь, как в Белой) на лавочках перед домами за картишками, за семечками или за общим сумеречным молчанием, — а за длительные годы одинокой жизни, без старика, без объекта, о который, как известно, преимущественно и оббивают язык до одеревенения, бельская старуха и молчать-таки выучилась, — подзывали ее. И она не чинясь отзывалась на их приглашения. И в карты подсаживалась — научилась! — и к молчанию присосеживалась. «Дочка» — звали ее в Белой. «Эй, дочка, загляни на минутку!», «Дочка, помоги с пенсией разобраться...».

Заглядывала, помогала. И, главное, слушала. Отвыкла Белая от того, чтоб ее выслушивали. Знаете, как слушают в доме стариков: вполуха. Мели, Емеля, твоя неделя. Так и тут: шебуришила Белая на отшибе, разговаривала как сама с собой, а на нее ноль внимания. Зажилась. Засиделась. Пора бы и честь знать. Перспективных вон некогда выслушивать, а тут еще эта. Куда конь с копытом, туда и рак с клешней.

Молчи, Емеля!

И вдруг отыскался человек, который стал ее слушать. Пусть не начальник, но молодой человек. А для Белой молодой — это еще больше чем начальник. Потому что между нею и начальством как таковым —

это еще куда ни шло, это еще можно пережить, а между нею и всем молодым, всем живым — вот где на самом деле проходила полоса отчуждения. И делалась все шире, все мертвее. Даже между Белой и ее детьми, внуками и правнуками. Может, от этого Белая и разговорилась потихоньку. Вспомните, как заговариваются матери: им кажется, что они говорят со своими детьми. Которые давно оторвались от них. Или, что еще хуже, отвернулись.

Так она стала дочкой. Для старух дочкой, а для стариков, пожалуй, невесткой. Потому что в отношении к ней немногочисленных бельских стариков проskalзывало даже некоторое петушенье, характерное для отношения к снохам. Исчезающий вид, как известно, даже исчезает веселее, бодрее на виду у обьявившейся в доме молодежи.

Ее зывали, потчевали чаем, она в одночасье стала в Белой нарасхват.

Когда Ольга узнала, что Галина Васильевна Коптелова, одна из бельских старух, в войну, оказывается, работала в Ленинграде, в Институте растениеводства, что она, разнорабочая института, голодная, спасала вместе с учеными, профессурой от холода и голода вавилонский фонд, что в Ленинграде ее помнят до сих пор, шлют ей семена и клубни — потому и палисадник ее полыхает все лето диковинными цветами, — узнавши все это, Ольга написала о Галине Васильевне заметку в районную газету «Светлый путь».

Это был ее первый опыт, тем не менее заметку опубликовали под рубрикой «Интересные люди нашего района».

Потом Ольга написала об Андрее Ивановиче Сторожеве. Сейчас это ветхий старичок, которого даже на лавочку перед домом подремать на солнышке выводила под руку жена, тоже глубокая старуха, но сохранившая куда больше пороку, чем хозяин. А когда-то в войну Андрей Иванович Сторожев, передовик, стахановец, передал свои сбережения на выпуск танка для фронта. Танку присвоили имя. «Колхозник Сторожев» — значилось крупными белыми буквами на башне. И воевали на нем сразу трое колхозников Сторожевых, сыновья Андрея Ивановича. И воевали, и погибли, сгорели в одночасье, не сберегла-таки родительская броня. А танк, оказывается, восстановили, он довел — и за Сторожева, уже тогда пожилого человека, и за его сыновей, а после войны, когда уже был списан вчистую, танковый полк передал его белорусскому городку, в котором дислоцировался. И танк водрузили на постамент у въезда в городок. Об этом была напечатана крохотная заметка в «Правде». «Колхозник Сторожев» на пьедестале — так называлась заметка. Выходит, надпись не стирали все эти годы, и танк, получается, навсегда принял эту фамилию, тоже вроде бы стал и братом, и сыном.

То был год сорокалетия Победы, и Ольга выхлопотала в колхозе поездку для своих учеников — в составе трех человек — на летних каникулах в тот белорусский городок. Пригласили с собой и старуху Сторожеву. Сама Ольга ехала за свои деньги. Детям, благо билеты за полцены, поездку согласился опла-

тить председатель колхоза. И, еще только ведя переговоры с Ефросиньей Карповной Сторожевой, Ольга снова подъехала к председателю: мол, надо выдать бабуле «командировочные». Тот сначала ни в какую: ни дед, ни бабка в колхозе давно не работают.

И тогда Ольга срезала его, задержанного, злого — колхоз никак не мог выйти из посевной, — единственным вопросом: как он думает, сколько стоит танк? Председатель, сам, к слову, из трактористов, служивший когда-то в танковых частях, сначала выпучил глаза, а потом рассмеялся:

— Ты права. Без вас вода не освятится, и черта лысого купил бы дед танк, не будь на то старухиной санкции...

Сообщение о том, что расходы по ее поездке колхоз берет на себя, прибавило решимости старухе Сторожевой. Дед же вместе с десятком кур был препоручен соседям и получил строжайший наказ не умирать самостоятельно. Дождаться...

Потом написала о замечательных корзинах, которые плетет для всей округи Василий Гаврилович Ионов. И все эти заметки шли под одной и той же рубрикой. И получалось, что «интересные люди района» чуть ли не все скопом проживают в Белой. Или так: что в Белой проживают только «интересные люди». Да в общем-то, думаю, бельчане и сами с интересом узнавали, какие они, оказывается, замечательные. Интересные. Это Ольга знакомилась с ними, а выходило, будто они,

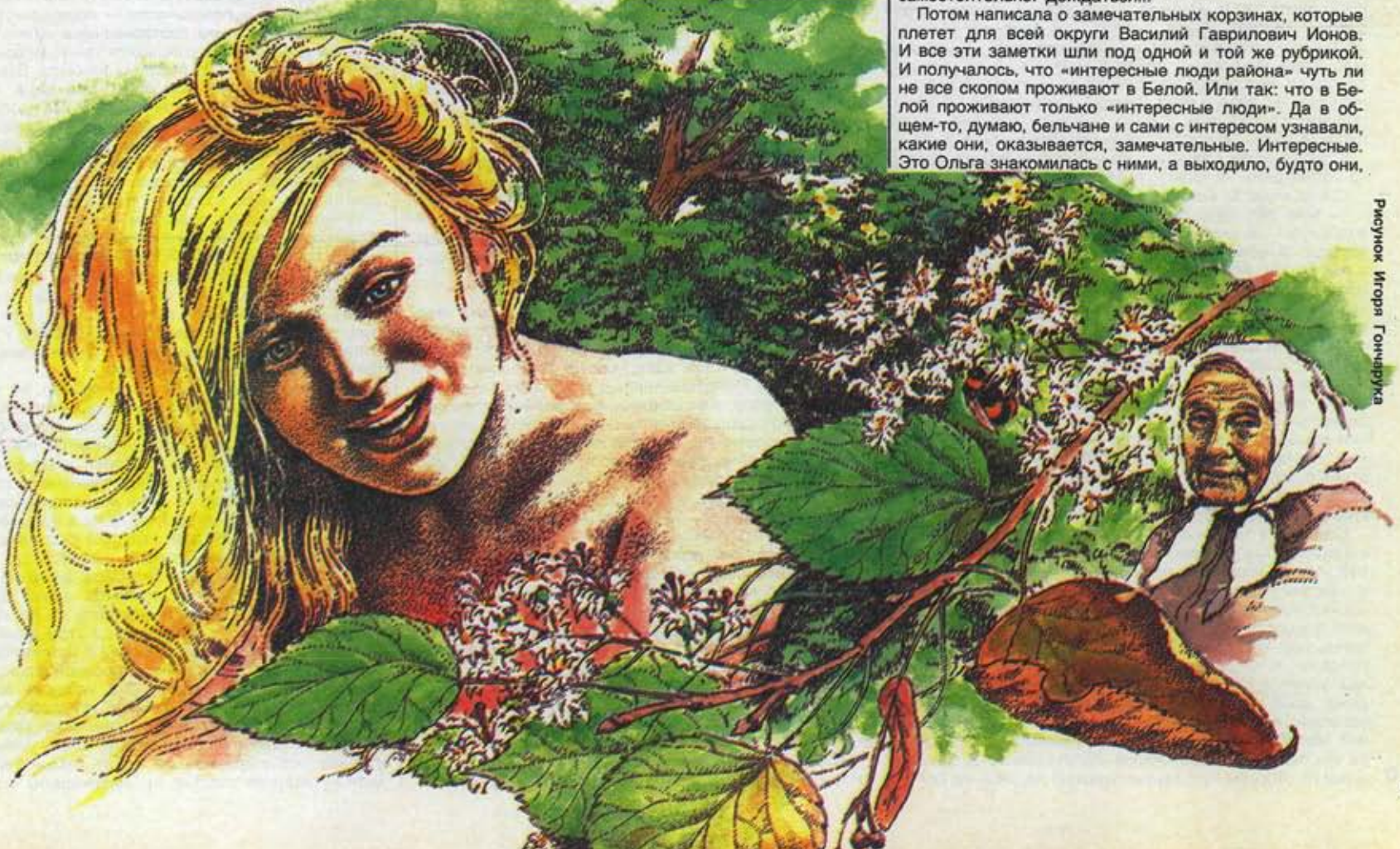

Рисунок Игоря Гончарюка

свековавшие бок о бок, по-новой узнавали друг друга. Знакомились. А то и с самим собой, подзабытым за долгие годы.

И вот однажды явилась к ней в гости Степанида Ефремовна Подсвинова. Самолично. Всю Белую из конца в конец преодолела. Дело было после полудня, Ольга одна возилась по дому. Удивилась, увидев, что в калитку к ней входит Степанида Подсвинова. Но виду не подала. Встретила во дворе, повела в дом. На их крутой лестнице бабка пару раз останавливалась, переводила дыхание. Опираясь на Ольгу, стучала палкой в дубовые ступени и хрипло приговаривала:

— Постоит ишо. Постоит...

Они уже больше часу сидели с бабкой в комнате, и оладьев с клубничным вареньем отведали, и чайком вдосталь попотчевались, а Ольга все никак не могла сообразить, зачем это долгожительница к ней пожаловала. Не сообразила и тогда, когда Степанида, разомлев от оладьев и чая, сдвинув с головы на шею легкую белую косынку (прежде чем сдвинуть, чопорно поинтересовалась, нет ли дома Ольгиного мужа — что и без того было очевидно, — и обнажила седую, с неожиданными густыми волосами голову только после заверений, что никаких мужчин за исключением разве что малолетнего сына поблизости нет), спросила:

— А знаешь ли ты, дева, что в твоём доме бывал Чохов?

Дочкой ее тут звали. Невесткой тоже. Но вот девай?

Надо иметь богатую фантазию, чтобы сейчас, здесь называть ее девай. А впрочем, «дева Ольга». Идет, «лйчит», как еще говорят здесь, в Белой, когда хотят сказать, что тот или иной наряд кому-то к лицу, — хотя какие в Белой наряды: старушечья юбка да кофта — вот и весь наряд. Была же, есть дева Мария...

— Какой Чохов?

— Какой, какой! А ишо учительница. Антон Чохов, не знаешь, что ли?

— Антон Павлович Чехов? — изумилась Ольга. — Бывал в этом доме?

Старуха была явно удовлетворена произведенным впечатлением. Не торопясь, налила еще чайку из чашки в блюдечко, подняла блюде в корычках и как бы обугленных пальцах. Старая-старая, а пальцы все не дрожат, твердо делают свое дело. Отпила, поставила блюдечко перед собой.

— А кто же, он, Чохов, — все-таки старая никак не могла признать, что произносит фамилию неправильно, — и бывал. Наезжал к нашему барину и каждый раз заходил и в этот дом. Тут же купец Лындин жил, село-то было большое, торговое. Третьей гильдии и все-таки купец. Скобяные товары, деготь, сбруя, хомуты. Лавка была на первом этаже, а тут, на втором, жилые комнаты. Чохов зайдет в лавку, хозяин — а торговал он сам, один — обрадуется и давай его в комнаты, на второй этаж звать. А Чохов говорит: «Не торопись, Андрей Спиридоньч, дай подышать, детством пахнет. А за воздух я тебе заплачу». У купца с купчихой детей не было, так они меня вроде как в детки взяли, куда отцу с матерью было четверых по такой голодухе прокормить, я и крутилась завсегда в лавке, под рукой. Так вот Чохов скажет: «Я тебе за воздух заплачу» — и сунет мне в карман монетку. Серебряную! Медь никогда не давал. Сунет и еще ро голове погладит: мол, надо же, какого замечательного приказчика ты себе завел, Андрей Спиридоньч. Потом поднимают чай пить и меня позовут. Держала меня купчиха чисто, я вроде как и не деревенская была.

Старуха опять сделала паузу, выжидательно и строго посмотрела на Ольгу: верит ли? Не перечит ли?

Ольга сидела, не шелохнувшись.

— Мне лет пять было, — продолжала Степанида, вздохнув, — и что у меня хорошего было, так это волосы. В пояс, чистые, мягкие, в кулак возьмешь, а они дышат. Живые. Чохов посадит рядом, посмотрит, погладит, поддержит их в ладони, вроде как на вес пробует — а ладонь у него была большая и теплая, как у мужика, и скажет: «А ну-ка, Стеша, неси гребешок, я сам тебя причешу». Принесу ему роговой гребень, а он сам и распустит их до нитки, а потом и соберет. Да еще как, на городской манер. У барчат такой прически не бывало, как у меня. Я потом несколько дней волосы не трогала, берегла ее. Потом они помаленьку разговораются с Андреем Спиридоньчем, по чарке выпьют, а я потихоньку соскользну со стула и домой. На другой конец Белой. Бегу и крепко-крепко держу в кулаке серебряную монетку. Собак, гусынь — всех кругом обегаяю, чтоб не отняли.

Степанида замолчала. Ольга смотрела на нее почти с испугом. Как-то само собой подумалось, что, пожалуй, самое живое, да в общем-то и самое красивое у старухи — седина. Лицо сморщенное, сохшееся, карикатурно старушечье, а вот волосы хороши. Как дым в морозный день, когда он не стелется безжизненно над крышей, не разметан жиденькими серыми прядями. А когда идет волной, дыханием, исполненным тепла и света. Стоит дом на деревенской улице, даже двор, населенный людьми, скотиной, птицей, геранями на подоконниках, а над ним в ослепительной, как бы надраенной морозом синеве мягко клубится его теплое, чистое, живое коллективное дыхание. Даже со стороны чувствовалась упругую подъемную силу,

что держит его на ветру. Именно сила, а не пустота. И даже со стороны ощущаешь — щекой — теплокровность жизни, которая в этом доме сосуществует.

А тут и жилья-то, можно сказать, нет. Руины. И жизнь почти угасла. А тепло идет. Как от остывающего очага. Спокойное, ласковое, убывающее. А что? Первый признак жилья даже не стены, а дым.

Ольге захотелось погладить бабулю, прикоснуться к ее волосам. Поддержать их на весу. Сейчас-то они еще легче, чем в детстве. Невесомые. Ей почудилась какая-то тайная связь между их долговечной красотой и жизнеспособностью и тем, что их, эти волосы, когда они еще были не ковыльно-древней сединой, а юным, сочным подгоном, держал в своей большой и теплой ладони Чехов.

— И что, прямо в этой комнате?

— Ну да. Вот так, как мы с тобой, и сидели, — ответила старуха.

Потом она долго еще рассказывала о своих болячках, о жите-бытье, попеняла, что на кладбище у них без изгороди: а каково лежать, коли знаешь, что над тобою коровы пасутся? Ты бы, дева, позаботилась о нас, сходила по начальству. Потому что если ты не возьмешься, то кто ж еще возьмется? Собственно говоря, главной целью Степанидиного визита было похлопотать об изгороди на кладбище. Сейчас она как раз и приступила к этой деловой части. Но, похоже, где-то допустила осечку, слишком долго подступалась к делу, потому что Ольга, к явному Стешиному разочарованию, никак на ее подступы не откликнулась. Умолкла, сидела, не двигаясь, отрешившись и от Стеши, и от ее дела. Бездеятельная, сама на себя не похожая. Обычно такая моторная, с лету все воспримчивая, а тут не доклихалась ее.

Старуха обиженно поджала губы, встала со стула.

— Спасибо за чай.

Ольга ее задерживать не стала. Проводила по лестнице, вывела за калитку.

— Это вам спасибо, бабуля. А насчет изгороди не беспокойтесь. Завтра буду у председателя, обязательно скажу. Хотя куда вам торопиться, живите себе.

— Да нет, дева, — спокойно и грустно ответила Стеша. — Эту зиму уже не переживу.

Тщательно повязала голову белым платочком и, не попрощавшись, побрела по тропинке. Прошла несколько шагов, остановилась, обернулась:

— Так ты уж, дева, постарайся до зимы успеть.

И заковыляла дальше.

Лето было на самом изломе, когда в воздухе уже появляется, трепещет текущий ртутный блеск, как на изломе высокосортовой стали. Он уже не добавляет жара, тепла, а только света, резкости, дальности видения. И все вокруг как бы подхлестывается этим неверным блеском. Еще выше взматывается струнный сонм цикад. Гуще, слаще текут над землей ароматы цветов и плодов. Выгибается, тоже приобретаая на солнце, на отдалении сивый, матерый, легируванный блеск, ржаной и ячменный колос, чтобы еще через день-два, если упустят его, «потечь»... Все на высшей ноте. Все на грани. На изломе. Чтобы через день-два «потечь». Извергнуться. Резко переломиться к осени.

Прямо посередине лета занесена серебряная дирижерская палочка осени. Клинок-взмах его неуловим, но след слепит глаза.

И вот в этом лихорадочном шабаше, в этом надтреснутом, перезревшем мире — отсюда и блеск, отсюда и стон, временами уже срывающийся на визг, — маленькая, сгорбленная старуха в темном, но с белым, тоже трепещущим, как летняя бабочка в траве, платком на седине, которую даже открывать здесь было бы опрочетливо, как опрочетливо держать на виду сверхчистые вещества. Разрушительное взаимодействие. Сухой, темный, окостеневший стебель укромно, скрытно, подлаждая под общий тон, несет под абажуром лета свой выстраданный цветок.

Пригоршню снега.

Ольга зажмурилась, постояла и пошла в дом. Медленно поднималась по ступеням, не отнимая ладонь от круглой, вощеной баясины перил. Баясины из простого дерева. Клен, наверное. Но за долгие-долгие годы общения, соприкосновения с человеком, его руками приобрела, как старинный деревянный инструмент, некую одушевленность. И в фактуре — легкое, хорошо высушенное, выпешее дерево ластится, сдержанно, по-кошачьи ластится к ладони. И цветом — все краски давно слезли, муж, ремонтируя дом, собрался покрасить и перила, но Ольга отговорила. Он не совсем понял, почему не надо ни красить, ни хотя бы покрыть лаком, «полачить» старенькую баясину, но послушно исполнил ее каприз. Она не так часто просила его о чем-либо — ей самой нравилось служить ему. Краска у перил давно стерлась, и цвет у них уже не древесный, а телесный. Живой, теплый. Человеческий. Ведешь ладонью по баясине и кажется, будто она скользит — нет, не скользит, движется, узнавая — по дружеской руке.

«Вот это дом!» — думала Ольга, медленно преодолевая ступеньку за ступенькой.

Нельзя сказать, что Ольга раньше не читала Чехова. И читала, и знала. Ну, особенно там «Ионыча», «Человека в футляре», «Вишневый сад»... То, что проходили в школе, чего касались и в педучилище.

Ольга окончила Сызранское педагогическое училище, одно из самых именитых в стране, открытое еще в 1921 году по личному указанию В. И. Ленина, помнившего, вероятно, еще по своему юношескому краткосрочному пребыванию в нем темный быт этого захолустного волжского городка. И их директриса, полная, опрятная и какая-то очень домашняя женщина в золоченых очках, которую ее воспитанницы за глаза звали не иначе, как настоятельницей, говорила, обращаясь к ним: «В вашем лице маленький человек, может, впервые встретится с культурой в самом широком понимании этого слова. С учетом этого обстоятельства мы и готовим вас к вашей педагогической деятельности». Деятельности... При всей своей домашности, здравости — особенно когда речь шла об отстаивании материальных интересов училища, как-то: строительства, снабжения и т. п., — Галина Константиновна все же питала чисто просвещенческую слабость к патетике в вещах несколько абстрактных.

В объекте, в педучилище они еще раз прошли «Ионыча», «Человека в футляре», «Вишневый сад»...

Теперь же Ольга не столько перечитывала Чехова, сколько передумывала. И что бы ни делала, как бы ни крутилась по дому, а всегда помнила о бабкином рассказе. Так в ее «системе координат» появилась еще одна, третья, постоянная точка. Чехов. Есть такой способ размножения лозы: ее присыпают к земле и в месте соприкосновения с нею прикапывают. Со временем в этом месте у лозы проклюнется почка и даст корешки. Так и с Ольгой: она и не заметила, как оказалась распластанной по этой земле, и уже не сдвинуться, не сорваться — укоренилась.

Почка «Чехов».

Ольга вовсе не чувствовала, что живет в музее. Нет, тут все было ее. Ею обжито. Ее и ее мужа руками сделано или переделано. Дом долгое время пустовал. И вот, когда Михаил, вернувшись из армии, заявил председателю — сперва родителям, а потом и председателю, — что останется жить в Белой, колхоз выделил ему этот дом. «Сдыхал», — как сказали бы в Белой. А что? И бригадной конторой, и складом дом уже побывал. Последние же несколько лет никто уже не знал, подо что бы его приспособить. Во-первых, выбор резко сузился: бригады в Белой не стало, в складах тоже нужда отпала, чего в них хранить? Во-вторых, сам дом настолько обветшал, заплошал, что для серьезных общественных нужд уже и не годился. А сплать его не сплеть: все-таки не саялка. Вот и вел он вместе с деревней сугубо индивидуальную, нестройную, к закату клонящуюся жизнь. А тут солдат подвернулся, и дом с легким сердцем препоручили ему. Живи. Радуйся!

Первые месяцы Михаил прожил в доме один. Днем работал в поле на тракторе, а вечерами все выходные дни нянчился с домом. Латал крышу, менял бревна в венцах. Вот когда пригодились разобранные и сбереженные стены его родной избы, которые сначала перевезли в соседнюю деревню к брату, а теперь вновь возвратили на родину! Новой избы из них уже не сладить, а вот для ремонта в самый раз. В выходные дни к нему на помощь приезжал старший брат. В будние дни верным помощником — преимущественно советчиком — был его состарившийся отец, переехавший на это время к младшему сыну. Впрочем, недостатка в советчиках у Михаила не было. Все бельское старичье спозаранку толклось у его дома. Как же — первая стройка в Белой! Первая за долгие годы. Причем дом-то у Михаила не свой, не частный, а колхозный. Общественный. Стало быть, и стройка общественная! И каждый бельский старикан чувствовал к ней прямое касательство. Как будто стройка воздвигалась у него на задах. На огороде.

Не ограничиваясь советами — а между советчиками порой разгорались ожесточенные распри — деды принимали и посильное физическое участие в ремонте дома. Хотя что в них физического? Чтобы ведро воды из колодца вынуть, и то им приходилось налегать на ворот втроем. Налягут, а ворот того и гляди в обратную завертится, и невесомые бельские старожилы взвоятся над колодцем вверх тормашками. Что там физического? Одна метафизика.

В ремонтируемый дом он и привел ее в первый вечер. Ольга тогда толком и не рассмотрела дом. Она его почувствовала. Угадала. Пахло стружкой, махоркой, которую курил и отец Михаила, находившийся в тот день в отлучке, да и старики-советчики, древесным лаком. В доме еще гуляли сквозняки, потому что на первом этаже еще не были вставлены новые рамы. Это был и дом, и мастерская. Даже в большей степени мастерская, нежели дом. Ибо дом был пока разворочен, его предстояло «стачать», довести до ума.

Из каждого угла пока смотрела, зывала работа. Прекрасный, терпкий, мужской запах дела, обустройства, основательного, надолго, не на живую нитку витал вместе со сквозняками в этом доме. И Ольга не была бы «бульдозером», если б не ринулась очертя голову на этот призывный грозовой фронт. Работы, дела, горячей круговерти. Она уловила то, к чему была особенно чутка и отлично приспособлена. Хотя так ли уж простодушна была она в тот момент? Может, кто и шепнул, успел шепнуть ей, барышне-крестьянке, что угаданное ею и есть самый верный признак ну если не счастья, то надежности, что ли. Что

есть надежнее работы? Да ничего. И ее призывное, привычное дыхание она и восприняла, как дыхание своего женского счастья.

Да, то был еще не дом. То была мастерская дома. Гнездо, которое еще только предстояло если не построить, то, во всяком случае, выстлать. И она ринулась. И надвинувшийся грозовой фронт подхватил ее, и она взмыла в нем, затрепетала, запульсировала каждую жилкой, как чайка на бурном небосклоне...

— В чем ты грешь воду? — спросила у несколько опешившего от такого поворота жениха.

Через полчаса пятиведерная лохань уже курилась липовым паром. И Ольга, тыльной стороной ладони то и дело убирая со лба собственную намокнувшую, потяжелевшую прядь, уже терла, скоблила, терзала в ней, давая поблажку только шраму — она даже ойкнула и прикрыла губы ладонью, когда увидела, как же далеко и страшно он тянется, и теперь лишь изредка, бережно дотрагивалась до него ладонью без мочалки и мыла, — своего суженого. Который молча сидел, а потом стоял, обдаваемый ею теплой водой из ведра сверку, с макушки, если не подавленный, то явно смущенный таким натиском.

А собака Пальма металась в пару вокруг лохани и скулила так, словно столь энергичную головоломку устраивали не ее хозяйину, а лично ей.

Да, мы совсем забыли об этой особе. А между тем Пальма поначалу встретила Ольгу воинственно.

Нет, она не лаяла, не бросалась на пришлицу. Для этого Пальма была уже чересчур стара и мудра. А просто легла в калитке и ни с места. Михаил нагнулся, почесал ее за ухом, на что оскорбленное дамское, вернее, стародевичье, достоинство и ухом не повело, и что-то шепнул ей. Пароль? Отзыв? Пальма нехотя поднялась и — воплощение погранной верности — отошла в сторону.

...Потом выстирала все с него. Все с него и вообще все, что попало под руку. Потом вымылась сама. Вымылась и, насухо вытершись полотенцем, белая, крепкая, цельная, шагнула к нему: «Вот она я».

Так началось ее замужество.

Дом пах сараем, да-да, сараем, потому что, конечно же, никакой мастерской у Ольгиного отца не было, просто в отведенном, точнее, отвоёванном им у материнских банок-склянок углу сарайчика стоял его верстак. Под которым маленькая Ольга так любила играть в дочки-матери: тут хорошо пахло стружкой, канифолью и еще чем-то, чего Ольга тогда еще угадать, вернее, назвать, не могла. И что она с лету почувствовала, опять больше почувствовала, чем определила, здесь. Надежность, домовитость ремесла. Работы. Работы, которая, как и хлеб, сама себя несет.

Прохладная осенняя ночь широко вливалась через невставленные рамы первого этажа и беспрепятственно подтопляла весь дом, доходя и до второго этажа, где они с Михаилом разместились на никелированной кровати. И, покачивая их на своей неспешной волне, поднималась еще выше, к чердаку, чтобы где-то там соединиться со встречным потоком, струившимся через не заделанные еще прогалыны в стропилах.

А им хорошо было в этом старом и вместе с тем незавершенном, незастывшем и их рук, их работы, их тепла ожидавшем доме. И то, что случилось в ту ночь между ними, было одновременно как бы и первым — после долгой паузы — плеском крови в его древних жилах. Первым ударом его очнувшегося сердца.

Дом ожил. Хотя этого никто, кроме них двоих, и не заметил.

Нет, еще собака Пальма, которая несла свой пост во дворе.

И после бабкиного рассказа дом для Ольги оставался домом. Желанным, близким. Надежным. Но у нее появилось странное ощущение. Будто знаменательное событие, о котором поведала старуха, произошло при ней, на ее, Ольгиной, памяти. То ли человек, о котором было рассказано, гостил здесь совсем недавно, гостил уже в ее доме, а не в том давнем, далеком, который уже и не дом вовсе, а скорлупа дома. Воробьям ведь ничего не стоит свить гнездо в старом горшке, в узкогорлом глиняном кувшине. Вот и Ольга свила гнездо в старой, закамневшей скорлупе.

Или так: у нее появилось чувство, будто она сама живет здесь с незапамятных времен, и это она просто-волосой девчушкой встречала у калитки большого, сдержанного, опрятного человека, слушала его разговор с тогдашним хозяином дома. И это ее, Ольгиных, волос, к слову, тоже густых, рунных — шапка на них не держится, как бы ни припиливали ее Ольга, по этой причине зимой она носит платки, а еще чаще выскакивает на улицу с непокрытой головой, сопровождаемая по этому поводу слабыми материнскими сокрушениями и уговорами, — касалась плоская твердая ладонь. Жест благословения, напутствия.

И бежала потом через все село, зажав в кулаке серебряную монету...

Кстати сказать, когда они с Михаилом разбирали старье на чердаке, то нашли засунутую под матицу тщательно, многократно сложенную пятерку. Старая, в замысловатых вензелях, а бумага такая, что ею еще можно голову от дождя укрывать, благо что и размеры у пятерки весьма обширные. Даже на сгибах не попортилась, что свидетельствует, правда, не только о достоинствах старой бумаги, но и о былых достоин-

ствах купеческой крыши тоже. 1882 год — значилось державной вязью на денежке. Тот же год, что обозначен и на фронте дома. Совпадение! А может, специально, завершая строительство дома, припрятали на чердаке пятерку. Чтобы денежка в доме водилась. А то и на черный день. За пятерку, говорят, можно было корову купить...

Она не просто помнила о посетителе своего дома. Она как-то исподволь соотносила с этой памятью и то, что делала, и то, что думала.

К дому прикоснулись — и он стал одухотворен, очеловечен, перед ним можно было гордиться, перед ним можно было стыдиться. Не только баялина перил, а весь он от этого касания — его словно тоже по макушке погладили — перевоплотился, во всяком случае, в Ольгином сознании, в ее восприятии. Уже в самом слове «первоплотиться» присутствует, как зародыш, понятие «плоть». Живая ткань.

Ткань дома перестроилась. Переткалась.

— Так, теперь мы проверим тетради...

— Вымоем полы, а там, глядишь, и наши мужички заявятся.

— Видишь, так и нет нам ответа из облизполкома. Так и не хотят дать в Белую сетевой газ...

Последнюю реплику она произносит, стоя у окна и глядя, как по улице в непролазной грязи пробирается на своей кобылке почтальон Игнат Тимофеевич.

Своей почты в Белой, разумеется, нет. И почтальон наезжает сюда «по скоплению корреспонденции». Неказистый, лысенький мужичонка из тех вечных деревенских служивых, что, отчесываемые все более грамотными поколениями, кружат и кружат по начальной спирали, спускаясь все ниже и ниже. Все более обхатываясь, теряя в весе и в важности (на Украине есть хорошее слово «важкость»: тут сразу и вес, и важность, вес физический и удельный).

Скопление корреспонденции случается не чаще одного раза в месяц, пятого числа, когда бельским старикам и старухам, а последних, повторяю, здесь подавляющее большинство, приходит пенсия. Вот Игнат Тимофеевич, послужной список которого открывается председателем в одном из многочисленных и столь же малосильных послевоенных колхозов округи — вон откудова довелось ему катиться, — и наезжает в Белую раз в месяц. По пятым числам.

Вообще-то, будь его воля, Игнат Тимофеевич выдавал бы пенсию Белой в два приема. Учредил бы аванс. Уж больно хорошо привыкают его в Белой старухи. И за стол сажают, и рюмку, специально к этому дню приберегаемую, подносят. По этой причине выдача пенсии растягивается на весь день. Так что Игнат Тимофеевич тут не только обедает, но и ужинает, а подчас и ночевать остается в Белой у какой-либо из своих сердобольных корреспонденток. Ибо рискованно в таком виде отправляться куда-то Игнату Тимофеевичу с казенным имуществом. Заснуть может. Хотя начинал он свой рабочий день в Белой мало сказать трезвым, а трезвым и сердитым начальником. Даже паспорт у старух поначалу требовал и сурово сличал их давным-давно знакомые ему лица с фотокартонками в паспорте. Проверка длилась так долго, что старухи начинали испуганно моргать — и неспроста, ибо каждому, кто глянул бы в паспорт, а потом в лицо его владелицы, сразу бы кинулась в глаза несомненная подделка державных документов. А у Степаниды Подсвировой вот уже лет десять паспорта вообще не было. Затерялся где-то, завалился, вытерся, израсходовался, вышел весь дочиста, о чем знала только она да почтальон Игнат Тимофеевич. А для чего ей еще паспорт? Только для пенсии. Замуж не идти, а похоронить и без паспорта похоронят, считает Степанида. И тратиться нечего, чтоб его выправить.

Впрочем, из казенного имущества к заключительному моменту у Игната Тимофеевича остаются только брезентовая сумка, черная суконная капелюха да бессловесная кобылка, которая тоже внакладе не бывает: пока Игнат Тимофеевич ревностно исполняет свои непосредственные служебные обязанности, ее и накормят, и напоят. Как-никак сами деньги на ней ездят. В глубине души старухи считают эти деньги дармовыми и даже состязаются втайне, кто больше проживет, а значит, и больше получит, выманит этих дармовых денег.

Когда они были в силе, когда еще работали в колхозе, в том числе и под водительством того же Игната Тимофеевича, он, Игнат, им не то что зарплату — таковой вообще не было, — а даже натуроплату выдавал не каждый год. Не то что пенсию: каждый месяц как часы. Жизнь пошла регулярная: чего ж не жить? ...И, думаете, с кем она так разговаривает? Сама с собой? С сыном? Да нет же, с домом.

Сама не заметила, как образовалась у нее такая привычка. Образовалась, возможно, оттого, что Ольга довольно часто и подолгу бывает в доме одна-одиношенька. Михаил, однажды случайно услышавший ее разговор, улынулся: на тебя, может, наши старухи действуют? Они тут у нас все сами с собой разговаривают. Беседуют. Ольга тогда смутилась, стала горячо отнекиваться: ей вовсе не хочется, чтобы он ее в старухи записывал, она и так на три года старше его. Но привычка уже прилепилась.

Она разговаривает с домом, и дом отвечает ей, судя по тому, что время от времени Ольга протестующе

машет головой: «Не-ет, я так не думаю. Мне кажется иначе».

В доме появилась полочка с книгами Чехова. Они подливались — помогла одна из старых Ольгиных подруг, работающая в райцентре в книжном магазине, — на его новое собрание сочинений. На обложке написано: «Собрание сочинений и писем». Но писем пока нет, идут сочинения. А Ольга почему-то ждет их с нетерпением, как будто это письма ей. Лично.

Вечерами, да и вообще в любое время, когда муж дома, Ольга не занимается домашними делами, которые поглощали бы ее полностью. Были бы только ее дела, отгораживали его от нее. Застили бы. Такие дела старается делать, когда его поблизости нет. Впрочем, нельзя сказать, что она их заранее старательно сортирует и распределяет. Каким бы срочным или сугубо женским оно, дело, ни было, а захватить, занять ее целиком не может, если рядом муж.

Вяжет, например, — крючком она вязала и раньше, в девичество, а здесь у бабок научилась и спицами: готовит и мужу, и сыну, и будущей крохотуле двойные грубошерстные, незаменимые для здешних зим носки и варежки, а все равно то и дело отрываясь от рукоделия. Взглянет на мужа: «Как тебе кажется: не слишком ли широко я взяла?» Или: «Тебе нравится?»

И хотя еще не было случая, чтоб Михаил сказал: «Не нравится», — она, ожидая ответа, каждый раз искренне тревожится: она, а вдруг не понравится? А он молодец. Не отмахивается от нее и не отделяется торопливо-равнодушным и в общем-то обидным, дежурным «нравится». Смотрит, меряет безотказно и каждый раз находит, будто из-за пазухи вынимает, для нее шутовское и доброе слово. Например:

— Жаль, что я не женился на тебе до Афганистана.

Это же не свитер, а пуленепробиваемый жилет.

«Крохотуле» вяжут носочки и варежки из шерсти собаки Пальмы. Собачья шерсть и теплая, и мягкая, и легкая, как пух. Когда Ольга вычесывает ее, овчарка, которая обычно держится по отношению к хозяйке с некоторой отчужденностью, — старая, как старо все в Белой, она и в своих привязанностях, в своей ревности строптивая, как все другие бельские старухи, — само послушание. Мощно, до хруста вытягивается всем своим длинным и еще мускулистым туловищем. Словом, чувствует, для кого старается, и буквально из кожи вон лезет, выслуживаясь перед будущим — да что будущим, уже сейчас в доме, кажется, ему подчинены все и вся! — верховным божеством.

Михаил вечерами тоже без дела не сидит. Чтото ладит в доме, мастерит, возится с сыном. Они борются, барахтаются, катаются по полу, переворачивая весь дом вверх дном, устраивают кучу мала. Для последней было бы достаточно и их двоих, одинаково заводных и неистощимых. Но раньше они брали в компанию и Ольгу. А если учесть, что и силушкой, и азартом она не обделена, то немудрено, что иной раз и муж, и сын в два счета оказывались на лопатках. Она деловито распластывала их на полу, как будто половик на снегу выколачивала, они корчились от хохота, звали на подмогу Пальму, но та в подобных глупостях не участвовала: все-таки слишком долго прожила она на Востоке в сопредельном нам Афганистане, чтобы считать такое положение дел нормальным. Положение, когда женщина берет верх, женщина валтузит двоих мужчин, пускай даже одного и малолетнего, до тех пор, пока те в изнеможении не задерут, то есть не вытнут по деревянному полу руки: «Сдаемся!» Пара костлявых, жилистых, рабочих — вот уж действительно пара — гнedyх и двойняшка гибких, стелбевидных ручонков, у которых даже косточки молочной спелости. Но теперь ей такой возможности не дают: вот вам и реальная, сегодняшняя подчиненность всех и вся завтрашнему божеству.

«Раису», — как, наверно, по-мусульмански думает про себя овчарка Пальма. Ольга во время их кутерьмы чувствует себя обойденной.

Бывает и так: она занята делом, муж занят делом. И она не знает, с чем бы к нему, углубленному в свое мужское дело, подойти. Повод никак не придумает. Не придумывается. И тогда, не ломая понапрасну голову, она просто подходит к мужу и обвивает его руками за шею. Тот поднимет голову, отрываясь от своего занятия, и сын тоже поднимет голову, потому что он всегда всецело, с головой — вот он-то точно с головой — занят тем, чем занят в данную минуту отец, он отцу помогает, сопя от напряжения, причем если фактически в деле не участвует, не допуская, а только наблюдает за делом, то сопит еще пуще. И Пальма поднимет голову, потому что она в такие минуты, как, впрочем, во все другие, распростерта на полу наподобие магнитной стрелки: мордой к малышу.

Муж поднимает голову снисходительно. Сын поднимает голову с негодованием — опять отрываю от дела! Пальма поднимает голову с насмешкой.

А Ольга принимает подбородком, губами к русой, еще пахнущей липовым цветом (моет она его только детским мылом с липовым цветом, не признавая никаких новомодных шампуней) голове и говорит прямо в нее, в макушку:

— Соскучилась.

Как тогда на пашне.

ВО ИМЯ ЖИЗНИ,

Валерий КУЗНЕЦОВ

Встреча

В какую, не помню, декаду
Автобус под вечер привез
Культурного фронта бригаду
На ферму к дояркам, в колхоз.
К земле и народу поближе.
...Под желтым электроогнем
Мерцает навозная жижа
И липнет к ногам чернозем.
И встречи живым предисловьем
Сквозь гулкий парной полумрак
Донесются вздохи коровьи
И звяканье налитых фляг...
Улыбки — почти виноваты,
Никто бы так больше не мог,
Как женщины в серых халатах,
В тяжелой резине сапог!
«Простите: не чисто одеты —
Такая работа у нас...» —
Да что же так сердце задето —
Не к этому велся рассказ!
Ведь нам говорят, продолжая,
Что всем им в колхозе почет,
Что ферма передовая —
Молочная речка течет.
И, к слову,

семейную повесть...
Как с братьями,

ты говоришь.
За что,
словно русская совесть,
Бесхитростно в душу глядишь?
За то, что и в слякоть, и в холод
Ты фляги таскаешь сама?
Все новый молокопровод
Не доведут до ума...
За то, что тускнеешь так рано?
Что чей-то прижизненный рай
Лишь отзвуком с телеэкрана
Взволнует тебя незначай?..
Неужто за наши картинки,
Где часто рисуем не то,
За чистые наши ботинки,
За чистые наши пальто?..

Лесной покос в июле 86-го

Дрогнут ромашек головки,
Охнут дыханьем одним,
С блеском коротким литовки
Соком текут травяными!
Сколько навяли истин
Солнечный шелест с утра
И на траве и на листьях
Пятен живая игра!
Вечер накопит усталость,
Крикнешь:

«Шабаш! Не могу!» —
Словно и силы остались
В сложенном за день стогу.

Стог завершает вилами
Дед, по-солдатски прямой.
Пахнет лесными клопами,
Горькой осиною, ветрами,
Вянущей душно травой...
Мать моя,

как хорошо-то —
Броситься навзничь в траву,
Словно бы в бездну полета
Или как в сон наяву!
Копны цепочкою длинной,
Сладко смотреть меж копен,
Видеть,

как в дымку долины
Падают, падает склон...
Словно весь мир,

как когда-то,
Грезит,
согласный с тобой,
И небеса не чреватые
Невыразимой бедой.

Игорь СЕЛЕЗНЕВ

■
Хороши на мазуте закаты.
Ты меня провожала в солдаты,
где сейчас у брони

любовой
свежей глиной залеплена фара,
наземь прыгнул, стою,

стороной
катит воды ненастная Нара,
Пел нечасто...

Но были открыты
настежь стороны света кругом,
и на полном ходу

над бугром
танк свои превышал габариты!
После глотка моя безголоса!
Но навстречу грядущему дню
вдаль из гусениц

лезли колеса!
И влезала земля на броню...

■
О своей вспоминая родню,
пробегаю жильё дома...
Чтоб не падала правда в цене,
ничего не бери задарма!

Как легко ты квартал пролетел,
не одумался у поворота —
здесь не кто-то ж,

а ты пролетел
до седьмого (счастливого) пота!

А чужих не минуешь дверей
и не вырвешь свой глаз завидующий —
не окажется смысла в твоей
жизни
будущей и предыдущей!

Озираешься по сторонам!
Ты один убежал от подмоги.
Чей лежит кошелек на дороге?
Ты шарахнешься в сторону — сам...

■
Вот на голову руку кладешь
Мне. Стою под ладонью короткой,
И лицо я,

хорош, не хорош,
утираю на случай пилоткой.

Что я вижу вблизи и вдали?
Ты щекою припала к шинели...
Вот заслуги мои потускнели...
Вот от сердца долги отлегли.

Алексей ОЗЕРОВ

Мое наследственное право

Земля моя, трудом спокойным
да будут дни твои полны!
Дано мне право быть достойным
великой памяти войны.

Готов к любой тревожной вести
и ежечасно я готов
не уронить высокой чести
отцовских ран и орденов.

Дано мне воинское право,
и свято помню я о нем —
не дрогнуть,
не залечь бесславно
под неожиданным огнем,

по иноземной стае волчьей
удар ответный рассчитать,
на курс атаки выйти молча
и победить.
И побеждать!

Юван ШЕСТАЛОВ

■
Я в памяти нежусь,
как в мягкой волне,
Как в чистой воде серебристой
И жаркой, как жаркое южное море,
И нежной, как нежное южное море,
И томной, как томное южное море...
Но нет,

не томленья таится во мне —
Твой образ, таинственный, близкий,
Как сон, как волна,
как надежда, как нега;
И я погружаюсь в твой образ,
как в небо.

Я счастлива,
как счастлива рыба большая,
Когда, золотой чешуею сверкая,
В воде серебристой

не ведает горя —
В той жаркой,
как жаркое южное море,
В той нежной,
как нежное южное море,
В той томной,
как томное южное море!

■
Выйду вечером на речку,
Сяду на берег одна,
Гляну — как мое сердечко
Холодна в реке волна.
Вдаль смотрю я ждущим взглядом,
Но ни тени на снегу.
Никого со мною рядом —
Милый мой ушел в тайгу.
Небосвод темно окрашен,
Ветер жутко стал реветь,
Слышу я — огромен, страшен
Бродит по тайге медведь.
Дом становится постылым,
Будто темная берлога,
Если я в разлуке с милым...
Ох, трудна его дорога!

■
Сгинуть в сумраке медвежьим,
Безрассудный, не спеши!
Дым огня родного нежен,
Ты с его дыханьем свежим
Расставаться не спеши!
Подожди, мне страшно что-то,
Посидим у очага.
Ты один моя забота,
Но зовет тебя охота,
И манит тебя тайга.
Подожди еще немного,
Звезды спрятались, гляди!
Месяц спрятал оба рога,
И темна твоя дорога —
Не видать, что впереди!

Перевела с мансийского
Ольга МАРТЫНОВА.

Василий ЗАХАРЧЕНКО

Переливание души

Вяч. Тоболкину

Я всматриваюсь: падают послушно
Из капельницы капельки росы,
Отсчитывая время равнодушно,
Как древние песочные часы.
Переливание крови... Мы не так ли
Последним средством

боремся за жизнь:
Как говорится, и от малой капли
В борьбе за эту жизнь не откажись!
Но добрый врач,

в каком бы ты покрове
Вдруг ни предстал,

взываю: не спеши,
Не торопись

с переливанием крови —
Начни переливание души!
— Что кровь?

Тебе волюют ее из банки.

СВЕЩА И ЛЮБВИ

Татьяна ПОКРОВСКАЯ

Михаил АНДРОНОВ

■ Я шла. Людей встречала. Сети встреч естественно затыгивали речь все дальше в чащу судеб, отношений, а мир хотел от нас живых свершений. Я встретила соседку по пути, спросил приезжий,

как к метро пройти, старик без очереди свежую газету купил в киоске, не смутясь при этом. Газета краской пахла и весной и шелестела в такт порывам ветра, старик читал, а ветер городской нес новости, летя по белу свету... Момент текущий остр, как никогда, но мы на то и люди, чтобы мыслить, мы не плотной сжатая вода и не влекомые жестоким ветром

листья. Нам нового мышления горизонт столетий будущих распахивает двери, трепещет небо, как под ливнем зонт, и в силу разума

уже нельзя не верить. Нельзя не действовать,

нельзя не быть людьми — во имя жизни, света и любви. Газета краской пахла и весной, мир жил и разговаривал со мной. И все в нем к изменениям спешило, все, чему рост подснежный

был по силам, темп нарастал, и ускоренье оборотов примешивало к небу дух полета. Я шла, вся замерев,

неслышным шагом, и кровля прямо на глазах весна, и сквозь преображенные пейзажи вдруг проступала правдой, как сосна, растущая среди тесноты столетней, и становилась достойным личным. И наводила в будущее мост, и помогала распрямиться в рост.

Засуха

Тоска умерших предков-землепашцев меня упрямо в оборот брала, твердя надсадно, что, забыв о важном, я погрузилась в мелкие дела. И город жаркий, будто жерло пушки, ядро тоски, вобравшее меня, выбрасывал вдруг

в пригород воздушный, где засухе противилась земля. Был воздух полужив

пчелиным звоном, у пчел поминки были по цветам, и гулко лес вздыхал за косогором, пожар за лесом гнался по пятам. И билась нездорово, учащенно река, не в силах рыбью

плоть прикрыть, а птички всхлипы

в переводе сокращенном одно лишь слово означали: пить! Земля потрескалась почти что безнадежно, и тень пожара на закат легла, и тут я, как в наитии тревожном, тоску и засуху к единству привела. Земли глубины мне являли корни моей тоски и моего бытия, иди, смотри, не поскользнься,

не дрогни, губами темными шептала мне земля. Земля твердила, оглянись и вспомни, кто ты, откуда и зачем идешь, и ноги разминали глины комья, и в ритме вздохов зарождался дождь. А голос был беззвучен, как надежда, которой надлежит произрасти, пройдя сквозь камень

засухи безбрежной, и стеблем горы сора разгрести.

■ От первой пули

до последней пули Я отшагал солдатом на войне. В окопах спал, Мерз ночью в карауле, Полз по болотам в орудийном гуле, Тонул и на Днепре,

и на Двине. Я голодал, Меня метели гнули, Был в модсанбатах И сгорал в огне...

■ От первой пули до последней пули Я отшагал солдатом на войне.

С ЛИНИИ ОГНЯ...

Морской десант громил врага на суше, И помню я, как с линии огня Ты сквозь пургу на старой волокуше Тащила полумертвого меня.

Тащила в тыл к хирургам медсанбата, Стирая пот с усталого лица, Тащила, словно собственного брата, Израненного русского бойца.

■ Горит село. В огне кусты акаций. Плышет к реке простреленный туман. И снова много горьких информаций Нам из Москвы доносит Левитан.

Мы пьем беду и едкий дым глотаем, И бороздит броня земную твердь. Рвем вражий колыца, молча умираем. Нас ждет в боях победа или смерть!

Мать

Четвертый год война идет. В селе тоскует мать по сыну. Не спится ей, Все сына ждет, Смотри на тусклую лучину.

И что б ни делала она: Молилась ли под образами, Стирала, шила у окна — Все сын стоял Перед глазами.

Проедут танки за окном... Ей чудится, что спозаранку Ее Иван своим огнем Из пушки Метко бьет по танку.

А мимо пушка проползет... Мать шепчет, Подойдя к воротам: — И мой Иван огонь ведет Из пушки По фашистским дотам.

А сын Иван В земле лежал, С «максимом» вместе, С верным другом, Где оборону он держал У крепостной стены, Над Бугом.

Он защищал страну свою, Веда огонь из пулемета, И смертью храбрых пал в бою, Попав под пламя огнемета.

Останутся ль страдать В чужой крови Молекулы моих слепых безумий И атомы мой шальной любви? Но верю,

на каком-то перегоне Вдруг занесет зеленого юнца, И он меня решительно обгонит В стремление жить, Влюбляясь без конца.

Группа товарищей

Я верю в жизнь... Ее слова еще Звучат порою, как итог: Подписан группой товарищей Красноречивый некролог. Покойник, говоря по чести, Не был святым — он жил, как жил. И вряд ли эту бурю лести Традиционно заслужил.

А жил он нетрадиционно... Но вот при жизни кем, когда Хоть раз похвален был законно В те стародавние года? А если б группа тех товарищей, Не ждя от друга ничего, В разгар служебного пожара Вдруг заступилась за него!

Молчали... Дружно выжидали: — Что там внизу? Как наверху? — И почему медаль не дали? — И рыльце, может быть, в пуху? Но если б группа тех товарищей, С которыми он так дружил, В защиту поднялась тогда еще, Он и теперь бы жил и жил!

■ А вот душа... Как перелить ее? — Как ты перелицуешь наизнанку Немое безразличие свое? — Как возвратишь обратно человечность, Забытую в дороге доброту? И кровь мою как зарядить навечно Неистребимой верой в красоту? Невмоготу, пойми,

как оказалось, Без теплоты, без задушевных слов. Восстанови заброшенную жалость, Верни бескомпромиссную любовь! И влей в мои стареющие вены, Способный безразличье заглушить, Громокопящий, необыкновенный Настой Всеисцеляющей души!

Эволюция

Живая эволюция природы — Неистощимой жизни круговерть! Не сгинут мной пережитые годы. Не верю в окончательную смерть Того, чем был... Рассеются в пространстве Частицы, составлявшие «мое», Чтобы в потоке Бесконечных странствий Вдруг воплотиться в чье-то бытие. В кого войдут Следы моих раздумий?

В «Прикаспийском регионе» — в него входят Азербайджан, Дагестан, Калмыкия, Волгоградская, Астраханская и Оренбургская области РСФСР; Актюбинская, Уральская, Гурьевская и Мангышлакская области Казахстана и Краснодарская область Туркмении — работает межведомственная экспедиция, которая решает важную народнохозяйственную задачу — изучает перспективы развития этого региона. Здесь планируется не только наращивать добычу нефти, газа, но и развивать на основе безотходных технологий химическую промышленность. Будут реконструироваться действующие предприятия, создаются новые. Прикаспий станет крупным индустриальным краем. Но развитие промышленности обострило социальные проблемы, ухудшило экологическую ситуацию. Об этом и размышляет в беседе с нашим специальным корреспондентом заведующий лабораторией Комиссии по изучению производительных сил и природных ресурсов при Президиуме АН СССР кандидат технических наук И. Я. БОГДАНОВ.

В Прикаспии, даже в самых обжитых местах, скажем, в Азербайджане, Дагестане, Волгоградской и Астраханской областях, не говоря уже о восточной части края, где преобладают пустыни и полупустыни, до сих пор осталось много нерешенных социальных проблем. Здесь меньше, чем в среднем по стране, потребляется продуктов питания на душу населения, люди испытывают большие трудности с жильем, медицинским и бытовым обслуживанием.

Пресловутая практика «остаточного принципа» выделения ресурсов на социальные нужды до конца не изжита и сейчас. Например, при утверждении плана развития Волгоградской области на 1987 год из него было исключено строительство важнейших социальных объектов общей стоимостью 57 миллионов рублей. Уже пущена первая очередь Астраханского газового комплекса, который обслуживают восемь тысяч человек, а квартир построено только на три тысячи. Прикаспий лишь на 20 процентов обеспечен детскими до-

школьными учреждениями... Стоит проблема досуга. Все это, конечно же, имеет прямое отношение к молодежи. А ведь ей и развивать этот край.

— Игорь Яковлевич, но, надо полагать, с развитием региона, ростом промышленности увеличится число работающих. Стало быть, социальные проблемы обострятся? Возьмем, к примеру, продовольственный вопрос...

— Да, количество жителей Прикаспия постепенно будет возрастать — это неизбежно. По нашим расчетам, прибавка составит 1—1,5 миллиона человек. Продовольственную проблему, как и другие, надо решать сегодня, решая с перспективой. И одна из главнейших задач — развитие сельского хозяйства на местах. Опыт есть.

Например, в Волгоградской области и в засушливых степных районах научились выращивать по 25 центнеров зерна с гектара, в Астраханской области за последние 20 лет производство продукции сельского хозяйства возросло почти в два раза. В частности, стали больше выращивать овоще-бахчевой продукции, риса, кормовых культур... Все это опровергает расхожее суждение о том, что, мол, Прикаспий для развития сельского хозяйства — малопродуктивный, неперспективный край.

Кстати, в Прикаспии есть и экзотические территории — юг Краснодарской области. Там — 200 тысяч гектаров сухих субтропиков, где можно выращивать кишинские сорта винограда, гранаты, инжир, маслины, хурму, миндаль, финики; уже есть великолепные оливковые рощи. Если наладить здесь производство этих вкусных продуктов, то страна могла бы ежегодно экономить миллионы рублей на экспорте.

Приоритетной отраслью в регионе может и должно стать животноводство. Тут, конечно, главная трудность — корма. Где их брать? Калмыкия, например, традиционно ориентирована на развитие тонкорунного овцеводства и мясного скотоводства, здесь один миллион гектаров пашни и 5,6 миллиона гектаров пастбищ. Но в каком состоянии эти пастбища? На Черных землях 2,5 миллиона гектаров деградированы, 500 тысяч гектаров занимают пески...

Край нуждается в мелиорации. Мы почти забыли так называемое сухое земледелие — земледелие на неорошаемых площадях. Засухи, характерные для этого края, заставили местных крестьян еще в прошлом веке найти способы выращивать продукты питания без орошения, техноло-

гией сухого земледелия много занимался академик Н. И. Вавилов. У нас есть опыт такого земледелия в Волгоградской области, но в целом мы плохо им занимаемся...

— Мы знаем: Каспийское море — уникальный рыбный бассейн...

— Сейчас на Каспии наша рыбная промышленность переживает, прямо скажу, кризисное состояние. В 50-х годах мы ежегодно добывали здесь около 300 тысяч тонн продукции, сейчас вылавливаем 70—80 тысяч тонн. Какую рыбу добывали раньше и что вылавливаем сейчас? Значительно уменьшились стада осетровых, все реже встречаются рыбац, усач, белоглазка, кужма, сельдь-черноспинка, минога, вместо них плодится килька... Дело в том, что с некоторых пор рыбная отрасль на Каспии перестала занимать в планах приоритетные места, ее интересы начали учитываться во вторую, а то и в третью очередь. Больше думали, например, об энергетике — построили на Волге каскад гидроэлектростанций, перегородили реку плотинами, и рыба лишилась традиционных нерестилищ. Строительство нижней, самой губительной для рыбной промышленности волжской плотины уже обошлось нам в один миллиард тонн рыбы. Далее. Огромное количество речной воды стали разбрасывать для нужд сельского хозяйства, в результате высохли большие площади в поймах Волги, Урала, и рыбные нерестилища еще более сократились. Добавим к этому, что вода прикаспийских рек в их нижнем течении загрязнена стоками неочищенных промышленных вод и дренажными минерализованными водами. Это касается не только низовьев Волги и Урала, но и Терека, Куры.

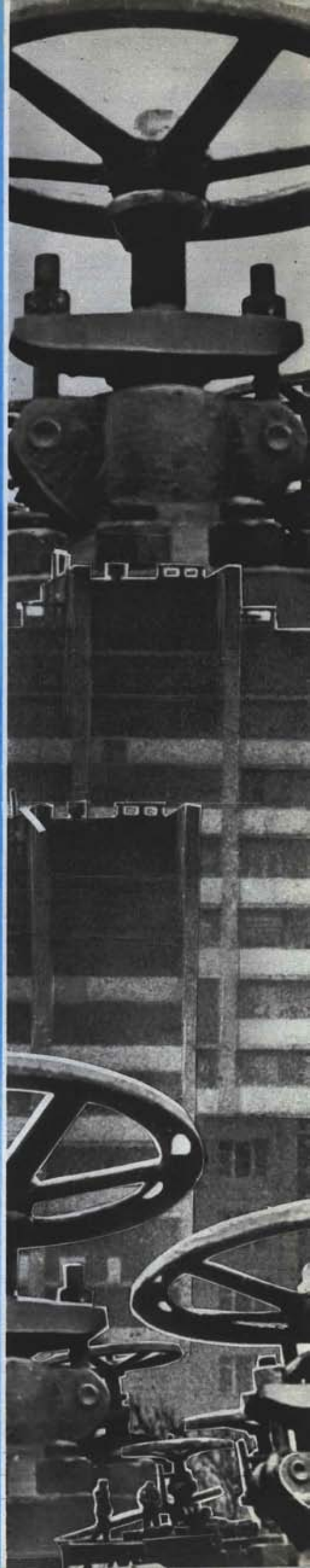
В Комплексной программе развития региона увеличению рыбных запасов мы предлагаем отвести одно из первых мест. Сейчас специалисты планируют в два раза увеличить мощности предприятий, занимающихся искусственным разведением ценных пород рыб, реконструировать уже действующие и построить новые рыбные заводы, нерестовые хозяйства; исключить в низовьях Волги производство риса, требующего гербицидов... И, безусловно, надо рачительнее использовать водные ресурсы.

— Мы подошли к наиболее острой проблеме края — проблеме воды.

— Возьмите юг Краснодарской области. Мы уже говорили, что это сухие субтропики, зона древнего орошения, то есть не типичная для этих мест пустыня, а территория с уже

Фото Анатолия Жулюкшина

ВОКРУГ

сформированным слоем почвы. Восемнадцать видов субтропических плодов здесь можно было бы выращивать при наличии воды. Кроме этого, здесь — дай воду на пастбища — можно было бы в значительных масштабах развить каракульское овцеводство и верблюдоводство. Но воды не хватает.

А как мы используем Волгу, Урал, Куру, Терек?.. И тут с водой не все в порядке.

Волга. Ее мы перегородили плотинами, построили двенадцать водохранилищ и электростанций. Думалось, что тем самым будут удовлетворены потребности сразу нескольких отраслей — энергетической, рыбной, сельскохозяйственной, водного транспорта. Просчитались. Интересы отраслей вошли в противоречия друг с другом, начались взаимные тяжбы, а вода стала использоваться не лучшим образом. Сейчас из Волги ежегодно отбирается для нужд сельского хозяйства до 20 кубокилометров воды, до 80 кубокилометров испаряется в водохранилищах. Таким образом, около четверти речного стока безвозвратно теряется!

Урал. На этой реке нет водохранилищ, но воды для орошения забирается тоже очень много. Поэтому в пойме Урала — а здесь нерестится половина каспийского осетрового стада — и обострилась рыбная проблема.

Терек. До моря доносит 40 процентов воды, остальное разбирают на орошение.

Кура. Отдает сельскому хозяйству 70 процентов воды. Отмечу четко выраженную тенденцию: из года в год на всех реках, впадающих в Каспийское море, отбор воды для тех или иных нужд возрастает.

— Не потому ли Минводхоз СССР так крепко ухватился за поворот северных рек?..

— Вопрос сложный, коротко ответить на него трудно. Но в общих чертах постарюсь.

По водным ресурсам мы считаемся самыми богатыми в мире: в СССР на душу населения приходится 18,8 тысячи кубометров воды в год (в США — 14 тысяч, во Франции — 7 тысяч кубометров). Но распределены эти ресурсы крайне неравномерно: север с населением 21 миллион человек получает на душу населения порядка 29 тысяч кубометров воды в год, а юг, где живут 169 миллионов человек, — лишь 2,9 тысячи кубометров.

В связи с такой ситуацией и возникла идея перераспределения стока.

А тут еще Каспий к концу семидесятых годов обмелел до критической отметки: его уровень стал ниже уровня Мирового океана на 27 метров. Как будет развиваться процесс дальше? Вот вопрос, на который должны были ответить ученые. Но

многие рассудили по-житейски просто: поднять уровень моря можно, во-первых, перекрыв перемычкой пролив Кара-Богаз-Гол, а во-вторых, увеличив количество воды в реках, впадающих в Каспий. А для этого надо забрать часть воды у северных рек.

Но Каспий вдруг сам стал поднимать свой уровень, за 8 лет в нем прибавилось 400 кубокилометров воды. И тогда вспомнили, что были и другие ученые, которые утверждали: уровень Каспия меньше всего зависит от впадающих в него рек, он связан с тектоническими колебаниями в регионе.

— Политбюро ЦК КПСС в известном постановлении отменило поворот рек как не отвечающий интересам государства и народа. Но строительство каналов Волга—Дон-2, Волга—Чограй продолжается и по сей день. Как это понять? Где мы возьмем воду для этих каналов?

— Из Волги... Хотя, признаюсь, я не уверен, что тут все хорошо просчитано. Волга, конечно, большая река, но и ее ресурсы небесконечны. Сейчас, когда уровень Каспия поднялся, воды в реке хватит и для новых каналов. А вдруг этот уровень понизится, что вовсе не исключено?

В целом же надо вырабатывать новую концепцию водной мелиорации. У северных рек планировалось ежегодно забирать свыше 19 кубокилометров воды. А если посчитать, сколько воды мы теряем в Прикаспии? По официальной статистике 40 процентов. Вот где надо искать дополнительные источники орошения, а не трогать северные реки.

— Мы с вами путешествовали вдоль Каракумского канала, видели в зоне орошения и болота, и солончаки — зона наполовину засолена! Вода, не использованная по своему прямому назначению, не просто бесполезна — она вредна для земли.

— Уточню: вредна для земли не комплексная мелиорация, когда, кроме канала, вырытого в грунте, ничего больше не делается. В Прикаспии, например, не построены дренажные системы — это на площадях, где почвы от природы засолены, где мы высыпаем на поля тонны минеральных удобрений и гербицидов. Некомплексность и низкое качество мелиоративных работ и привели не только к огромному перерасходу воды, но и нанесли вред земле — из двух миллионов 200 тысяч орошенных в Прикаспии гектаров больше трети оказались засоленными. Тут земли надо систематически промывать, регулировать на полях водно-солевой режим. Но этого не делается, и вот результат: в Волгоградской области на орошаемых землях ни по одной сельскохозяйственной культуре не достигнута проектная урожайность, огромные площади заболочены, в катастрофическом положении нахо-

дятся 60 процентов земли в Астраханской области, до 80 процентов — в Калмыкии, 300 тысяч гектаров орошается в Дагестане — все эти земли засолены и дают невысокие урожаи. В целом на орошаемых землях Прикаспия урожаи получаются на две трети меньшими, чем проектировались.

— Вода минерализуется не только в оросительных системах, но и в сами эти системы подается уже загрязненной. Оценим с этой точки зрения качество воды в низовьях самой крупной реки бассейна — Волги.

— С середины 70-х годов на великой русской реке побывала не одна научная экспедиция — исследовалось качество воды, устанавливались источники загрязнения. Полученные результаты были весьма тревожны, они требовали неотложных мер. И правительство принимало по этому поводу не одно постановление. К сожалению, выполнялись они плохо, вода в реке и сейчас продолжает загрязняться. В Верхнедербеньском районе, например, содержание веществ, отравляющих воду, в значительной мере превышает предельно допустимую концентрацию (ПДК); в последние годы в два раза возросло содержание меди, заметно поднялся показатель по цинку...

Да и в целом экологическая ситуация в Прикаспийском регионе не может не настораживать. Судите сами: воздушный бассейн региона содержит значительное количество вредных для здоровья человека примесей — окись углерода, сернистый газ, окислы азота, хлор и другие. В некоторых районах Волгограда выбросы в атмосферу вредных веществ в 10 и более раз превышают предельно допустимые нормы. Еще сложнее обстановка в Сумгаите, где в воздух попадает сернистый газ и хлор. Карадагский цементный завод ежегодно рассеивает в воздух тысячи тонн цемента.

Некоторые районы Каспийского моря настолько загрязнены нефтью, что там образовались мертвые зоны — в них нет ничего живого. Еще недавно в районе Нефтяных Камней ежегодно вылавливалось 15 тысяч центнеров морского судака. Сейчас все стадо этой рыбы вымерло. Только Баку сливает в море миллионы кубометров загрязненных стоков ежегодно! В некоторых местах приапшеронской акватории содержится нефть и нефтепродукты, пестициды, гербициды, фенолы, кислоты, щелочи, теплые воды, взвешенные твердые вещества, коммунальные стоки... И все это в количестве, многократно превышающем предельно допустимые концентрации!

Вот стенограмма одного из совещаний в Академии наук СССР по проблемам Прикаспия. В ней немало страниц посвящено экологической

ситуации в регионе. Академик А. Г. Аганбегян, научный руководитель прикаспийской экспедиции, например, говорил: «По данным авианаблюдений, проводимых Госкомгидрометом, площади моря, покрытые нефтью, измеряются порой несколькими сотнями квадратных километров. Азербайджанское, Дагестанское, Туркменское и Казахское управления водного хозяйства подсчитали: в 1985 году в Каспийское море было сброшено со сточными водами 10,2 тысячи тонн нефти и нефтепродуктов, с речным стоком — 104,2 тысячи тонн нефтепродуктов. Во время аварий в том же году в море была вылита 41 тонна нефти... В Бакинской бухте нефтяных углеводородов в десять раз больше предельно допустимого количества. Если сейчас даже вовсе прекратится доступ нефти в эту бухту, то все равно из-за загрязнения дня там до 2000 года останется пять ПДК». Пора нам понять: природу мы уже не только покорили, но и «поставили на колени»...

— Игорь Яковлевич, вы очертили большой круг проблем, которыми занимается прикаспийская комплексная экспедиция. Как определить конечную цель вашей работы? Изучить богатства региона и выработать рекомендации, как их лучше взять?

— Богатством надо пользоваться. Тем более что страна испытывает недостаток во всем том, что есть в Прикаспии. Но я бы не сказал, что мы разрабатываем рекомендации, как «лучше взять». Точнее так: мы участвуем в составлении программы развития края. Здесь будет создан крупнейший в СССР территориально-производственный комплекс. К уже существующим предприятиям добавятся новые заводы.

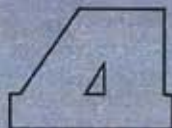
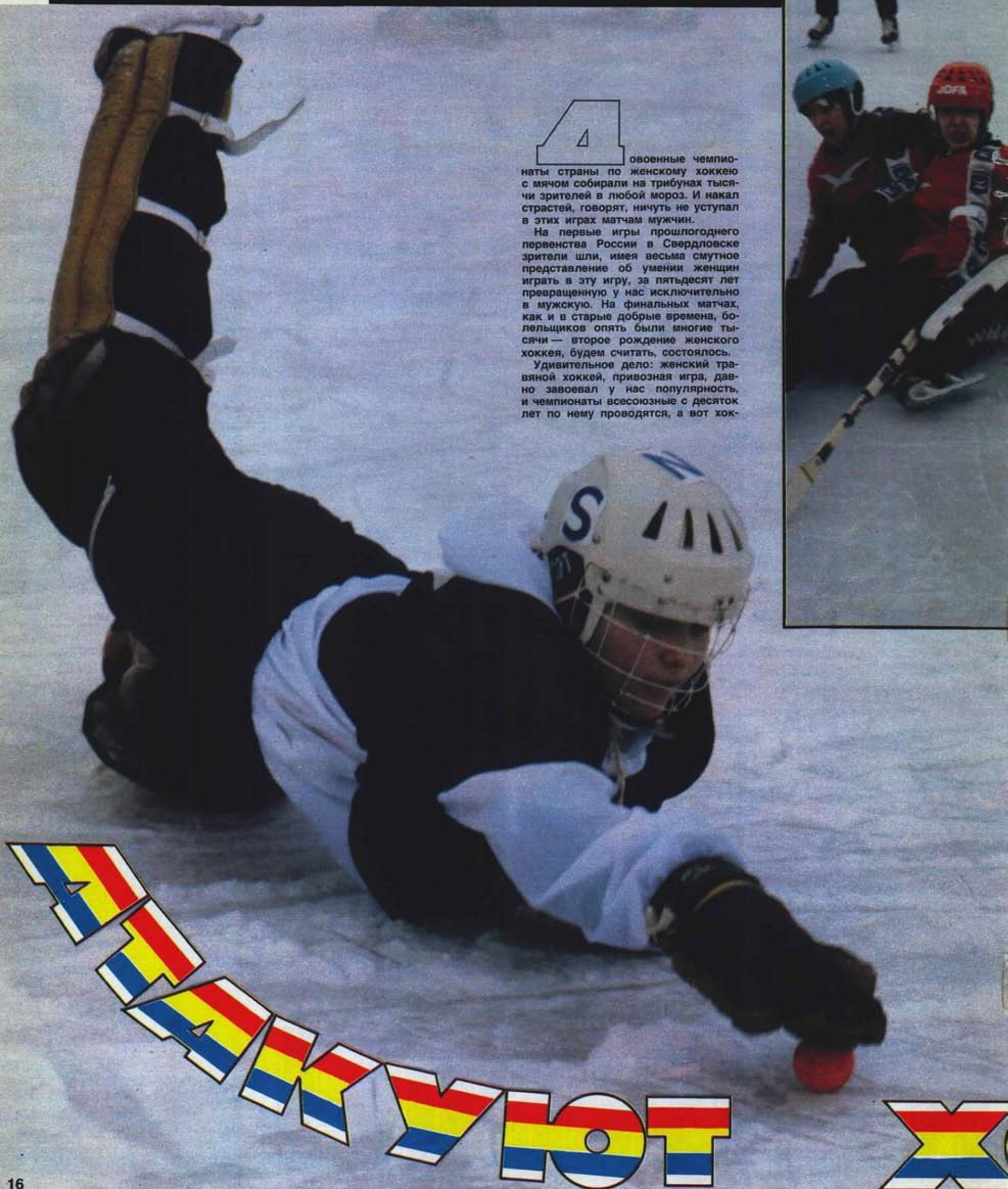
Чтобы обеспечить их нормальное функционирование, потребуется сооружение дорог, причалов, водоводов, линий электропередач... Будет интенсивно строиться жилье и все то, что принято называть культурным бытом... Как мы убедились, в Прикаспии природа легкоранима, она уже сейчас испытывает на себе огромную тяжесть человеческого воздействия. Мы внимательно изучаем экологическую ситуацию в регионе и ставим перед собой задачу предложить такой способ хозяйствования, который бы ни в коем случае не наносил ущерба окружающей нас среде.

Одним словом, поставлена задача создать эталонную комплексную региональную программу, в которой были бы учтены ошибки прошлых региональных программ и которая гармонично и в одинаковой степени учитывала бы интересы экономики, социального развития и экологии.

Беседу вел Виктор КАЗАКОВ.

КАСПИЯ

овоенные чемпио-
наты страны по женскому хоккею с мячом собирали на трибунах тыся-
чи зрителей в любой мороз. И накал
страстей, говорят, ничуть не уступал
в этих играх матчам мужчин.

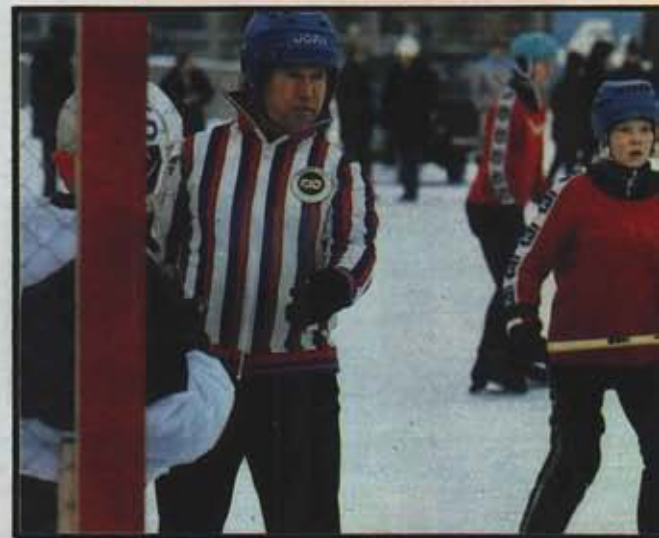
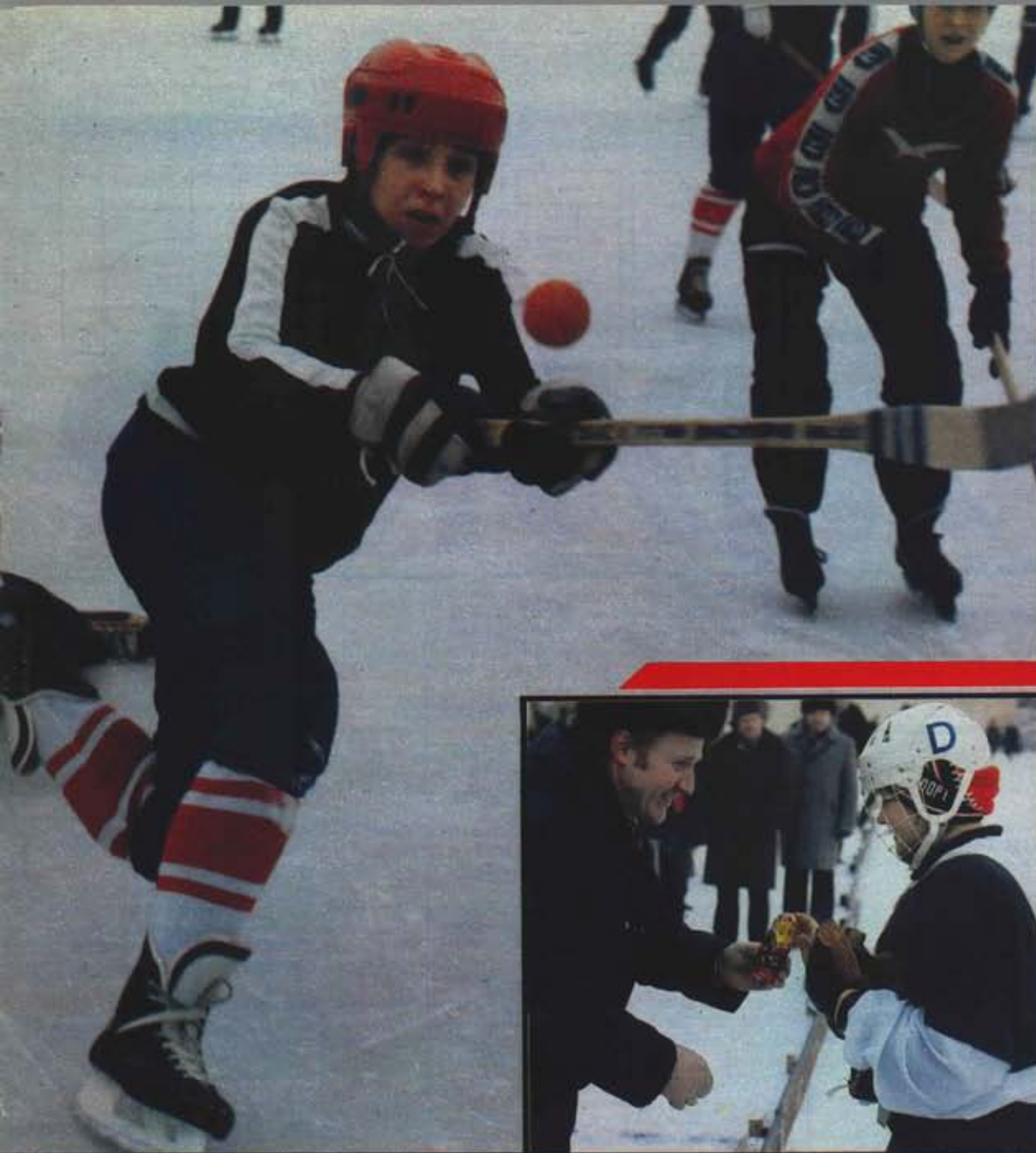
На первые игры прошлогоднего
первенства России в Свердловске
зрители шли, имея весьма смутное
представление об умении женщин
играть в эту игру, за пятьдесят лет
превращенную у нас исключительно
в мужскую. На финальных матчах,
как и в старые добрые времена, бо-
лельщиков опять были многие ты-
сячи — второе рождение женского
хоккея, будем считать, состоялось.

Удивительное дело: женский тра-
вяной хоккей, привозная игра, дав-
но завоевал у нас популярность,
и чемпионаты всесоюзные с десятка
лет по нему проводятся, а вот хок-

АЖЕНСКИЙ ЛЮТ ХО

кей ледяной, не без гордости именуемый нами русским, ни много ни мало полвека был в опале. За это время женщины, к примеру, уверенно освоили марафон, хотя раньше их с опаской допускали даже и к полторакилометровой дистанции.

Когда-то мы были первыми, теперь же вынуждены догонять ушедших вперед соперниц: женская сборная команда Швеции, к примеру, из 26 международных матчей, проведенных за последние 15 лет, уступила лишь в двух и по праву может считать себя сильнейшей в Европе.

Наша же сборная страны еще ни разу не собиралась, хотя география возрожденного вида спорта достаточно широка — в Свердловск, к примеру, съехались соперницы из Москвы, и из Сибири, и с Дальнего Востока.

Пока лидерство захватила столица. При московском заводе «Станкоагрегат» два года назад была создана ведущая на сегодняшний день команда страны. Вот только название заводское ей брать, пожалуй, все-таки не стоило. Не для женского оно коллектива. Вспомним, что есть у нас в других видах спорта и «Ура-

лочка», и «Светлана» — вслушайтесь, как замечательно звучит. Ведомственную же принадлежность можно было бы зафиксировать как-то по-иному.

У москвичек есть перед соперницами одно неоспоримое преимущество — крытая арена спорткомплекса «Олимпийский». Играть там — одно удовольствие. Недавно на единственном крытом ледовом стадионе в нашей стране был проведен первый в истории советского женского хоккея с мячом международный матч. Сформированная на базе «Станкоагрегата» сборная Москвы встречалась со шведским «Болтиком», чемпионом страны. Пока наши девушки уступили искушенным соперницам, но один из тренеров гостей, Томас Аксельссон, в недавнем прошлом чемпион мира, призывает москвичек не отчаиваться:

— Я был удивлен, когда узнал, что у русских девушек хоккейный стаж исчисляется всего-навсего двумя неполными сезонами. Не сомневаюсь, что команда ваша будет прогрессировать и дальше. В мужском хоккее с мячом мы ведь сначала учились у вас, терпеливо догоняя

в мастерстве сборную СССР, пока в последние годы не вышли вперед. Интересно, не произойдет ли в женском хоккее обратная ситуация?..

— Для этого нам надо решить массу «домашних» проблем, — говорит прославленный советский хоккеист Евгений Папугин, один из тех, кто долгие годы держал шведов «на дистанции». — Отечественная промышленность, к примеру, никак не решится порадовать нас качественным хоккейным инвентарем, упорно сокращается и количество заливаемых на зиму больших катков. Значит, будущее игры целиком зависит от крытых стадионов, а мы их не то что не строим — не проектируем даже.

Пока мужчины рассуждают, женщины играют. Их хоккей живет атакой. Забивать безудержно рвутся буквально все десять полевых игроков, а вратарь помогает им громкими советами. Тренерские обязанности во всех без исключения командах исполняют мужчины, но привить жесткую игровую дисциплину пока никому из них не удалось. Голевых моментов за игру создается столько, что мужчинам хватило бы на иной турнир. Правда, с результативностью

пока похуже, чем у мужчин, но и Аксельссон, и Папугин уверяют, что скоро догонят. А уж сами девушки в этом и вовсе не сомневаются — иначе зачем было брать в руки клюшки?

Нынешней зимой планируется провести первый всесоюзный турнир, ведутся разговоры и о включении женского хоккея в календарь соревнований зимних Спартакиад народов СССР. Да и выход на международную арену в недалеком будущем должен стать не эпизодическим, а постоянным. Научиться выигрывать можно ведь, только играя.

В свое время «пионерки» нового вида спорта ревниво оберегали игру от вторжения в нее мужчин. Тренеров тогда, по существу, не было — игрой руководили капитаны. Теперь автономия нарушена. Делами вновь заявившего о себе женского хоккея ведает Всесоюзная федерация по хоккею с мячом. Пока в составе ее президиума исключительно мужчины. Но, говорят, женщины вскоре намерены и здесь атаковать их позиции...

Максим КЛИМОВ

ХОККЕЙИСТКИ

Виктор
ПЕРЕВЕДЕНЦЕВ,
кандидат
экономических
наук

АЛИМЕНТЫ ДЛЯ МУЖЖА?

Многие читатели полагают, что редакция журнала ошибается, считая, что случай А. Александрова редкий. Такие случаи, по их мнению, обычны, типичны, часты. Кто тут прав, может показать только специальное обследование. Ведь очень многие письма пришли из портовых городов и от северян, то есть из тех мест, жизненная обстановка которых не типична для большинства других местностей.

Вот что пишет, к примеру, И. Г. Багдасарова из Ростова-на-Дону:

«Позвольте не согласиться с вами, что случай, описанный Александровым, «достаточно редок». Отнюдь!

Шесть лет я учительствовала в Мурманске, куда по службе был переведен мой муж. Как классный руководитель и инспектор по опеке детей, лишённых родительского попечения, посетила и обследовала сотни семей. Насмотрелась на неверных жен, пьющих и гуляющих мам, легкомысленных девиц и дамочек, прибывших в Мурманск, по их собственному выражению, «фрахтовать морячков». И не только в опекаемых мною семьях! Увы! И в своем учительском коллективе, и в военных городках, где мы прожили долгие годы. Есть у нас такие женщины, но говорить об этом вслух как-то не принято... Рожать в двадцать лет от первого встречного, а затем «фрахтовать дядю, платящего алименты», — это безразлично, это равносильно мошенничеству. И закон должен пресекать подобные «игры» матерей-одиночек и ограждать от западни доверчивых людей».

Большинство откликнувшихся на публикацию читателей полагают, что платить алименты неродной дочери несправедливо. Замечу, кстати, что от частного случая многие читатели переходят к более общим вопросам, говорят о сложившейся в стране ситуации с одинокими матерями, об упадке, по их мнению, половой морали, о необходимости больших перемен в брачно-семейном законодательстве и т. д. Протирую одно из многих типичных писем.

«Хоть я и женщина, но я за удовлетворение просьбы Александрова. Он не должен платить алименты удочеренной девочке, так как она не его родная дочь, хотя и носит его фамилию. Я считаю правильным не присуждать алименты горе-матерям-одиночкам, которые наживают детей не в законном браке. Надо изменить закон... Присуждать алименты при появлении ребенка только в зарегистрированном браке и только при появлении его после девяти месяцев со дня регистрации. Это поможет сохранить девственность, женскую гордость, совесть. Уменьшится число гуляющих девушек и женщин легкого поведения... Надо признать законное звание «мать-одиночка» только за теми женщинами, которые остались одиночками от постигшего горя, несчастья, состоявшими до этого в браке, а остальным присваивать звание «гуля-

щая мать» или «падшая мать» и никаких им алиментов не присуждать, слишком легко они живут, и какие дети, а впоследствии люди вырастают?!»

Это письмо пришло из Молдавии (автор просит не сообщать ее фамилии и города).

«Не идите, тов. Александров, в бой с законом. Вы бессильны. Непорядочность ловко и умело использует закон, а закон ее защищает. Чтобы искоренить непорядочность, необходима перестройка в законодательстве. С уважением — «одинокая мать».

(Письмо из Днепропетровска, «прошу очень мою фамилию не указывать».)

Инженер Н. В. Будеева из Саратова пишет: «Гр. Александров! Мне Вас откровенно жаль: обманула Вас мать-одиночка-одиночка, отомстила в Вашем лице всем мужчинам за ночки. И придется теперь Вам платить и за себя, и за того, увы, парня. А Вы, несчастный, покопайтесь в своей памяти и убедитесь, что и за Вас кто-то платит, и прежде всего государство. Сразу легче стало, успокоились?.. Что касается алиментов, которые Вам присудили, бедный Вы мой, то я считаю, что Ваше право — платить их или не платить удочеренному ребенку. Полагаю, Вашей бывшей жене могут восстановить пособие (20 руб.). А уж коль придется платить, то благодарите за это мужчину-одиночку».

Нет, уважаемая Наталья Будеева, у А. Александрова нет права «платить или не платить удочеренному ребенку». Здесь вы ошибаетесь, как и многие другие авторы писем. Закон приравнивает усыновленного (удочеренного) ребенка к родному. Думаю, что это совершенно правильно и с моральной точки зрения. Ребенок не игрушка. Закон не обязывает отчима усыновлять детей своей жены. Но если уж усыновил — будь добр исполнять обязанности отца. Независимо от того, как сложатся в дальнейшем ваши отношения с матерью усыновленного вами ребенка. Думаю, что при оформлении удочерения Александрову, как это делается в подобных случаях, его права и обязанности объясняли. Как и многие авторы писем в редакцию, я думаю, что наше брачно-семейное законодательство нуждается в совершенствовании. О некоторых желательных или даже необходимых изменениях я дальше скажу. Но что касается обязанности усыновителей материально содержать усыновленных детей наравне с родными, она, думаю, должна остаться неизменной. Если даже эта юридическая норма и не соответствует «моральному чувству» многих наших граждан. Как говорит русская пословица, «не давши слова — крепись, а давши — держись».

Письма в редакцию показывают крайнюю юридическую неосведомленность многих читателей и даже полную безграмотность некоторых из них. Замечу, кстати, что и с демографическими знаниями дело обстоит не лучше. Передо мной яростное коллективное письмо студенток Ленинградского уни-

верситета, которые очень разгневаны на редакцию, которой, по их мнению, «не хватило совести и ума для того, чтобы не выносить эту грязь на всеобщее обозрение». Они полагают, как и некоторые другие читатели, что государство помогает матерям-одиночкам ради «повышения рождаемости, улучшения демографического положения». Это, конечно, далеко от истины. Матери-одиночки не повышают, а понижают рождаемость, ибо детей у них много меньше, чем у тех, у кого семейная жизнь складывается нормально.

В почте редакции немало очень умных писем, в которых ситуация, сложившаяся у Александрова и подобных ему, и отношение к ней закона оцениваются, на мой взгляд, совершенно правильно. «Закон не наказывает Вас, т. Александров, алиментами и не награждает ими Вашу бывшую супругу. Закон оберегает права ребенка», — пишет Наталья Саранова из г. Воскресенска Московской области. — Помогая одиноким матерям, государство старается создать равные условия для детей, воспитываемых в полных и неполных семьях. Чем виноват малыш, что у него одна мама и нет отца? Чем виновата Ваша, тов. Александров, дочурка, что Вы с ее «увлекающейся» мамой «полюбили-разлюбили»? Она ведь тоже останется без отца. Столько слов о порядочности!»

О законодательстве в письмах говорят главным образом в связи с материальным положением одиноких матерей и жен, полных и неполных семей, размерах пособий и алиментов. Очень много писем, в которых утверждается, что у одиноких матерей слишком много льгот, что они имеют якобы множество преимуществ перед обычными матерями, что у них лучшее, чем у других, жилищное положение, что они-де для того и заводят детей, чтобы квартиру получить... В иных письмах прямо-таки сгусток «разоблачений». Ну вот, к примеру, выдержка из письма «работника суда», как она себя называет, Е. Кравченко из Днепропетровска:

«Врач женской консультации при беременности «одиночки» должен ей разъяснить, что рожать ребенка без отца не следует, и направлять ее на прерывание. Этим он пресечет спекуляцию детьми перед женатым, у которого таким образом вымогают деньги. А главное, что большинство из этих потаскух, получив квартиру, старается, чтобы ребенок умер, и очень часто ребенок гибнет. Следует немедленно прекратить практику дачи квартир одиночкам. Ведь ясно: живя в общежитии, ребенка заводят только ради квартиры. Человек, относительно которого в суде выяснено, что он в разводе не виноват, должен освобождаться от уплаты денег на усыновленного ребенка. Это и дураку ясно. Потому что сейчас подобные аферы становятся частыми. Прошу «Смену» не ограничиваться этой публикацией и обсуждением, а направить в Министерство юстиции официальное письмо с просьбой навести по-

рядок в брачном законодательстве. Просите отменить нынешние установки на предоставление квартир женщинам, заведомо знавшим при беременности, что им с ребенком будет где жить. Пресеките безотцовщину, которую плодят эти фурии. Просите об изменении законодательства об усыновлении: внесении в него параграфов, предусматривающих автоматическую отмену усыновления в случае обмана усыновляющего. Просите о законе против лиц, вступающих в брак, чтобы не стоять в очереди на улучшение жилищной площади. Всю эту грязь надо пресечь. И пора, я считаю, поставить на место гуляющих женщин — не давать им льгот, прав, клеймить позором. Есть у нас на улицах стенды «Их ищет милиция». Физиономии таких, как «жена» этого Александрова, должны красоваться на подобных стендах всеобщего обозрения. Конечно, «поганому виду нет стыду», но для других послужит предостережением».

Подобные — и по смыслу, и по тону — письма, особенно когда они идут косяками, читать крайне неприятно. Ну что уж мы так ошестинились-то! Это уж не обсуждение получается, а свара какая-то. И предложения-то куда как сомнительны, а некоторые явно ошибочны. Как демограф, я никогда не посоветовал бы, как это делает Е. Кравченко, «направлять на прерывание». Неужели ей неизвестно, чем грозит аборт при первой беременности? Правильным мне представляется подход к этому вопросу Михаила Анохина из г. Сердобска Пензенской области. Отметив, что молодежь плохо подготовлена к семейной жизни, он предлагает, что нужно хорошо наладить половое просвещение в школе, выпустать большими тиражами соответствующую литературу, «знакомить старшеклассников со средствами и методами контрацепции», ибо нередкие последствия абортов — «болезни, бесплодие, искалеченные судьбы». Думаю, что в наше время регулирование рождений с помощью абортов должно быть редким исключением. «Пресечь безотцовщину», разумеется, невозможно, а вот уменьшить — чрезвычайно желательно. Однако главный источник безотцовщины не матери-одиночки, а разводы, распавшиеся семьи вскоре после их образования. Одна из главных причин нынешней многочисленности разводов — «браки, стимулированные беременностью невесты», то есть регистрация брака под «давлением» беременности, «брак вдогонку». Знание, желание и умение не допустить беременности в тех случаях, когда женщина не желает родить, — мощное средство снижения уровня безотцовщины. Замечу, кстати, что «сходившие замуж» нередко смотрят на матерей-одиночек сверху вниз — это очень хорошо видно из писем, хотя нет для этого достаточных причин. И «разведенки», и нынешние «законные» жены нередко пишут, что у матерей-одиночек какие-то большие льготы, что они-де живут куда лучше,

Коллаж Владимира Зайцева

чем матери-неодиночки. Думаю, что все это большая неправда, сколько бы отдельных примеров ни приводилось.

«Алименты я получаю от 6 до 19 рублей. Хочу отказаться от них совсем, но пока мне еще трудно, я инженер. При распределении жилья в нашей организации меня обошли по очереди, а если бы я была матерью-одиночкой, этого не случилось бы» (Тюменская обл., фамилию и город просит не называть).

К настоящему времени установлен минимальный размер алиментов в абсолютной сумме. На одного ребенка он составляет 20 рублей в месяц. То есть минимальные алименты равны государственному пособию для одинокой матери. Но ведь подавляющее большинство разведенных получает много больше алименты. По-видимому, средний размер алиментов на одного ребенка составляет 60—70 рублей. И даже тем, чьи бывшие мужья скрываются от алиментов, государство выплачивает пособие, равное пособию одинокой матери, до тех пор, пока беглец не будет найден, а когда это случится, он выплатит все невыплаченные своевременно алименты. Как видит читатель, никаких денежных преимуществ перед другими одинокие матери не имеют. Нет никаких сомнений в том, что уровень доходов на одного члена семьи в неполных семьях значительно ниже, чем в семьях нормальных. Это нетрудно понять, даже не зная статистики. С демографической точки зрения размеры денежных пособий для одиноких матерей стоило бы поднять, как, впрочем, и минимальные размеры алиментов. Я хорошо понимаю, что у нашего общества сейчас много острых неотложных задач, и мне неизвестно, на каком месте среди всех проблем, требующих дополнительных затрат, стоит проблема повышения уровня жизни неполных семей. Но то, что эта проблема остра, для меня совершенно несомненно.

Не сомневаюсь я и в том, что жилищное положение одиноких матерей хуже, чем у «законных» жен, чем у полных семей. Думаю, что со всей очевидностью это покажет жилищная перепись, которая будет проведена в начале 1989 года вместе с демографической переписью. Во многих письмах приводятся примеры бедственного жилищного положения «нормальных» семей и утверждается, что матери-одиночки получают жилье вне очереди и впереди всех других. Острота жилищной проблемы мне известна, однако причина ее — совсем не льготы матерям-одиночкам. Получают жилье они не вне очереди, а в очереди, которая движется тоже медленно, — в нашей почте есть много тому примеров. Кстати, если бы имеющееся в стране жилье было распределено равномерно, то одинокая мать с одним ребенком имела бы неплохую однокомнатную квартиру. На начало этого года в стране имелось **по пятнадцать квадратных метров** общей площади жилищ на среднего человека. Отдельные примеры ничего не доказыва-

ют. Если бы у одиноких матерей были действительные жилищные преимущества, не было бы такого числа одиноких матерей в общежитиях.

Разного рода мелкие льготы — по детским дошкольным учреждениям, пионерским лагерям, путевкам для отдыха и т. д. — совсем не восполняют при всей их важности для матерей и их детей дефицита душевых доходов, не говоря обо всем прочем. Тот, кто считает, что одинокие матери со своими детьми «как сыр в масле катаются», глубоко ошибается. Подозреваю, что пишущие о завидной доле матерей-одиночек сами хорошо знают, что говорят неправду. Судя по письмам самих матерей-одиночек, большинство их хорошо сознает, что их положение «испортило жизнь» и им самим, и их детям. А то, что они ходят, «гордо подняв голову», — это ведь хорошо понятная защитная реакция. Жизнь продолжается, и большинство одиноких матерей отважно бьется за то, чтобы она была лучше и у них самих, и особенно у их детей. Тут меня можно, конечно, побить примерами. Вот эта пьет и детей совсем забросила, а та гулящая, а вон та... Примеров этого рода я и сам могу привести сколько угодно. Но что они доказывают? Видимо, прежде всего то, что положение матерей-одиночек больше способствует «отклоняющемуся поведению», чем жизнь в нормальной семье. Во-вторых, то, что в число одиноких матерей чаще, чем другие, попадают люди, склонные к этому самому отклоняющемуся поведению, которые сами, кстати, нередко выходят из неполных семей. Каково относительное значение того и другого — условий жизни и качеств личности, — можно понять только в результате специальных глубоких исследований. А вывод из этого тот, что одиноким матерям и их детям нужно особое внимание, что нужно усиливать и материальную, и моральную помощь им, подтягивая их во всех отношениях к более благополучным полным семьям.

В редакционной почте много писем от северян и моряков, которые платят очень большие алименты. Они считают, что это несправедливо, и предлагают установить верхнюю абсолютную границу алиментов. Столько-то процентов, но не более такого-то количества рублей. Эту свою позицию они подробно аргументируют.

Вот типичное письмо северянина: *«В настоящее время наш закон максимально направлен на развал семьи: права женщины раздуты за счет уще-*

вления прав другой стороны. Например, у нас, в Нерюнгринском угольном разрезе, работает много мужчин, выплачивающих алименты бывшим женам. Суммы весьма и весьма приличные. Многие бывшие жены живут под солнцем юга и в других более благодатных местах. Им можно не работать, и многие работают чисто символически. Они кормятся за счет тех денег, что предназначены ребенку. Не тратится же на двух-пятилетнего ребенка 160—200 рублей в месяц!

Почему же алименты берутся с северного коэффициента? Почему берутся и с северных надбавок? Почему не брать их только с основного заработка? Когда, наконец, будет положен предел (потолок) месячной сумме алиментов?

Литвинов П. Г.,
26 лет, машинист бульдозера».

Письма северян и моряков по вопросу о сумме алиментов различаются лишь деталями. Кто-то платит на одного до трехсот рублей ежемесячно, кто-то утверждает, что на его алименты живет не только его бывшая жена, но и ее нынешний муж, кто-то считает, что на его алименты куплены автомашина и дача... Вот еще небольшой отрывок из длинного письма: *«У меня высчитывают ежемесячно до 170 рублей на одного ребенка. Полагаете, все деньги идут на дочь? Третий год работаю на Сургутской ГРЭС. А уехал сюда от нищеты, до которой довела зарплата строительного мастера минус алименты. Предлагаю: 1) установить при выплате алиментов максимум, выраженный в конкретной сумме, 2) упорядочить положение об алиментах в виде подробного закона, для чего вынести этот вопрос на всенародное обсуждение. Булатов Иван Васильевич, г. Сургут Тюменской обл.»*

Есть в почте и письма женщин, которые хотели бы, чтобы их нынешние мужья платили меньше алиментов бывшим женам. Вот небольшая выдержка из одного такого письма:

«У нас с мужем двое детей. Мужу 36 лет, и он занимает руководящий пост, у него высокая зарплата. Ежемесячно он выплачивает алименты на ребенка от первого брака более 100 рублей. Получается замкнутый круг. На каждого из своих детей мы не можем позволить себе тратить такую сумму. Это несправедливо. Ведь существует не только отец-алиментщик, есть еще и мать ребенка, которая должна выделять на него определенную сумму. Необходимо верхний предел алиментов».

Есть в почте и единственное в своем роде письмо пожилой женщины, которая настоятельно просит установить верхний предел алиментов, аргументируя это более всего тем, что ее родная дочь трижды выходила замуж за высокооплачиваемых, теперь с каждого из бывших мужей получает по четверти их доходов, из-за чего стала, по мнению матери, тунеядкой и останется ею, если будет продолжать получать эти немислимые алименты.

Я давно считаю, что верхний абсолютный предел алиментов нужно установить. В свое время я уже выступал с таким предложением, получив в ответ много разгневанных писем от тех, кто считает, что предлагается ущемление их законных прав, что никакие алименты нельзя считать чрезмерными, что они — матери детей, на которых выплачиваются большие алименты, и их дети и без того во многом ущемлены, что любые алименты — неполная компенсация их материальных и моральных потерь, и т. д. Не сомневаюсь, что разгневанные письма хлынут и в редакцию «Смены».

Этот конфликтный вопрос нужно наконец законодательно разрешить, подобно тому, как был разрешен и спорный ранее вопрос о минимальном абсолютном размере алиментов.

Но если этот вопрос ясен для меня в принципе, то далеко не ясно, каким же должен быть этот предел. Ведь есть и такие предложения: «Пусть отец и мать несут одинаковые затраты на своего ребенка». Обосновывается это тем, что мужчина и женщина у нас равны. Если, скажем, содержание ребенка стоит 60 рублей в месяц, то его отец, бывший муж, должен платить 30 рублей. Полагаю, что это совершенно неверно и крайне несправедливо. Кроме материальных затрат, мать тратит на воспитание ребенка время, силы, нервы. Если бы специально нанять женщину, которая должна была бы делать для ребенка все то, что делает бесплатно мать, то боюсь, что зарплата многих отцов просто не хватило бы для оплаты ее труда. Так что требование «затраты пополам», на мой взгляд, неуместно. Отцы должны тратить на детей больше. Кстати, еще и потому, что их зарплата, выше, чем зарплата матерей. Мужчины и женщины получают у нас, как известно, равную оплату за равный труд, но женщины заняты в среднем на менее оплачиваемых работах, имеют менее высокую квалификацию (в частности, и потому, что очень много сил и времени тратят на семью), имеют меньший рабочий стаж из-за неизбежных перерывов в работе и т. д. Полагаю, что для определения справедливых размеров верхней абсолютной границы алиментов нужно провести специальное исследование, при котором были бы достаточно полно учтены все стороны проблемы. Думаю, что эта граница должна быть достаточно высокой и подвижной во времени, то есть повышаться по мере роста средней номинальной зарплаты. Следует пересмотреть и нижнюю абсолютную границу алиментов, которая, как пишут некоторые наши читатели, установлена на радость ленивым и на горе матерям. Двадцать рублей в месяц по нынешним временам не деньги. Для установления справедливого нижнего предела нужно также провести фундаментальную исследовательскую работу. Думаю, что нижние и верхние абсолютные пределы алиментов должны быть связаны так, чтобы между ними не было необоснованного чрезмерного разрыва. Если повышенные в сравнении с нынешними минимальные алименты часть мужчин будет не в состоянии выплачивать, государство должно, по моему мнению, проводить доплаты до установленного минимума из госбюджета. Речь ведь идет об исключительно важном вопросе, в конечном счете — о «качестве» будущих поколений, «качестве» граждан и работников.

Думаю, что заслуживает внимания и предложение многих северян и моряков класть часть больших алиментов на сберегательные книжки детей до их со-

УЗЕЛКИ НА ПАМЯТЬ

Мария БОРОДИНА.
Фото Альберта ЛЕХМУСА

Когда, заглядывая в прошлое человечества, находишь в нем примеры взаимообогащающего содружества разных народов и культур, веришь, что не вражда, а мир и согласие — естественное состояние их отношений. Одну из таких светлых страниц истории открыла я для себя на дальней оконечности нашей страны — Камчатке. Есть там старинное село с русским названием Мильково. Возникло оно более трехсот лет назад на месте ительменского стойбища. В селе открыт музей, да такой, что не могу о нем не рассказать.

В XVII веке встретились в районе нынешнего Милькова русские крестьяне, переселенные сюда по указу властей, и ительмены — коренные жители Камчатки, сохранившие к тому времени жизненный уклад каменного века. Первые знали земледелие, кузнечное дело, вторые были богаты опытом рыболовства и охоты, выживания в экстремальных условиях. Вот все эти свидетельства мирного сосуществования двух культур — коренной ительменской и пришлой русской — и собраны в экспозиции музея.

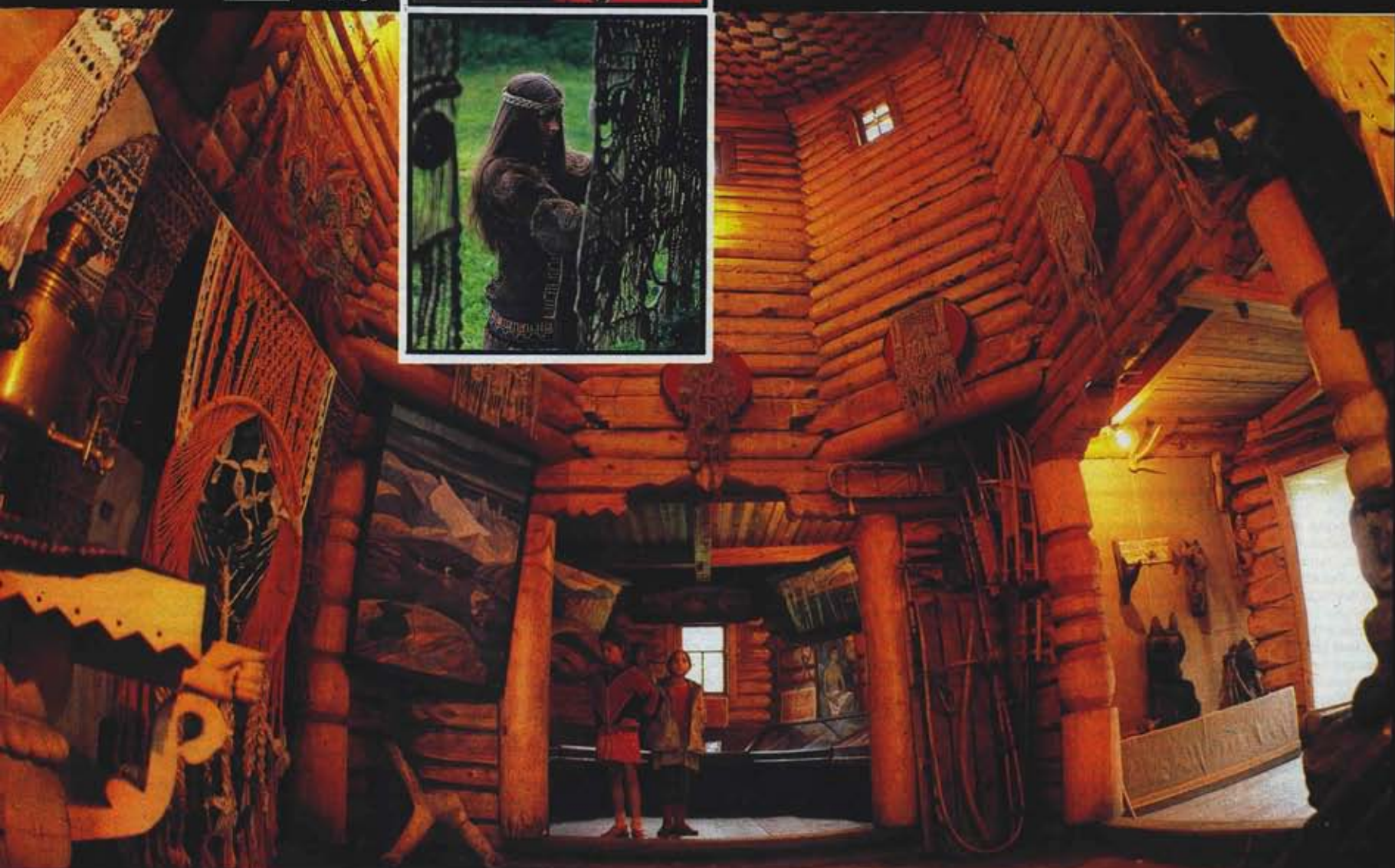
Интересна история его создания. Лет двенадцать назад в Милькове появился рослый светлокудрый мужчина с яркой, темной женщиной. Молодой русский историк и этнограф Михаил Угрин переехал в родные места своей жены-ительменки, которая не смогла жить на материке. Устроился Михаил ночным сторожем, а днем занимался тем, что полностью захватило его как исследователя: восстанавливал старинную кузницу и древние рыболовные снасти ительменов, записывал легенды, предания камчадалов и воссоздавал облик старинного острога...

Легко все это перечислить. А каково было одному таскать шестиметровые листовницы и укладывать в будущее здание музея по три бревна в день (более оказалось не под силу даже при хорошей подготовке по тяжелой атлетике)!

Теперь Михаил Угрин — директор первого на Камчатке эколого-этнографического музея. Название не надумано, оно рождено современной реальностью, в которой экология и культура переплетены и взаимозависимы.

Среди художественных экспонатов здесь есть изделия, которые на основе привнесенного на Камчатку искусства макраме воссоздают образы ительменских легенд и мифов. Так возрождается узелковое плетение, ремесло, известное ительменам чуть ли не с каменного века. Древние ительмены умели вязать узлы тысячи видов, каждый из них имел свое назначение и применялся в зверобойном промысле, собирательстве.

В музее представлены лучшие образцы «северного макраме», созданные ительменкой Ольгой Угриной, впервые открывшей возможности узелкового плетения для возрождения полузабытого искусства своего народа. В этих изделиях воочию ощущаешь гармонию причудливого переплетения дивных узелков, завораживающих, надолго приковывающих глаз. Ольга Угрин передала мастерство дочери Татьяне и многим другим обитательницам Милькова. Сегодня «северное макраме» можно увидеть не только в музейной экспозиции, но и в домах жителей поселка. Так воплощается одна из идей создателя мильковского музея: вернуть исторический опыт нынешнему поколению, чтобы было откуда черпать силы и знания для жизни в настоящем.

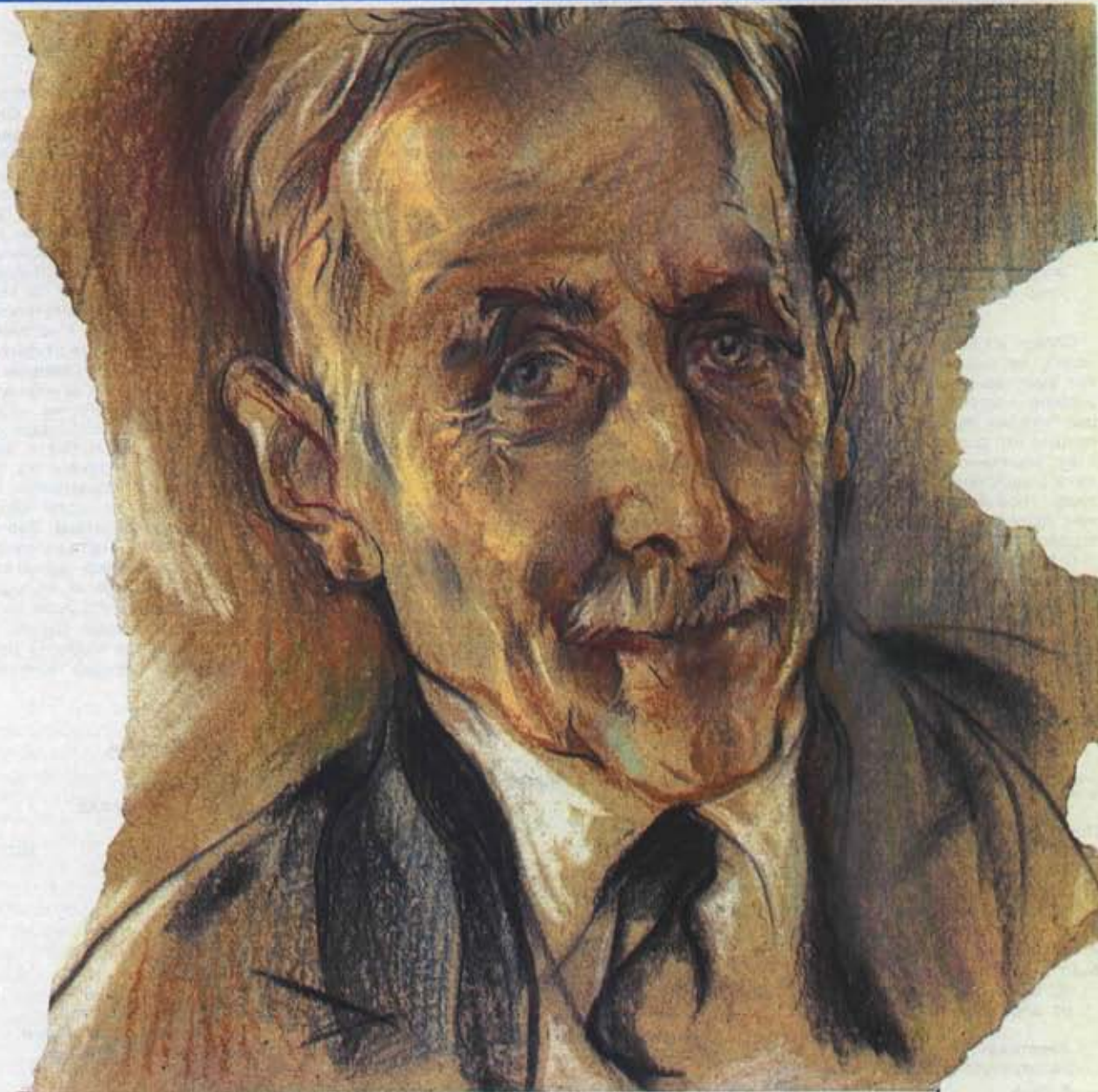
"ЖЕМ УДИВИТЕЛЬНЕЕ

РЕЧЬ"

Лев ОЗЕРОВ

С горечью наблюдаю, как юноши и девушки зачастую относятся к старикам. Имею в виду родителей, учителей, наставников, то есть всю когорту старших и по возрасту, и по жизненному опыту, и по знаниям. Даже в тех регионах страны, где прежде был культ старших (особенно Кавказ и Средняя Азия), увы, старейшины-аксакалы то и дело натываются на эгоизм, неблагодарность, невежество. Это острая социальная проблема, которую ставит время. Легче всего читать нотации. Делать этого не хочу. Старый педагог, знаю по опыту, что это непроизводительно, а часто дает обратный эффект. Вот почему я предпочитаю простой рассказ о моих учителях. О том, что они не только в прошлом значили, но и сейчас много значат в моей жизни.

Древние полагали, что учителей своих мы должны почитать не менее родителей. Если первые произвели нас на свет, то вторые дали нам знание, умение, ремесло, наполнили жизнь нашу смыслом, поставили перед нами цель, ради которой можно растрчивать свои дни и годы. Подобно другим, я испытал это на себе. Моими учителями были люди разных возрастов, наций, профессий, индивидуальностей. Прежде всего поэты. Я назвал бы несколько имен. Для начала обращаюсь к двум из них — Николаю Ушакову и Борису Пастернаку.

Сейчас многое из восприятий детства невосстановимо. Но помню отчетливо: конец двадцатых — начало тридцатых годов, Киев.

Мне казалось, что все поэты существовали, как мамонты, — только лишь в прошлом! Я смотрел на портреты Державина, Пушкина, Лермонтова, Тютчева, Некрасова, Полонского, Фета, сравнивал их с обликом людей, которых видел вокруг себя, и думал: «да, поэтов нет среди нас...»

И вот, уже юношей, я увидел человека, о котором мне было известно, что он поэт. Он шагнул по комнате из угла в угол, читал стихи так, как разговаривают обычно с другом, не напрягая голоса, просто, и доверительно, и чуть нараспев. Потом в Киеве, на Бульварно-Кудрявской, а затем на Владимирской, в помещении так называемой «Коммуны писателей», Николай Николаевич Ушаков — это речь о нем — рассказывал нам, начинающим литераторам, о судьбе русского стиха, о слове поэта, о Пушкине, об Анненском, о Блоке...

Смотрел я на него, и постепенно передо мной вставал образ поэта, художника, мастера. Поэтический труд раскрывался не в оперном обрамлении, а как высокая и в то же время реально

ответственная и очень серьезная деятельность, забирающая человека целиком. И чем больше я узнавал Ушакова в его поэтическом труде, тем глубже раскрывался мне и смысл самой поэтической деятельности в большом плане. И я рад, что на заре моей литературной юности мне встретился этот мастер, этот человек, внушивший мне мысль о сложности и увлекательности поэтического поприща.

Ушаков читал лекции о слове и стихе, учил рабкоров отличать ямб от хорея. Занимался он и с начинающими поэтами, среди которых был автор этих строк. В пору, когда в нашей поэзии деятельной и творческой жизнью жили Маяковский, Асеев, Пастернак, Светлов, Луговской, выступил и Николай Ушаков. В то же время шла работа Ахматовой, Сельвинского, Тихонова, Антокольского и многих других поэтов. Помню, как в киевском пассаже на книжной витрине я впервые увидел рядом с «Юго-Западом» Багрицкого «Весну Республики» Ушакова.

Помню также первое впечатление от этой книги: свежесть, слов меньше, чем образов, строки как бы светились изнутри, некоторые из них сразу запомнились и просились в эпиграф.

В одной из своих статей Ушаков пишет о том, что история поэзии — это история вхождения жизни в поэзию.

Статья, о которой идет речь, называется по-блоковски: «Узнаю тебя, жизнь!» В этом постоянном, все углубляющемся узнавании жизни, в поэтическом ее раскрытии, в закреплении словом ее чудесной переменчивости видит Ушаков существо работы художника. Для него поэзия — первичное открытие жизни.

Донбасс, его вышки и шахты, его теплые дожди, лошадь, идущая по углу («Скажите — она слепая или забыла дорогу?»), скользящая вагонетка... Что же объединяет как бы разрозненные штрихи этого донецкого пейзажа? Взгляд поэта, узнающего жизнь, познающего ее, верящего ей:

*Как все это нежно в жизни,
как все это в книгах грубо!*

Это сказано с полемической остротой, но надо знать, что скрыто за этой полемикой. «Чудесные вымыслы» символистов, противопоставляющих мечту и действительность, небо и землю, книгу и жизнь, долго удерживались в нашей поэзии и имели множество последователей. Ушаков не только резко порвал с этой традицией, но и поставил все с головы на ноги, не боясь ради утверждения примата жизни оскорбить книгу, которую, как надо понимать, он любил не меньше своих оппонентов.

С первого взгляда он мог показаться человеком из толпы, из множества. Он,

как я потом понял, никогда не хотел подчеркивать свою исключительность, уникальность натуры. Кто-то метко определил его облик: помесь бухгалтера с Роменом Ролланом. Это заставляло вглядываться в него. Я вглядывался в него, и это было увлекательно. Мне казалось, что он из тех пушкинских Ушаковых (попутно думалось: вот женился бы Александр Сергеевич на Екатерине Николаевне — уцелел бы: «Вы ж вздохнете ль обо мне, если буду я повешен?», из послания Ушаковой). Во всяком случае, в Николае Николаевиче чувствовалось то, что называется породой, родом. Корень безусловно дворянский. Он, подчеркиваю, был прост в обиходе, сверх меры деликатен, скромен и намерен был ступенькаться, как бы просил не обращать на него внимания. Этим широко пользовались литературные чиновники и не замечали его. Но он продолжал творить свое высокое искусство. И ничего не было удивительного, когда стареющий Давид Бурлюк сказал о его стихах: «Это не стекло, а бриллианты».

Нас, неразумных, наивных, несмышленных, робких, он собирал и посвящал в тайны ремесла. Поэзия казалась с самого начала непостижимой, но его присутствие вселяло надежду: можно, надо постигать. И мы учились у этого гранильщика стихотворных алмазов.

Свежий взгляд на мир, не затененный книгой, или, как Ушаков говорит, «прилежный взгляд» — вот что всего более ценилось им. И это я старался усвоить.

О мастерстве Ушакова можно было бы написать целую книгу, и она оказалась бы книгой о современном русском стихе, о русской поэтической речи, о настоящем и будущем нашего слова. Но достаточно привести короткое стихотворение «Мастерство», чтобы понять, как из глины житейских фактов, подробностей быта мастер готовит поэтически осмысленный образ.

Пока владеют формой руки,
пока твой опыт
не иссяк,
на яростном гончарном круге
верти вселенной
так
и сяк.

Мир незакончен
и неточен,
поставь его на пьедестал
и надавай ему пощечин,
чтоб он из глины
мыслью стал.

Слово «пощечина» здесь — кульминация, не слово — целая сцена, богатая действительными оттенками смысла. Ушаков — мастер лирической композиции, каждая вещь у него неповторима, потому что соответствует живому чувству, вложенному в нее; каждая вещь дана в действии, развороте. И каждая вещь прочитывается как повесть, как драма, от первой до последней строки.

В большинстве случаев кульминация совпадает с концовкой. Эти концовки нередко ударны, афористичны, крылаты. Например: «Мой труд раскрыт, потушим свечи — уже заря», «В рабочем фартуке Овидий о веке мыслит золо-

том», «Мир — он не может быть не разгадан, то есть до корня не изменен...», «Счастье найти нетрудно, трудно его сберечь». Примеров множество.

Пристрастно расспрашивал я Николая Николаевича о его работе над словом. Он недоуменно вскидывал брови и задумывался.

— Это работа круглосуточная. В тебе происходит постоянное приглядывание к чувству, мысли, к слову. Они как бы подыскивают способы выражения. Незнакомое хочет быть названным. «Улица корчится безъязыкая» — помните у Маяковского? Улица хочет заговорить. Помогите ей заговорить! Это и есть, кажется, работа над словом...

Хотя Ушаков провел раннее детство под Ярославлем, незачем подыскивать ему Арину Родионовну — ярославскую няню. Няню, хранящую в памяти народные речевые самоцветы. Если говорить о рождении его внимания к слову и о воспитании чувства слова, то тут играло роль многое... И учитель словесности, щеголявший в Киеве отменным русским языком, и первое знакомство с Далем, где среди другого запомнилось, например, «алынь — волна прилива...». И сочные словечки сибирского проводника в алтайской тайге, и не очень приличные ярославские сказки, записанные уже потом, в зрелости, и толстовская «охота» из «Войны и мира», чеховская «Степь», бунинский «Господин из Сан-Франциско». Полновесное слово могли подсказать и всяческие справочники, сводки, каталоги... А гармонию фразы — и Коцюбинский, и Мопассан, и Гейне. Ушаковская строка, строфа, целая вещь легки (но не легковесны), ажурны, грациозны. Поэт словно лепит, образ осязаем. Возьмем хотя бы «Леди Макбет» или «Московскую транжирочку»:

Вино молчит.
А годы лягут
в угрюмом погребке, как дым,
пока сироп горячих ягод
не вспыхнет
жаром золотым.

Виноторговцы —
те болтливы,
от них кружится голова.
Но я, писатель терпеливый,
храню, как музыку, слова.
Я научился их звучанье
копить в подвале и беречь.
Чем продолжительней молчанье,
тем удивительнее речь.

1926

Плоты

Струи плакучей ивы
касаются воды.
Плывут неторопливо
в сырую ночь плоты.

И дуги веток карих
мерцают вдалеке,
течет огнем фонарик
по дымчатой реке.

Горит
и сам не знает,
дрожа витым лучом,
о чем
предупреждает
и говорит
о чем.

Подчеркнут черной тенью
зигзаг его огня.
О тихое теченье,
куда
зовешь меня?

О тихое теченье,
туманные луга!
Стоят,
полны значенья,
на берегу стога.

Стоят как бы в тумане,
во весь высокий рост,

Зима любви на выручку —
рысак косит,
и — ах!

московская транжирочка
на легких голубках
замоскворецкой волости.
Стеклянный пепел зим
стряхни с косматой полости
и — прямо в магазин.

Вы летите с этой строкой, вы кружитесь вместе с ней. И дальше:
Французская кондитерша,
скворцам картавя в лад,
принесит,
столик вытерши,
жемчужный шоколад.

Это написано так, что вам не только слышится музыка стиха, а вместе с ней возникают подвижные картины: кондитерша легко плывет с подносом между столиками, а столики-то с мраморными столешницами. Она улыбается и роняет картavye фразы, вам слышится прононс этой миловидной кондитерши. Несколько строк, а перед вами законченная картина. Притом динамическая и звучащая. Да только ли это! За Ушаковым должно быть закреплено немало важных и не сразу понятых в истинном своем значении поэтических открытий.

Я заставал Николая Николаевича за чтением томиков Блока или за «Кипарисовым ларцом» Анненского, за «Юго-Западом» Багрицкого или «Поверх барьеров» Пастернака. Он любил и знал русский стих. Книжки и бумаги на его столе всегда были в образцовом порядке. Он проявлял во всем черты собирателя и систематизатора. Это не умаляло облика поэта. Черты ученого, исследователя, труженика, испытателя были проявлены еще в молодые годы. Любознательность его была велика. И наряду с томиками поэтов на рабочем столе Николая Ушакова можно было увидеть и «Основы геологии»

а луг
как Мыс Желанья,
весь
в смутном пепле
звезд.

1939

Человеку нельзя не прорваться

И любви,
и надейся,
и веруй —
верь тому, что основа основ.
Мир измерить немислимо мерой
безразлично-красивых стихов.

Их, должно быть,
писал горемыка,
он не понял, бедняк, ничего.
Посмотри,
как над тундрой дикой
зрелой мысли царит торжество.

Рдеет день
над татарским проливом.
Пусть под кедрами, рядом, — ни зги,
хорошо верхолазам счастливым
видеть солнце за ночью тайги.

Хорошо времена и пространства
видеть в море огней и лучей.
Опасаться не надо тиранства
неудобных тебе мелочей.

Пусть олени, робея, ложатся
в узкой щели,

где пихты и снег,
человеку нельзя не прорваться:
называется он — человек.

Ты на трудную долю не сетуй,
ты не брезгуй нелегкой судьбой,
беспримерные наши ракеты
приглашают лететь за собой.

Мы расставили вешки как вежи
в те края,
где себя ты найдешь.
Береги трудовые доспехи,
их носить не стыдись, молодежь!

1959

В. А. Обручева, и «Элементы мысли» И. М. Сеченова, и «Избранные работы» И. В. Мичурина, и книгу Л. П. Левитского «О древних рудниках», и «О тактике ледового плавания» М. П. Белоусова. Он и меня научил этому собиранию научных книг, использованию их в работе поэта.

Мне вспоминается, как в начале 30-х годов молодой Николай Ушаков внушал мне мысль, что поэту нужно знать ремесла и науки, нужно еще заглядывать в специальные издания по отдельным отраслям знания, что это, помимо всего прочего, обновляет словарь поэта, делает его не среднеарифметическим, унифицированным, а точным, реальным, верным действительности. Я видел на рабочем столе поэта брошюры и книги по самым, казалось бы, далеким от поэзии отраслям знания: геологии, минералогии, нумизматике, строительству шахт, а также книги о северном сиянии, о цвете и природе и о многом другом. Все, что сулило поэту новые знания, новое понимание мира, — все брал он в руки и тщательно изучал. Дисковая пила в стихах Николая Ушакова поет так же приятно, как и варакушка.

Поэзия так же, как и весна, многозначна. Каждый раз на каждом витке житейского полета поэзия показывает у Николая Ушакова то одни, то другие свои качества.

Виноторговцы — те болтливы,
от них кружится голова.
Но я, писатель терпеливый,
храню, как музыку, слова.
Я научился их звучанье
копить в подвале и беречь.
Чем продолжительней молчанье,
тем удивительнее речь.

Так кончается стихотворение «Вино» (1926). Через многие годы автору этого прекрасного, теперь уже хрестоматий-

Есть такая сторона —
русская поэзия:
дорогие имена,
редкая профессия.
Искры огонек живой —
дар так называемый,
вот и бродит сам не свой
автор уважаемый.

Пушкин, Маяковский, Блок,
Лермонтов с Некрасовым.
Раздувай свой уголек,
намечай, набрасывай!
Вот она, родная речь —
звуков равновесие.
Как тебя нам не беречь —
русская поэзия!

Черный глаз, крутая бровь...
Слюбится да стерпится...
Что же ты, моя любовь,
отложила зеркальце?
На семи пуховиках
будто на железе ей...
Разгони позор и страх,
русская поэзия!

Каземат да равелин...
Что же вы, молоденький
благородный господин,
собрались в колодники?
Но грозит сквозь снеговей
миру мракобесия
рвущий цепи Енисей —
русская поэзия.

Громоздит, ломает лед
на волне взлетающей.
Ленин берегом идет,
с Лениным товарищи,
дорогие имена,
славная профессия,
поднятая целина —
всей земли поэзия.

1959

Если можно было бы сначала
жить начать
одним прекрасным днем,
я б хотел, чтоб иволга кричала,
чтобы набухал простор дождем.

Николай УШАКОВ

Стойкий солдат

Почему-то, отчего-то
он остался невредим.
Полтораста самолетов
бомбы
сбросили над ним.

А он спал под гром и грохот.
Был и весел и здоров —
от шрапнельного гороха,
от воронных потрохов.

Азиатская холера
разгружала фронт
и тыл,

а он пил из лужи серой
и водой доволен был.

Ливни отшумели рано,
лед свистел над головой,
он гулял в фуражке рваной,
словно в шапке меховой.

Царь не удержал престола,
сапоги разбились в прах,
а он шел вдвойне веселый,
в интендантских лапотках.

Ни шестнадцатидюймовым,
ни жандармам полевым
он не поддавался,
словом,
жил красивым и рябым.

Только баба голосиста —
сладкоглаза
и бела —
встретила
того артиста
и вокруг пальца
обвела.

1936

Вино

Я знаю,
трудная отрада,
не легкомысленный покой,
густые грозди винограда
давить упорною рукой.

ного стихотворения пришлось отвечать одному из своих читателей, приписавшему заключительный афоризм Тютчеву. Читателя легко понять: такие крылатые слова мы привыкли находить у классиков.

У Николая Ушакова есть стихотворение об изобретателе ножниц, как бы шутя и в шутку, но поэт вложил в него серьезнейший смысл.

Здесь я лежу —

оригинал-затейник.

Я миром позабыт,

*но в каждом доме
благословляют каждый день меня.*

Что сделал изобретатель ножниц? Подобно шпагам, он скрестил два ножа и скрепил их винтом. Просто? А вместе с тем какая польза от такого простого дела. Изобретатель ножниц приглашает прийти на его могилу портных, редакторов, мастериц, женщин, стригущих овец, детей с вырезными картинками... Так обращается к людям, пользующимся его изобретением, их «неизвестный друг».

В старой, дооктябрьской поэзии, если брать ее главные тенденции, польза и красота были разведены, разведены в разные концы. Николай Ушаков принадлежал к числу тех творцов, которые органически сочетали красоту и пользу. Это, с одной стороны, было диктатом жизни, с другой же стороны, это было уместным напоминанием о высокой традиции, восходящей к Ломоносову, к его «Письму о пользе Стекла», являющемуся, по существу, философской естественнонаучной поэмой.

Не переставал я учиться у Николая Ушакова лаконичности, емкости поэтической речи, «поэтической экономии». Он дал мне наглядные (и теперь могу сказать — забываемые) уроки афористичности.

*Чтобы плакал мир его слезами,
чтоб от слез мне было бы светло.
Жить с сухими — жесткими глазами
слишком, слишком, слишком тяжело.*

1946

*Мы сами в поезде, недаром
Курьерский поезд нас везет,
Года укутывая паром,
Ведя мгновеньям верный счет.*

*И только знаки верстовые
Летят в лесок как бы впотьмах,
И только точки световые,
Как бы лампы на крестах.*

*И только пляски круговые
Летящих на фонарь листов,
И только темная Россия,
Лежащая за морем дров.*

1940

Улыбка осени

*А все-таки сознать мне придется —
погода осени — коварней всех погод:
лицо к лицу спокойно поднесет
и — вызывающая — улыбнется.*

Листок кофейный

*в солнечном столбе,
и сразу снег —*

*спокойный, тихий, зыбкий.
Есть торжествующий обман
в улыбке, которая уверена в себе.*

1940

Куст на косогоре

*С зимою нам беда и горе:
смотри, как белый снег глубок,
смотри — какой на косогоре
с сухими листьями дубок!
Что может быть для нас печальней,
чем белый снег, чем синий лед,
чем этот куст сентиментальный,
который нас переживет.*

1941

Набросок

*Снег дышит теплотой весенней
под еле внятной синевой,
так и упал бы на колени
пред этой бледною весной...*

1941

КОНКУРС КРОССВОРДИСТОВ

Итоги второго задания

В № 11 «Смены» за этот год была напечатана кроссвордная сетка и второе задание конкурса. В обусловленное время редакция получила сотни писем с домашними работами. Судя по откликам, второе задание читателям понравилось больше первого, поскольку давало широкие возможности для поисков. Время на составление кроссворда, как написали многие, потрачено не зря. Во-первых, пришлось доходить до самой сути занимательной игры, во-вторых, принцип познавательности, принятый «Сменой», помог узнать много нового, столкнуться с любопытными фактами.

Все это, разумеется, хорошо. Но, изучая домашние работы, во многих из них жюри обнаружило те или иные отступления от правил, напечатанных в № 4, хотя устроители конкурса просили внимательно их изучить. К сожалению, далеко не все вняли этому. Вот наиболее типичные нарушения правил: неверное оформление работы, хотя было четко показано, как это надо делать; не ко всем словам даны ссылки на источники толкования; загаданы однокоренные слова; в определениях встречаются загаданные слова либо однокоренные с ними; загаданы аббревиатуры, поселки и села, слова в уменьшительной форме; пересечены «е» и «е», хотя это разные буквы; некоторые включили в кроссворд практически одни имена собственные... Многие из этих ошибок — результат простой невнимательности. И жюри пришлось исключать из конкурса работы, авторы которых набрали 800, 900, а то и более тысячи очков.

Победительница конкурса А. Денисова из Курска набрала 1400 очков. Возможно ли это? Судите сами по раскладке только одного слова из ее кроссворда (раскладка всех заняла бы много журнальных страниц). «Дискобол» — ди (китайская флейта), Дис (английский мореплаватель), диск, Диско (остров возле Гренландии), и (народность в Южном Китае), ско (этническая семья папуасов), Ис (река бассейна Туры), иск, Ко (французский инженер), коб (мера объема в Лаосе), Кобо (японский писатель), кобол (машинный язык), Бо (французский инженер), Бол (город на югославском острове Брач), о (вьетнамская единица площади), об (восточное название воды, реки по словарю Э. Мурзаева), обо (каменная пирамида на вершине горы), обол (древнегреческая монета), Ол (злой гений в мифологии татов).

Тщательно изучив все работы, жюри назвало победителей. Пятеро участников набрали не менее 640 очков: А. Арутюнян из Еревана, Н. Виноградова из Ярославля, А. Денисова из Курска, Р. Козлова из Мурманска, М. Старобинец из г. Горького (его кроссворд, потянувший на тысячу очков, мы публикуем). Этим читателям редакция предоставляет право напечатать вне очереди по одному обычному кроссворду, составленному по «сменовским» правилам и с интересными определениями загаданных слов. Еще пятеро победителей набрали не менее 550 очков: В. Дулецкий из Невинномыска Ставропольского края, С. Журиба из села Подгорное Львовской области, Н. Киселева из Чернигова, В. Коляда из пос. Токовский Днепропетровской области, О. Кошкер из г. Тореза Донецкой области. Все названные товарищи награждены книгами и почетными дипломами «Смены». Редакция вышлет также дипломы в адрес Д. Алиева из Баку, И. Белоусовой из Миасса Челябинской области, Н. Глуховой из Пензы, В. Жамсуева из Магадана, В. Киреева из Саранска, Л. Кудряшова из Конотопа Сумской области, В. Лагаева из г. Каспийский Калмыцкой АССР, В. Песчанского из Днепропетровска, В. Чебоксарова из Черкесска Ставропольского края, В. Чернова из Куйбышева.

Редакция сердечно поздравляет победителей и благодарит всех участников конкурса. До новых встреч в будущем году!

вершеннолетия. Дело в том, что возраст наступления экономической самостоятельности молодежи сильно поднялся и продолжает увеличиваться. В нормальных семьях родители теперь содержат детей очень долго, нередко сильно помогают даже тогда, когда у детей появляются уже собственные дети. В самом начале самостоятельной жизни, на ее «старте» материальное положение разных групп молодежи чрезмерно различается. Одним родители приобретают квартиру, дачу и автомобиль, другим не могут дать ничего. Этим последним часто долго приходится мыкаться по общежитиям и углам. Сбережение части алиментов, которые, судя по письмам северян и моряков, их бывшие жены тратят полностью, часто, по их словам, «на модные тряпки и курорты», сильно помогло бы повзрослевшим детям в начале их самостоятельной жизни. Убежден, что для выравнивания положения «на старте» государству следовало бы ввести для молодежи возвратные ссуды (именно государству, а не предприятиям).

Как видит читатель, вопросы, поднятые в письме А. Александрова, имеют очень дальние последствия и связаны не только с важнейшей для человека любовно-брачно-семейной сферой жизни, но и с экономической, и социальной жизнью в целом. Огромная почта журналов, связанная с письмом Александрова, показывает, что положение в этой сфере неблагоприятно. Хотя я никак не могу согласиться с мнением значительной части наших читателей, утверждающих, что семья разваливается, мораль исчезает, что приходят прямо-таки «последние времена». Семья переживает кризис, связанный с переходом к новому ее типу. Отмирает патриархальная семья, возникает и укрепляется семья новая, современная, «биархатная», то есть такая, в которой супруги социально равны. Переход этот болезнен. Почта «Смены» показывает, что многие стоят пока на патриархальных позициях. Именно таким людям чаще всего кажется, что «закон на стороне женщин», что «мужчины бесправны», что «бабы обнаглели», что «закон защищает разврат» и т. д. и т. п. Все это неверно. Идут закономерные социальные изменения, но на бурном потоке всегда бывает пена. К сожалению, многие наши читатели делают слишком широкие выводы из частных, хорошо известных им фактов, слишком далеко и смело экстраполируют, плохо представляя общую ситуацию и ее развитие. Это, разумеется, не их вина. Слишком скудна информация о том, что происходит у нас с семьей, как развивается вся любовно-брачно-семейно-брачная сфера нашей жизни. Да и научных знаний об этом крайне недостаточно. В новых условиях гласности и ускорения все это нужно исправлять. Несомненно, однако, что движение от равноправия полов к их фактическому социальному равенству неизбежно, что мы идем к победе и полному преобладанию новой современной биархатной семьи, что этому движению нужно помогать, что необходима психологическая перестройка сторонников патриархальной семьи и изживание связанных с нею обычаев, привычек, пережитков... Хотелось бы думать, что обсуждение письма Александрова способствует этому прогрессивному движению.

ОТ РЕДАКЦИИ. Хорошо понимаем, что многие авторы писем в редакцию и те, кто еще не писал нам, будут очень недовольны позицией автора этого обзора. Но что делать! Объективная ситуация такова, что разные люди совершенно различно, вплоть до прямой противоположности, оценивают одни и те же факты и процессы. Это совершенно неизбежно и нормально. Всем нам нужно учиться демократии, уважению чужих взглядов и позиций, уменью спорить, отстаивая свои позиции, при этом не оскорбляя тех, кто стоит на иных. Счастья вам в личной жизни, дорогой читатель!

Дзержинский походил по камере, вернулся к столу, вмонтированному в стену каземата, и дописал: «Следует рассмотреть в высшей мере интересные тезисы; русская революция понудила буржуазию запада резко изменить свою внутреннюю и внешнюю политику; сделано это было стремительно, безо всякой обломовщины; капитал вышвырнул из правительства всех тех, кто представлял абсолютистскую тенденцию девятнадцатого века; произошла смена декораций; в Париже к власти пришел «ниспровергатель и республиканец» Клемансо; в Лондоне в кабинет рвутся «либералы» Ллойд-Джордж и Черчилль, сменившие старцев, не умевших осмыслить смысл изменений, происходящих в мире, ускорение которым придала наша революция; в Риме вместо дряхлых мумий появился мобильный Джолитти, тоже «республиканец и либерал»... Процесс противостояния русской революции приобретает характер международного, общеевропейский... Горько то, что запад воспользовался результатами нашей борьбы, ускорил прогресс, а Россия по-прежнему прозябает в спящем бездействии...»

— Хорошо работаете? — услышал Дзержинский голос за спиной; не двигаясь, поднял глаза; сквозь доски, которыми было забрано окно каземата, светились звезды; ночь; голос узнал сразу — полковник Вонсяцкий.

— Да, благодарю, — ответил, не поднимаясь.

— Я бы хотел посмотреть, что вы пишете, Дзержинский.

— Письмо.

— Вот я и намерен его прочитать. Дайте-ка мне... — Возьмите. Если это не противоречит правилам.

— В тюрьме нет правил, Дзержинский. В тюрьме существует распорядок. Распорядок, два-порядок, три-порядок...

Вонсяцкий обошел Дзержинского, легко взял со стола листочки, прочитал, вздохнул:

— Письмо... Любимой? Детям? То-ва-ри-щам?

— Потомству.

— У вас его не будет.

— Ну уж! Это у вас нет потомства, полковник. У меня будет всевременно...

— Да? Господи, как мне жаль вас, политиков... Какой-то массовый психоз, ей-ей...

Он достал из кармана спички; чиркнул, поджег листочки реферата, дождался, пока лижущее пламя охватило их со всех сторон, наслаждаясь болью, дал облизать огню пальцы, медленно разжал их; пепел, словно черный снег, пал на каменный пол.

— Я скажу, чтоб вам подослали бумаги, Дзержинский. Пишите. А я буду приходить и жечь. У меня с детства нездоровая тяга к огню.

Дзержинский вдруг засмеялся; Вонсяцкий смотрел на него с несколько испуганным недоумением:

— Что с вами?

Дзержинский, продолжая смеяться, стянул с себя бушлат, штаны, сбросил деревянные колодки и, как шаловливый ребенок, прыгнул на тонкий матрац.

— Вы что? — повторил Вонсяцкий. — Что с вами?

Продолжая смеяться, Дзержинский отвернулся к стене и сунул ладони, сложенные щепотью, как на молитве, под щеку; скула сделалась красной; в бронхах клочкотал кашель; если засмеешься, он удерживается, как ни странно; не надо, чтобы этот полковник видел, как я кашляю, а пуще того сплевываю ярко-красную кровь; это вправду видеть друзья, но не враги; нельзя радовать врагов, их надо пугать...

...Назавтра получил весточку с воли: товарищи расказывали о том, как идет работа по шалуну¹; импульс, приданный делу Феликсом Эдмундовичем, каждый день приносил новые результаты...

«ПУСТЬ УЙДЕТ, ТОЛЬКО Б МОЛЧАЛ!»

После револьверного дела Азеф снова уехал в Европу: «Все, Александр Васильевич! Больше нет сил, выдохся, могу сорваться... Бурцев снова начал есть поедом, надобно сыграть перед ЦК обиду — «ухожу из террора, хватит, вы меня не в состоянии защитить, ставьте акты сами».

Герасимов устроил прощальный ужин, сказал, что оклад содержания в тысячу рублей золотом будет поступать на счет Евгения Филипповича, как и прежде, тщательно разобрал меру угрозы со стороны Бурцева: «сплетни, у него реального ничего нет; пусти-те через самых близких слухок, что, мол, Владимир Львович сам состоит на службе в охране; шельмуя подвизников, хочет опозорить целую эпоху русского революционного движения социалистов-революционеров и его авангард — террористов»; интересовался, чем намерен заняться Азеф в Европе.

Продолжение. Начало в №№ 20—22.

К концу ужина Азеф несколько успокоился, смог опьянеть, пустился в воспоминания; заметив в глазах Герасимова жадный, тянущийся интерес, сразу же закрылся; встав, откланялся; трижды облобызались; жаль; действительно, коронный агент, второго такого не будет.

То, что и после Ревеля вновь обошли званием, Герасимова ударило больно; слег с сердечным приступом, левая рука словно онемела; закрывшись на конспиративной квартире, тяжело думал про то, чему он не дал осуществиться на одном из кораблей во время встречи императоров; пора иллюзий кончилась, полковник; Глазова поздравил с «Владимиром»; сначала, впрочем, тоже не хотело давать.

Видеть никого не хотел; впервые ощутил высокую прелесть одиночества; утром приходил «Проход Васильевич»², начавший служить филером еще тридцать лет назад; подавал завтрак в постелю; отправлялся на базар, приносил продукты, напевая что-то протяжное, горестное; готовил обед; сухонький, маленький, с лучистыми глазами, а ведь табуретку из-под ног Софьи Перовой выбивал!

Врачи советовали Герасимову не ужинать — стакан какао или молока с медом; так что после обеда был один, никто не мешал оставаться наедине с собою самим; именно во время болезни до конца убедился: ничего путного в империи не будет, развалится по кускам; царь боится новых людей, тасует привычную ему колоду; — важно, чтоб были из хороших семей древнего рода, а есть голова или нет — не имеет значения; не уставал дивиться тому, что Двор все более интересуется действительностью тех, кто мог бы стать спасителем монархии. — Милуковым, Родичевым, Шингаревым, словом, ведущими кадетами; поступали запросы на компрометирующие материалы про Гучкова, а ведь друг Столыпина, председатель Государственной думы. Не могли, видно, простить, что открыто говорил о необходимости передачи исполнительной власти промышленникам, вроде Путилова, понимающим, как ставить дело; в двадцатом веке именно дело является неким цементом империи, свяжет всех воедино. Читая данные наблюдения за Милуковым и запись его бесед, сделанные агентурой, внедренной к кадетам (к ним-то нетрудно внедриться, никакой конспирации, да и что конспирировать, когда душой и телом за государя, хотят только соблюдение декорума, основ парламентаризма, идеал — Анг-

Юлиан СЕМЕНОВ

ЩЕЛЧИМЫЯ

лия, конституционная монархия, покровительство банкирам, промышленникам; ворочайте, милые, поднимайте державу, мы вам в помощь, а не в помеху), поражаюсь полнейшему совпадению своих мыслей с тем, что говорил Павел Николаевич: «Если государь устранил мертвый панцирь бездейственной бюрократии, если позволит монаршим декретом сформировать правительство, состоящее из молодых, мобильных предпринимателей, имеющих широкое европейское образование и опыт работы с западными фирмами — великий Петр не зря своих оболтусов отправлял в аглические земли, — тогда не кнут будет объединять Россию, но интерес! Правые в Думе не ведают, что творят, провоцируют сепаратистские тенденции своими воплями о превосходстве русского гения над всеми другими народами империи, относятся сюда не только поляков, евреев, финнов, закавказцев и Туркестан, но даже и Украину; действие неминуемо родит противодействие, неужели их нельзя осадить?!»

Поднявшись, на службу Герасимов не вышел; уехал в Кисловодск, там прожил полтора месяца на даче у приятеля, биржевого маклера Тасищенки, Андрея Кузьмича; твердо сказал себе, что справедливости ждать не приходится; надежда только на собственную умелость; играл теперь на бирже постоянно; деньги хранил в сейфе, в банк не передавал, — в империи все подконтрольно, захотят опорочить — в два мига

устроят. Покупал ценные бумаги, золото, камушки; что бы ни случилось — положил в бархатный мешочек, и пропади ты пропадом, золотое шитье на генеральских погонах!

Вернулся в Петербург посвежевшим, уверенным в правоте избранного курса; надо сделать все, чтобы как можно дольше держаться в кресле шефа охраны, ибо информация есть залог успеха на бирже; отправился в ювелирный магазин на Невском, и, чуть изменив внешность, как обычно в таких случаях, прихрамывая, купил роскошный перстень с бриллиантом бурского производства; пять каратов, десять тысяч рублей золотом, вложение; на конспиративную квартиру вернулся радостный, сам себе заварил чай; удивился неожиданному звонку в дверь; страх пришел через мгновение, когда было отправлено отворять замок; на цыпочках вернулся в кабинет, достал из стола револьвер, только потом осведомился, чуть изменив голос, кто пришел; поразился, услышав Азефа.

Войдя в темную переднюю, Азеф тяжело обвалился на стул — лицо ужасное, синяки под глазами, нездоровая желтизна на висках, испарина, словно был в жару.

Герасимов рассыпал слова приветствия; действительно обрадовался; замолчал, увидав, что Азеф плачет; поначалу-то подумал, что это капли дождя у него на щеках.

— Господи, Евгений Филиппович, что случилось?

— Я провален, — прошептал Азеф. — Меня выдал Лопухин...

— Да господь с вами, не может этого быть! Он же интеллигентный человек! Высший чиновник был в империи, действительный статский, нет, нет, не верю! Ну-ка, раздевайтесь, пошли к столу, что ж вы здесь-то?!

Азеф тяжело поднялся, неловко стащил с себя легкое желтое пальто ангорской шерсти, бросил его на подзеркальник и, шаркая ногами, словно старик, пошел в залу.

Еле дойдя до кресла, Азеф снова рухнул; кресло закричало, и Герасимов испугался, как бы оно не развалилось под слоновью тяжестью друга.

— Во время третьего суда над Бурцевым, — всхлипнул Азеф, — все его нападки отбили поначалу... А потом он сказал, что у него была встреча с Лопухиным... И тот дал показания, что я... Что я... Вы понимаете?! Меня теперь убьют! Зарежут или при-

стрелят! Понимаете или нет?! — спросил он жалобно, словно маленький ребенок. — А у меня жена, Любочка! Дети... Вы понимаете, что сделал ваш Лопухин?! Я же на него работа-а-ал, — чуть не завыл Азеф, стараясь сдержать рыдание. — Он про меня все знает...

— Ничего он про вас не знает! И перестаньте плакать! Взрослый мужчина, как не совестно! Не верю я вам. Не верю, и все тут! Он не мог, понимаете? Он же давал государю присягу на верность.

Азеф ответил, всхлипывая:

— А Меньшиков не давал?! Бакай не давал?! Оба давали! А потом назвали мое имя Бурцеву... Ну, ладно, их Чернов с Савиновым отвели — пешки! А тут Лопухин! Он же мог знать, что я вам Савинкова под петлю отдал... А этот лишен жалости, он мне горло будет бритвой перерезать и в глаза заглядывать, чтоб насладиться моим ужасом...

— Погодите вы, — раздражаясь, сказал Герасимов. — Лопухина из-за вас погнали с должности! Из-за того, что вы великого князя Сергея на воздух подняли... Стойте на своем: «Месть!» Лопухин вам мстит за то, что вы оказались невольным виновником его позорной отставки! И за Плева он вам мстит! Вы же ставили акты? Вы или нет?

Азеф на какое-то мгновение перестал плакать, втянул голову в плечи, лихорадочно раздумывая, что ответить Герасимову; признание такого рода могло грозить петлей. Хотя какая разница, где повесят — в собственной парижской квартире или на Лисьем Носу?!

² «Проход Васильевич» — одно из конспиративных имен агента охраны «Николая — Золотые очки», умер в Берлине в 1949 году. (Прим. автора.)

МОСТЬ

Герасимов сразу же понял, отчего тот на мгновение замолк, — ясное дело, с Лопухиным играл двойную роль; только мне служил верой и правдой, ни разу не подвел; в конце концов генерала Мина я ему отдал, без слов, конечно, но разве нужны слова единомышленникам, когда глаза есть?

— Самое ужасное, — проговорил наконец Азеф, по-прежнему всхлипывая, — что они меня настигли, когда я покончил с этой страшной двойной жизнью, думал, вздохну спокойно, научусь засыпать без стакана ликера...

— Знаете что, Евгений Филиппович, одевайтесь-ка, милый друг, и поезжайте домой к Лопухину. Адрес я вам дам. Я не верю Бурцеву. У меня такое в голове не укладывается. Ну, жалься на правительство, брани Столыпина — теперь это своим не очень-то возбраняется, но чтоб отдавать революционерам коронного агента?! Нет и нет, не верю!

— Я боюсь, — прошептал Азеф. — Я боюсь к нему идти, Александр Васильевич... Я всего теперь боюсь, я раздавлен и сломан! Я погиб.

— Встаньте. Встаньте, Евгений Филиппович. Мне стыдно за вас. — Герасимов отошел к сейфу, достал несколько паспортов — немецкий, голландский, норвежский. — Берите все три. Абсолютно надежны. Дам еще три русских. В деньгах вы не нуждаетесь. В крайнем случае исчезнете... Это бедному трудно исчезнуть, а с деньгами — плевое дело.

...Дверь Лопухин открыл самолично; по случаю субботы горничную отпустили к тетке, что жила на остро-

вах; увидав Азефа, не сразу его узнал; потом, взглядевшись в отечное, желтое, залитое слезами лицо провокатора, сделал шаг назад и демонстративно прикрыл рукой ту дверь, что вела в квартиру.

— Что вам? — спросил брезгливо.
— Алексей Александрович, мне совершенно необходимо с вами объясниться, — всхлипнул Азеф. — Найдите для меня хотя бы полчаса.

— Нет. Я занят, — отрезал Лопухин. — Если что-либо срочное, извольте отправить письмо, я отвечу, если сочту возможным.

— Я не могу уйти, не объяснившись... Речь идет о моей жизни... Вы действительно встречались с Бурцевым?

Пьянея от неведомой ему ранее радости — ощущать себя самим собою, Лопухин ответил:

— Да. Я с ним встречался.
— И вы открыли ему все?
— Да. Это был мой долг. Понятный долг честного человека.

Азеф на какое-то мгновение стал прежним Азефом; тяжело засопел, плакать перестал, расправил плечи:

— А каким вы были человеком, когда торопили меня, чтоб я вам Чернова отдал с Савинковым? Чтоб петлю на их шеи поскорей накинуть? Честным человеком?!

— Вон отсюда, — сказал Лопухин, кивнув на входную дверь, которую Азеф не догадался захлопнуть. — Вон!

— Да как вы...
— Вон, — повторил Лопухин и начал закрывать

дверь, подталкивая ею плечо Азефа; тот обмяк, оттого что до ужаса четко увидел проститутку Розу, которую он, облепившись, так же брезгливо выставлял из квартиры — в студенческие еще годы.

К Герасимову возвращался под дождем, пешком, не проверяясь, забыв про постоянно грозившую ему опасность. Войдя в квартиру полковника, снова рухнул в кресло, которое затрещало еще круче и обреченнее; закрыл глаза, потер веки; в черно-зеленых кругах, как в каком-то ужасе, возникло лицо Каляева; я убил его, услышал он свой голос; и Фрумкин убил, и Попову, и Зильберберга, а он меня называл «дядя Ванечка»; ох, только б не думать об этом; не я их — так они б меня убили. Жизнь — это борьба. Нечего слюни распускать. Ты ни в чем не виноват — уняли бы безумного Бурцева, и ты бы убил царя, как пить дать, Герасимов этого же хочет, дураку видно...

— Ну как? — спросил Герасимов. — Объяснились? Азеф потер лицо мясистой, громадной ладонью и грубо ответил:

— «Объяснились»? Да он меня взашей прогнал. Зря я вас послушался. Теперь мне спасения нет. Он им скажет, что я был у него, а ведь я сюда из Берлина нелегально уехал, ЦК убежден, что я сейчас работаю в Берлине, проверить — раз плюнуть...

Герасимов положил руку на оплывшее, по-бабьи жирное плечо Азефа и сказал:

— Я поеду к нему сам. Обещаю: договоримся миром.

— Нет. Не договоритесь. — Азеф покачал головой. — Напрасно все это. Ни к чему. Только дерьма нахлебаетесь.

— Мы с ним друзья, Евгений Филиппович. Сослуживцы как-никак.

— Вы «сослуживцы». — Азеф сухо усмехнулся. — А я «подметка». Что со мной говорить? Отслужил свое — и в мусор, вон из дома...

— Я не узнаю вас, Евгений Филиппович. С таким настроением вам нельзя возвращаться в Париж. Вам предстоит состязание, и вы обязаны его выиграть. И вы его — с вашим-то опытом, с волей вашей — выиграете. Я в вас верю. Обещаю вам локализовать Лопухина. Слово чести.

...Назавтра, в ранние петербургские сумерки, когда шквальный ветер, налетавший с залива, рвал полы пальто и нес по улицам мокрый снег с дождем, Герасимов вылез из экипажа на Васильевском острове, рядом с особняком графини Паниной, где жил Лопухин, и поднялся по широкой лестнице, устланной красным ковром, на третий этаж.

Лопухин и на этот раз дверь открыл сам, горничная еще не воротилась; кухарка готовила ужин, громыхая кастрюлями; звонка не слышала; Герасимов поначалу не узнал — тот сильно похудел на водах, пальто висело на нем, лицо осунулось, поздоровело; признав, искренне обрадовался:

— Ах, как это мило, что вы заглянули, Александр Васильевич, вот уж не ждал! Не с посланием ли от Петра Аркадьевича?

До сих пор Лопухин затаенно верил, что Столыпин вот-вот пригласит его вернуться; как правило, все уволенные с больших должностей уповают на чудо, совершенно лишаются логики, живут грезами — вот что значит отойти от дела, упустив из рук власть!

— Думаю, он заканчивает его обдумывание, — улыбнулся Герасимов. — Живем в непростое время, огляд нужен, разминка...

— Раздевайтесь, Александр Васильевич, милости прошу к столу. Чайку? Или спросить кофе?

— Молока, если разрешите. Держу диету. Молоко очень помогает похуданию, должен заметить...

— Ах, света сует и всяческая суета, — вздохнул Лопухин, вешая пальто Герасимова на олени рога. — Все под богом ходим, сколько кому суждено, столько и проскрипит; тощий не станет толстым, склонный к полноте не похудеет...

Крикнув в темный, длинный коридор, который вел на кухню, чтоб сделали английский чай и подали стакан молока, Лопухин провел Герасимова в кабинет, сплошь завешанный фотографиями, маленькими миниатюрками, акварелью, карандашными рисунками, и усадил его в старинное кожаное кресло, стоявшее возле камина.

— Ну, так с чем пожаловали? Я, признаться, поначалу решил, что вы от премьеры... Раньше-то он был для меня «Петя»... Как же власть воздвигает границы между людьми! Мне передавали, что он несколько раз осведомлялся обо мне, потому и решил, что вы, столь близкий к нему человек, пожаловали с приятными известиями...

— Я по частному делу, Алексей Александрович, — ответил Герасимов, кляня себя потом за то, что не оставил Лопухину хоть гран надежды, весь разговор мог бы принять иной оборот, спас бы Азефа.

— Ну что ж, — ответил Лопухин с нескрываемым разочарованием, — к вашим услугам...

Кухарка принесла чай и молоко, поставила стаканы на низкий столик, выложенный уральскими самоцветами, и, пожелав гостю приятно откусать свежего молочка, выплыла из кабинета.

— Я по поводу Азефа, — сказал наконец Герасимов, ощущая какое-то тягостное неудобство.

Лопухин не донес чашку до рта, досадливо вернул ее на блюдце:

— Вот уж напрасно вы об этом мерзавце печетесь!

— Но этот, как вы изволили выразиться, мерзавец довольно долго работал с вами, — достаточно резко возразил Герасимов.

— Он со мною не работал. Он предавал своих друзей департаменту и за это брал деньги. Он расплачивался за свое богатство головами людей, которые ему верили... Я никогда не забуду, как он выдал мне своего ближайшего друга Хаима Левита: «Тот готовит акт, очень опасен, ему не место на земле». Левита взяли и привезли в департамент. Я специально пошел на допрос; худенький такой, шейка тоненькая, глаза горят, бросил химический факультет университета во имя революции, а был, судя по оставшимся публикациям, талантлив, профессора в нем души не чаяла... Как сейчас его помню, знаете ли... Я спросил: «Кто вас мог предать, Левит?» А он ответил с презрением: «Среди революционеров предателей нет!» — «Ну, а как же вы тут очутились? Кто из ваших знал, где находится динамитная мастерская? Мы же вас с полицным взяли, Левит. А это значит, что вы подпадаете под юрисдикцию военного суда. И приговор будет однозначным — казнь. Вы это понимаете?» — «Прекрасным образом понимаю». — «Кто приходил к вам в мастерскую семь дней назад? Жирный, высокий, со спяньным ртом?» Тут бы ему и дрогнуть, я ж ему спасательный круг бросил! Назови руководителя — ему петля, тебе каторга, а там, глядишь, за молодостью лет и помилют... Так ведь нет, перекосился, будто от удара, и ответил: «На все дальнейшие вопросы провокационного характера отвечать отказываюсь...» И ни слова больше не проронил...

Повесили несчастного юношу, а вы, изволите ли видеть, пришли хлопотать за пособника палачей...

— Нас с вами называли палачами, — заметил Герасимов. — Кровавыми царскими палачами... Ну, да бог с ним, перенесем и такое... А вот жизнь-то вам Азеф спас, Алексей Александрович. Ведь на вас был акт запланирован. Но он не дал его совершить.

— Полагаете, из благородных соображений? — осведомился Лопухин. — Рыцарь? Да он сам этот акт против меня ставил, чтобы выклянчить себе больший оклад содержания!

— За риск положено платить...

— Он работал без риска! Повторяю: он расплачивался головами своих друзей.

— Его друзья были нашими врагами, Алексей Александрович... И продолжайте ими быть поныне...

— Моими? — усмешливо переспросил Лопухин. — Нет, теперь они не являются моими врагами. Ваши? Да, бесспорно. Когда вас вышвырнут с государственной службы, а это может произойти в любую минуту, они перестанут считать вас своим врагом. Вы думаете, что Азеф не имел никакого отношения к убийству великого князя Сергея? Он поставил этот акт, он! У меня брал деньги, чтобы спасти несчастного, отдал полиции почти всех боевиков, но трех, самых отважных, приберег, «мол, я о них ничего не знал, ваши филеры проглядели, не тем маршрутом великого князя повезли!» Ложь все это! Ничего мои филеры не проглядели! Он двойник! Мерзкий провокатор! Он всегда и всех предавал!

— Алексей Александрович, я что-то не возьму в толк: вы действительно намерены публично подтвердить работу Азефа на тайную полицию?

— Публично я ничего делать не намерен. Но если мне покажут какие-то документы, а они, судя по всему, у Бурцева есть, я роль приписного шута, который тупо повторяет то, что печатают наши официозы, играть не стану...

— Погодите, Алексей Александрович, погодите... Вы намерены открыть революционерам имя вашего сотрудника?

И тут Лопухин ударил:

— Вашего, Александр Васильевич, вашего...

Герасимов поднял глаза, в которых было горестное понимание той обиды, которая постоянно точила сердце Лопухина; если бы я мог открыть ему все про себя, он бы пощадил Азефа; но разве скажешь?

— Алексей Александрович, вы понимаете, что ваши показания — даже доверительные, а отнюдь не публичные — означают вынесение Азефу смертного приговора? А ведь у него жена, двое маленьких детей... Каково им будет, об этом вы подумали?

— Скажите, вы с Бурцевым виделись?

— Я слышу в вашем вопросе интонации допроса, — сухо заметил Лопухин. — Или я ошибаюсь?

— Помилуйте, Алексей Александрович! Как вы могли такое подумать?! Просто я не могу не констатировать, что ваши показания революционерам, в какой бы форме они ни были даны, могут быть квалифицированы как разглашение тайны... Я не могу поверить, что вы, юрист по образованию, представитель одной из самых уважаемых русских дворянских династий, могли пойти на заведомое преступление.

— Преступление? А как же закон о свободе слова, дарованный государем в манифесте? Еще в девятьсот шестом году бывшие полицейские чины Меньшиков и Бакай называли Бурцева имя Азефа как провокатора. Чем я хуже их?!

— Они пешки, Алексей Александрович. Их показания можно дезавуировать, оспаривать и шельмовать. Человек вашего положения шельмованию не поддается. Ваши показания — смертный приговор Азефу.

— «Вашего положения?» — переспросил Лопухин и нервно подкрутил острые кончики аккуратно подстриженных усов «а-ля Ришелье». — А каково мое положение? Я ныне частное лицо. Без пенсии и звания. Я банковский служащий, никак не связанный с департаментом...

— Вы давали присягу государю, Алексей Александрович.

— Именно. И я ей верен. Но я ненавижу тех, кто своим поведением бросает на него кровавую тень! Чем скорее мы избавимся от провокации, тем чище станет в империи воздух.

— Итак, вы не намерены отказаться от своего решения? — сухо осведомился Герасимов.

— Ни в коем случае, — так же сухо ответил Лопухин.

— Но вы отдаёте себе отчет, к каким последствиям для вас это может привести?

— Русский народ меня поймет. Я пекусь о его будущем, а не о своей карьере.

— Я бы хотел, чтобы вы еще и еще раз взвесили все то бремя ответственности, которое решились на себя взять. Не переоцените своих сил. Народ русский оценит ваш поступок так, как мы ему присововетуем. Не обольщайтесь. Нас, таких, как вы и я, сотня тысяч, от силы. Нам бы и жить, ощущая локоть друг друга. Пока-то еще наш народ научится читать, писать и думать! Столетия пройдут, Алексей Александрович, века!

— Не знаю, как вы, а я горжусь моим народом, милостивый государь! — отчеканил Лопухин, резко поднявшись и дав этим понять, что визит полагает оконченным.

Попрощались кивком, руки друг другу не подали...

Выслушав Герасимова, премьер только пожал плечами:

— Полно, Александр Васильевич, будет! Я всегда считал вас трезвенно мыслящим человеком... Несмотря на то, что мои пути с Лопухиным разошлись, я высоко его уважаю... Он никогда не пойдёт на то, чтобы играть на руку бомбистам.

— Петр Аркадьевич, именно потому, что я, как вы изволили заметить, человек, трезвенно мыслящий, уверяю вас: Лопухин поступит именно так, как обещал. Он обижень властью. Обида — категория особого рода, она подвигает людей на самые неожиданные действия, подчас совершенно необъяснимые... А в министерстве иностранных дел мне сообщили, что он днями выезжает в Лондон, по делу своего банка... А в Лондоне сейчас революционный клоповник... И эсеровский филиал там функционирует на Чаринг-кроссе в доме три на втором этаже, дверь налево... Он, Лопухин-то, с чего начал разговор? С того, не вы ли меня к нему послали? Он спит и видит вернуться на службу. Если бы вы нашли возможным отправить ему письмецо накануне отъезда, — мол, по возвращении жду вас для разговора, вот тогда он бы еще подумал, как поступить...

— Ну, знаете ли, — рассердился Столыпин, — я не намерен играть провокаторские игры, Александр Васильевич. Если я пишу такого рода письмо, это значит, я должен с ним встретиться и предложить ему пост, а вам прекрасно известно отношение к несчастному Лопухину в сферах...

— Петр Аркадьевич, если вы не прислушаетесь к моему совету, империя ждет скандал, какого еще не было. Ус всех обольют грязью.

Раздражаясь еще более, Столыпин ответил достаточно резко:

— Российский премьер выше инсинуаций бульварной прессы.

— Азеф может пойти на то, чтобы открыть все, Петр Аркадьевич. Чтобы спасти жизнь, он будет готов выскоблиться. Он знает о нас очень много. У него такие информаторы сидят в Петербурге, что и сказать страшно. Об отмене поездки государя в Ревель по морю он узнал раньше нас с вами. И сказал ему об этом действительный тайный советник, высший сановник империи и сказал оттого, что все ощущают трагическую неустойчивость происходящего!

Столыпин нервно поевлился:

— Левые меня клянут вешателем, союз русского народа обвиняет в либерализме и полустительстве вероям, что ж, пора в отставку, грех великой державе терпеть дрянного премьеры...

— Вы прекрасно понимаете, Петр Аркадьевич, что мыслителя Россия вами гордится... Речь не о вас идет, а об... Резко себя оборвав, Герасимов поднял глаза к потолку. — Поверьте, прежде всего я думаю о вас, когда вам тревогу... Разоблачение Азефа на руку вашим врагам... Без него я не сумею впредь организовать то, что поможет вам хоть как-то влиять на Царское Село.

— Ну, хорошо, хорошо... задумчиво произнес Столыпин. — А что, если бы намекнем Алексею Александровичу иначе? Если во время доклада государю я категорически укажу ему на необходимость санкционировать, наконец, ваше производство в генералы? Неужели Лопухин не поймет, что это обращено и к нему?

Герасимов почувствовал, как ухнуло сердце. Головою он понял, что это, наоборот, вызовет ярость Лопухина, но острое чувство радости за себя понудило его пожать плечами:

— Если вы полагаете, что Алексей Александрович поймет намек такого рода, то мне спорить с этим трудно.

— Вот и договорились...

Азеф пришел на конспиративную квартиру шефа охраны, которую тот содержал на Итальянской улице, поздно: как и давеча, был трезв и подавлен, но не плакал уже.

— Значит, надеяться не на кого, — выслушав Герасимова, заметил он. — Все. Точка. Конец.

— А что, ежели согласится на партийный суд? —

— А он вспоминал про семью, когда покупал себе на департаментские деньги роскошных кокоток?! Он вспоминал про семью тех, кого отправлял на виселицу? Он целовал Фриду Абрамович в лоб, обнимал, как сестру, а накануне сказал нам, где ее брать с полицным, чтоб сразу под петлю. А у Фриды этой мать парализованная, умерла от голода через три месяца после того, как казнили дочь. А Калаяев? «Мой сын, мой сын!» Нет, Александр Васильевич, и не просите!

— Скажите, вы с Бурцевым виделись?

— Я слышу в вашем вопросе интонации допроса, — сухо заметил Лопухин. — Или я ошибаюсь?

— Помилуйте, Алексей Александрович! Как вы могли такое подумать?! Просто я не могу не констатировать, что ваши показания революционерам, в какой бы форме они ни были даны, могут быть квалифицированы как разглашение тайны... Я не могу поверить, что вы, юрист по образованию, представитель одной из самых уважаемых русских дворянских династий, могли пойти на заведомое преступление.

— Преступление? А как же закон о свободе слова, дарованный государем в манифесте? Еще в девятьсот шестом году бывшие полицейские чины Меньшиков и Бакай называли Бурцева имя Азефа как провокатора. Чем я хуже их?!

— Они пешки, Алексей Александрович. Их показания можно дезавуировать, оспаривать и шельмовать. Человек вашего положения шельмованию не поддается. Ваши показания — смертный приговор Азефу.

— «Вашего положения?» — переспросил Лопухин и нервно подкрутил острые кончики аккуратно подстриженных усов «а-ля Ришелье». — А каково мое положение? Я ныне частное лицо. Без пенсии и звания. Я банковский служащий, никак не связанный с департаментом...

— Вы давали присягу государю, Алексей Александрович.

— Именно. И я ей верен. Но я ненавижу тех, кто своим поведением бросает на него кровавую тень! Чем скорее мы избавимся от провокации, тем чище станет в империи воздух.

— Итак, вы не намерены отказаться от своего решения? — сухо осведомился Герасимов.

— Ни в коем случае, — так же сухо ответил Лопухин.

— Но вы отдаёте себе отчет, к каким последствиям для вас это может привести?

— Русский народ меня поймет. Я пекусь о его будущем, а не о своей карьере.

— Я бы хотел, чтобы вы еще и еще раз взвесили все то бремя ответственности, которое решились на себя взять. Не переоцените своих сил. Народ русский оценит ваш поступок так, как мы ему присововетуем. Не обольщайтесь. Нас, таких, как вы и я, сотня тысяч, от силы. Нам бы и жить, ощущая локоть друг друга. Пока-то еще наш народ научится читать, писать и думать! Столетия пройдут, Алексей Александрович, века!

— Не знаю, как вы, а я горжусь моим народом, милостивый государь! — отчеканил Лопухин, резко поднявшись и дав этим понять, что визит полагает оконченным.

Попрощались кивком, руки друг другу не подали...

Выслушав Герасимова, премьер только пожал плечами:

— Полно, Александр Васильевич, будет! Я всегда считал вас трезвенно мыслящим человеком... Несмотря на то, что мои пути с Лопухиным разошлись, я высоко его уважаю... Он никогда не пойдёт на то, чтобы играть на руку бомбистам.

— Петр Аркадьевич, именно потому, что я, как вы изволили заметить, человек, трезвенно мыслящий, уверяю вас: Лопухин поступит именно так, как обещал. Он обижень властью. Обида — категория особого рода, она подвигает людей на самые неожиданные действия, подчас совершенно необъяснимые... А в министерстве иностранных дел мне сообщили, что он днями выезжает в Лондон, по делу своего банка... А в Лондоне сейчас революционный клоповник... И эсеровский филиал там функционирует на Чаринг-кроссе в доме три на втором этаже, дверь налево... Он, Лопухин-то, с чего начал разговор? С того, не вы ли меня к нему послали? Он спит и видит вернуться на службу. Если бы вы нашли возможным отправить ему письмецо накануне отъезда, — мол, по возвращении жду вас для разговора, вот тогда он бы еще подумал, как поступить...

— Ну, знаете ли, — рассердился Столыпин, — я не намерен играть провокаторские игры, Александр Васильевич. Если я пишу такого рода письмо, это значит, я должен с ним встретиться и предложить ему пост, а вам прекрасно известно отношение к несчастному Лопухину в сферах...

— Петр Аркадьевич, если вы не прислушаетесь к моему совету, империя ждет скандал, какого еще не было. Ус всех обольют грязью.

Раздражаясь еще более, Столыпин ответил достаточно резко:

— Российский премьер выше инсинуаций бульварной прессы.

— Азеф может пойти на то, чтобы открыть все, Петр Аркадьевич. Чтобы спасти жизнь, он будет готов выскоблиться. Он знает о нас очень много. У него такие информаторы сидят в Петербурге, что и сказать страшно. Об отмене поездки государя в Ревель по морю он узнал раньше нас с вами. И сказал ему об этом действительный тайный советник, высший сановник империи и сказал оттого, что все ощущают трагическую неустойчивость происходящего!

Столыпин нервно поевлился:

— Левые меня клянут вешателем, союз русского народа обвиняет в либерализме и полустительстве вероям, что ж, пора в отставку, грех великой державе терпеть дрянного премьеры...

— Вы прекрасно понимаете, Петр Аркадьевич, что мыслителя Россия вами гордится... Речь не о вас идет, а об... Резко себя оборвав, Герасимов поднял глаза к потолку. — Поверьте, прежде всего я думаю о вас, когда вам тревогу... Разоблачение Азефа на руку вашим врагам... Без него я не сумею впредь организовать то, что поможет вам хоть как-то влиять на Царское Село.

— Ну, хорошо, хорошо... задумчиво произнес Столыпин. — А что, если бы намекнем Алексею Александровичу иначе? Если во время доклада государю я категорически укажу ему на необходимость санкционировать, наконец, ваше производство в генералы? Неужели Лопухин не поймет, что это обращено и к нему?

Герасимов почувствовал, как ухнуло сердце. Головою он понял, что это, наоборот, вызовет ярость Лопухина, но острое чувство радости за себя понудило его пожать плечами:

— Если вы полагаете, что Алексей Александрович поймет намек такого рода, то мне спорить с этим трудно.

— Вот и договорились...

Азеф пришел на конспиративную квартиру шефа охраны, которую тот содержал на Итальянской улице, поздно: как и давеча, был трезв и подавлен, но не плакал уже.

— Значит, надеяться не на кого, — выслушав Герасимова, заметил он. — Все. Точка. Конец.

— А что, ежели согласится на партийный суд? —

— А что, ежели согласится на партийный суд? —

задумчиво, словно себя самого, спросил Герасимов.— Ваш авторитет не позволит ЦК принять кардинальное решение. Кладите на стол свои карты: «Будь я «подметкой», как бы смог поставить убийство Плеве? Великого князя Сергея Александровича? Генерала Мина? Градоначальника фон дер Лауница? Царская охранка повесит меня, попади я ей в руки! Когда это было, чтоб полиция платила деньги за такие-то казни врагов народа?! Докажите, что я не ставил эти акты! Кто сможет опровергнуть очевидное? Лопухина выгнали со службы, не оставив ему даже оклада содержания! Всех его предшественников жаловали сенаторами, его — нет. В своем страстном желании вернуться в прежнее кресло он вступил вговор с охранкой и начал кампанию против меня, которая на самом деле направлена против партии!» И — пообещайте им представить документы об этой провокации охранки.

— А я их представлю? — спросил Азеф тихо. — Обещаете?

...Лишь когда Азеф уехал, Герасимов понял, что он не сказал главного; я должен был сказать ему, чтобы он предложил цексистам встречу со мной, здесь, в Петербурге; ладно, Чернов бы испугался; Савинков и вовсе в розыскных листах департамента полиции, ходит под петлю; но Бурцев-то может приехать! Вот я бы ему и влил по поводу Лопухина: «Да, состоит со мною на связи, да, изъявил согласие помочь нам в том, чтобы развалить партию бомбистов, которая лишена каких бы то ни было моральных устоев, действует по-разбойничьи, взрывая людей, исполняющих свой служебный долг. Да, Алексей Александрович поступил как патриот империи; на террор эсеров я отвечаю так, как считаю возможным. Попробуйте отвергнуть хоть одно из моих обвинений: первое, члены эсеровского ЦК живут в замкнутом мире, ввели своих жен в члены руководства, связаны круговой порукой. Второе: деньги партии тратят бесконтрольно, снимают себе прекрасные квартиры в Париже и Лондоне, Женеве и Берлине, а рядовые эсеры идут на гибель по их приказам, отданным во имя честолюбивой жадности власти. Третье: прекрасно понимая, что крестьянская община есть рудимент, тормозит развитие нашего общества, мешает рождению миллионов хозяйственных, крепких крестьян, эсеровские вожаки ведут пропаганду и террор именно против того, чтобы дать мужику облегчение и уверенность в завтрашнем дне. Четвертое: сейчас, когда в России покончено с революцией, ЦК необходимо найти козла отпущения, взвалить вину за провал стратегии бомбистов на «полицейского провокатора», каким называют Азефа. Если этот государственный преступник, коего вы называете «провокатором», появится в пределах империи, я арестую его в тот же миг, и петли ему не миновать!»

Однако Азеф не писал, его нового парижского адреса Герасимов не знал; связь прервана.

В Лондон Алексей Александрович Лопухин выехал не один, а в сопровождении трех филеров генерала Герасимова.

За полчаса перед отправлением поезда Лопухин, прочитавший в «правительственном вестнике» указ о присвоении Герасимову генеральского звания, написал личное письмо Столыпину: «Когда мне говорят, что провокатор Азеф поставил акт против губернатора Богдановича оттого, что Плеве спал с его женою, я могу ответить на этот вздор только одним — смехом. Богданович писал своим друзьям совершенно открыто, что его жена «дружит с Василием Константиновичем нежно и доверительно». Богдановичу было выгодно, чтобы елико возможно большее число людей в чиновном Петербурге знали об этой связи, ибо на такого рода ситуации Богданович зарабатывал огромнейшие политические дивиденды! Ему двери во все министерства были открыты! Его губерния цвела, денег он не считал, мужик у него не бунтовал оттого, что он подкармливал его за счет казенных сумм, отпускавшихся по ходатайству мадам Богданович, «нежной подруги Василия Константиновича Плеве». Ежели желаете, могу при этом назвать имя любовницы самого Богдановича, чудно что за женщина, цветочек и молодая, к чему ему было пещься о тридцатипятилетней супружнице?! Да и сам Плеве одновременно с мадам Богданович имел другую связь, с графиней Кочубей, — все ближе, жила в Петербурге, мужа нет, «люби, не хочу!». А уж то, что самого Плеве убили боевики, ни в какие ворота не лезет, чужь собачья, антирусская клевета, желание представить наш народ племенем низких интриганов, алчущих крови...»

Больше у них на Азефа ничего нет, думал между тем Герасимов, листая письмо; по его же, Азефа, просьбе он потратил немало усилий, чтобы выкрасть в департаменте полиции его личный формуляр; с этой просьбой Азеф обратился после того, как Меньшиков переметнулся к Бурцеву; формуляр Герасимов сжег, оставив, впрочем, собственноручное письмо Азефа директору департамента Лопухину с сообщением, что в Россию выехал бомбист Егор Сазонов с целью убить Плеве: «Поставьте за ним наблюдение, весьма опасен».

В письме Лопухина премьеру — весьма сухом, никакого намека на бывшее дружество — бывший шеф полиции жаловался на то, что жандармский чин Герасимов ворвался к нему в квартиру и, страшая карой, требовал воздержаться от общения с известным историком Бурцевым. Лопухин не то чтобы прислал, но скорее

требовал от премьера, чтобы такого рода произвол, допущенный руководителем политической охраны, никогда впредь не повторялся.

И когда поезд с Лопухиным и сопровождавшими его филерами отошел от Петербургского вокзала, Герасимов до конца уверился в том, что Алексей Александрович вознамерился открыть все; служба наблюдения сообщила, что за два часа перед отправлением паровоза он посетил нотариуса Хваленова и сделал несколько копий со своего заявления для прессы, заверенных печатью, разослав их по ряду адресов с указанием «не вскрывать конверт до моей гибели или прямого моего на то указания».

По приезде в Лондон Лопухин разместился в одном из самых дорогих отелей «Канот», отдохнул с дороги полчаса и сразу отправился на прогулку по городу, красота которого не была такой привычной, как Парижа или Рима, но тем не менее по-своему совершенно незабываемой.

Филеры, следовавшие за Лопухиным неотступно, не зафиксировали каких-либо контактов «Француза» (такая кличка была присвоена бывшему директору департамента полиции за его манеру весьма фронтально одеваться); в Британском музее сделал заказ, выписав десяток американских журналов и книг, связанных с валютно-финансовой системой Северо-Американских Соединенных Штатов, вышел на Пиккадилли, внимательно посмотрел афишу театров, взял билет в ложу на спектакль по пьесе Бернарда Шоу, вернулся в отель и больше из него не выходил.

Назавтра с утра пошел в Британский музей, до двух часов работал, в три часа отправился в банк Ллойда, заехав предварительно в отель, чтобы переодеться в темный сюртук, как того требовал протокол...

Лишь на четвертый день филеры зафиксировали приход в отель «Канот» Савинкова; главный бомбист, Чернов и Зензинов прибыли в Лондон, прочитав коротенькое сообщение в «Гардиан» о прибытии вице-директора Петербургского банка для «консультаций» о координации совместных операций на Дальнем Восто-

ке и в Персии» — в свете недавнего англо-русского соглашения в Ревеле.

...Савинков вошел в отель утром; швейцар провел его в холл; камин, кресла вокруг столиков, картины французских художников (алюповатая мазня, сплошная туман, ясное дело, импрессионисты, рисовать не умеют, выдючиваются); осведомился, что будет пить гость, выслушав заказ — херес и миндаль в соли, — сдержанно поклонился, выплыл; Савинков подошел к портье в маршальской фуражке, попросил соединить его с аппаратом «мистера Лопухина»; представился, сказал, что ждет внизу, будет весьма обязан Алексеем Александровичу, если тот уделит пять минут, чтобы договориться о встрече на вечер.

Филер, знавший — с грехом пополам — язык, вошел в отель следом за Савинковым, устроился за соседним столиком.

Лопухин спустился в холл, сразу же узнал Савинкова, впился в его лицо своими пронзительно-черными глазами, заметно поbledнел; Савинков, наоборот, улыбнулся бывшему директору департамента полиции, протянул ему свою девичью ладонь с безжизненно длинными пальцами; рукопожатие его тем не менее было цепким и сухим.

— Алексей Александрович, — сказал он, — за вами поставлена слежка. Этот господин, — Савинков кивнул на филера, — один из трех, кто вас постоянно сопровождает. Впрочем, возможно, это ваша охрана?

Лопухин резко оборотился; филер, замерев, сидел, уткнувшись в газету.

— В ресторан он за нами не пойдет, — усмешливо продолжил Савинков. — Их же в черном теле держат, сплошная подотчетность у страдалцев, так что давайте обговорим наш план за трапезой.

Как только бывший директор департамента полиции и бомбист, приговоренный к повешению, покинули отель, филер пробкой выскочил из холла.

...Когда назавтра завершились официальные переговоры Лопухина, возле банка его поджидал в кибитке Зензинов, в прошлом террорист, ныне член ЦК, отвечавший за финансы и нелегальную транспортировку в Россию партийной литературы.

Он привез Лопухина не на Чаринг-кросс, справедливо полагая, что Петербургу известен адрес явочной квартиры партии, а в район Хайгета, в ресторанчик, который содержал симпатизант партии, выходец из Киева, женившийся на англичанке. На двери висела табличка, уведомлявшая, что ресторан откроется в восемь часов вечера, никого посторонних, таким образом, не было, только секретари ЦК Чернов, Зензинов и Савинков; всех троих Лопухин знал с девятьсот четвертого года, по фотографиям; ничуть не изменились, только разве Чернов несколько осунулся; хотя неудивительно: партию обвиняют в том, что одним из ее руководителей был полицейский провокатор, — это козловое обвинение и самого ЦК: хороша революционная партия, которая допустила в свои ряды агента, ну и атмосфера у революционеров, если они многие годы жили бок о бок с предателем, напрочь отвергая все те обвинения, которые выдвигались против Азефа в течение последних четырех лет.

— Господин Лопухин, — сказал Чернов, подвигая гостю стакан с чаем, — во-первых, мы благодарны вам за то, что вы решились на эту встречу. Во-вторых, мы должны сразу же заявить, что являемся членами революционного суда, который создан по решению ЦК для разбирательства обвинения Азефа в провокации после того, как вы якобы встретились в поезде с Владимиром Бурцевым. И, в-третьих, отдаете ли вы себе отчет в том, что ваши показания могут быть преданы гласности и, таким образом, вы можете подвергнуться гонениям в России?

— С Бурцевым я действительно встречался, — ответил Лопухин, словно бы превозмогая самого себя. — Вы правы, в поезде он подсел в купе около Кельна... Что касается моей судьбы после возвращения на родину, то пусть вас это не обременяет: время обниматься и время уклоняться от объятий моя забота, моя, не ваша. Словом, я готов ответить на вопросы. Приобщите, кстати, к делу мое письмо Столыпину, я его отправил перед выездом.

— Благодарю, — ответил Чернов, сглотнув сухой комочек в горле; было видно, как он волновался, начиная разговор; какой-то момент Савинков даже казалось, что Виктор Михайлович был бы несказанно рад, откажись Лопухин давать развернутые показания, тогда дело Азефа можно прикрыть за недостаточностью доказательств. — Вы можете повторить под присягой, что член ЦК и руководитель Боевой Организации Азеф был вашим агентом?

— Он не был агентом. Если бы он был агентом, я бы не стал открывать вам его имя. Агент есть лицо, освещающее преступную, антиправительственную деятельность запрещенных организаций. Ни одна политическая система не в состоянии обойтись без такого рода институции. Я называю Азефа провокатором, двойником, изменником: вас он предавал тайной полиции, а сановников убивал, чтобы держаться на плаву в вашей среде.

— Вы знали, что Азеф готовил акт против Плеве? Великого князя?

— Да, но он заверял, что это игра.

— Он вам сообщал об этом?

— Да.

— Вы можете представить суду хоть один документ, написанный им собственноручно?

— Когда я прочитал первое разоблачение Бурцева, мне захотелось пересмотреть личный формуляр Азефа в департаменте. Как вы понимаете, у меня остались кое-какие связи. Мне удалось прийти туда ночью; открыл шкаф, где хранились дела «коронной агентуры», Азеф относился к этой категории провокаторов. Однако, к вящему удивлению, его дело исчезло, никаких следов. Во всяком случае, я твердо помню, что получил от него письмо из Германии: «В Россию едет Егор Сазонов для постановки акта, установите за ним самое пристальное наблюдение».

— За Егором действительно смотрели с первой минуты, как он оказался в России, — заметил Савинков, обернувшись к Чернову.

— Почему Сазонов не был арестован? — спросил Зензинов. — Если вы получили сообщение, что едет опасный бомбист, отчего департамент, поставив за ним слежку, не арестовал его? Вы знали, что он едет в Россию не в крокет играть, а, жертвуя жизнью, взрывать бомбу, приводя в исполнение приговор над одним из высших сановников царского правительства. Как же вы оставляли бомбиста на свободе?

— Мы имели заверения от Азефа, что акт не будет приведен в исполнение. Можно было арестовать одного человека, но мы бы упустили сеть. Вы ведь никогда не действовали в одиночку.

— Вы знали от Азефа про всех участников акта?

— Это вы Азефа спросите. Он отдавал департаменту обычно три-четыре имени, остальных предлагал искать самой полиции.

— Скажите, — спросил Савинков, — а Слетова он вам тоже отдал?

— Кого? — Лопухин наморщил высокий лоб, тронув холемым безымянным пальцем чуть вдавленный ви-

сок. — Слетова? Боюсь ввести вас в заблуждение. Кого-то я приказал задержать на границе, потому что Азеф сообщил, что едет курьер с грузом динамита.

— Это Слетов, — тихо заметил Чернов. — Брат моей жены. Азеф называл его «Лелюшок». Вам известно, что его забили почти до смерти во время допросов?

— Если бы мне доложили это, я бы предал ответственных лиц суду.

— Как вы объясните то, что Азеф, являясь, по вашим словам, провокатором, продолжал получать оклад содержания в департаменте даже после того, как поставил акт против члена царствующей династии Сергея и министра внутренних дел Плеве? — спросил Зензинов.

— Он дал сведения, и эти сведения были правильными. Он выдал нам имена бомбистов, их маршруты. Если бы великий князь Сергей и его охрана, не подчинявшаяся департаменту, выполняли все наши указания, трагедии бы не случилось.

— Случилась бы, — ответил Савинков. — Азеф лично расставил участников акта по точкам, все варианты были предусмотрены.

— Что ж, этими словами вы лишней раз подтверждаете, что он был провокатором, агентом-двойником, — спокойно возразил Лопухин. — Я знал имена большинства боевиков, Азеф писал из-за границы, кто из вас отправляется в Россию, приметы, манеру говорить, одеваться, вести себя в обществе. Только несовершенство нашей секретной службы, полнейший бордель, царящий в империи, хаос, неразбериха, трусость и боязнь принимать самостоятельные решения привели к трагедиям. Если бы такой информацией обладала здешняя полиция, все бомбисты были бы схвачены задолго.

— Сколько вы платили Азефу? — спросил Чернов. — Постоянно оклада мы ему не платили. Он получал деньги в зависимости от эффективности работы; порою требовал две тысячи, иногда заведующий заграничной агентурой Ратаев отправлял ему пятьсот, семьсот, семьсот пятьдесят рублей... В среднем он получал что-то около тысячи в месяц...

— А кто выдал Савинкова в Севастополе? — спросил Зензинов.

— Он же, Азеф... Я тогда уже был уволен из департамента, перевели эстляндским губернатором, но до меня дошло, что Савинкова отдал Филипповский.

Чернов и Зензинов переглянулись; Савинков, хрустнув пальцами, опустил тяжелый подбородок на впающую грудь, поджал губы, закурил, сказал, что хочет выпить.

Зензинов ушел на кухню и вернулся с бутылкой виски и кувшином холодной воды. Савинков налил полстакана виски, медленно выцедил, к воде не притронулся и, не поднимая головы, глянул на Лопухина:

— Бога ради извините... Азеф для меня ближе брата... Был ближе брата...

По возвращении в Петербург Лопухина арестовали; предъявили ордер судебной палаты — обвинение в разглашении служебной тайны; основание: сообщение парижской прессы о том, что ЦК эсеров назначило суд над Азефом, обвиняя его в провокации; главным свидетелем обвинения назван именно он, Лопухин.

Азеф теперь не выходил из дома; любимую свою, толстую немочку, отправил из Парижа в Берлин; с тоской смотрел из окна на бульвар, на голые стволы платанов, на женщин, что несли в сумках длинные батоны, на бистро напротив его подъезда, куда то и дело заходили веселые люди, о чем-то переговариваясь, раскованные, быстрые в движениях, ловкие...

Когда девочка, в которую он был влюблен, назвала его «бегемотом» и рассмеялась ему в лицо в ответ на робкое предложение гимназиста сходить в السينما, он впервые сказал себе: «Я стану таким человеком, которому не будет мешать внешность. А таким человеком является тот, кто обладает властью и деньгами». Неужели судьба определяется уже в детстве, подумал Азеф с горечью; неужели человек с младенчества несет в себе мистическую предопределенность всей жизни?!

Колокольчатый звонок в прихожей раздался вечером, когда стемнело уже; он ждал этого звонка, готовил себя к нему, но сейчас, дождавшись, ощутил, как ослабли ноги; поднялся с трудом; хрипло сказал жене:

— Открой. Это они.

Люба побледнела до голубизны; пошла к двери, откинув голову так, словно у нее раскалывался затылок.

На пороге стояли Чернов и Савинков; чуть позади них горбился «Гриша», боевик, фамилию его Азеф не помнил, принимал в Организацию не он, а Савинков...

— Иван, — входя в квартиру первым, сказал Савинков, — мы к тебе по делу. По твоему делу. На несколько минут. Ты готов к разговору?

Азеф смог улыбнуться:

— Что-то от вас стужей веет, товарищи. Садитесь, сейчас Любочка приготовит чаю. Или, может, голодны?

— Мы не станем пить чай, — ответил Чернов, покашливая нервно. — Мы знаем, что ты недавно вернулся из Петербурга, где просил Лопухина не говорить нам про твою работу в полиции.

— Что?! Ты что говоришь, Виктор?! — Азеф обернулся к Савинкову. — Боря, как можно?! Вы в своем уме?! — Он хотел задать этот вопрос своим обычным,

снисходительно-начальственным тоном, но не получилось, в голосе чувствовалась какая-то жалостливая растерянность. Именно эта интонация позволила Савинкову до конца убедиться в том, что Азеф изменил.

— Иван, мы знаем все, — выдохнул Савинков; глазы-дышки замерли; рассматривал Азефа с презрительным интересом, раньше никогда не смел так смотреть на живое божество; подвижник террора, живая легенда, знамя боевой организации!

— Да что вы можете знать?! — Азеф набычился. — Пошли на поводу у тайной полиции?! Заглотнули прищипку Бурцева?! Устройте мне очную ставку с Лопухиным! Я требую!

— Ты ничего не можешь требовать, — сказал Савинков. — Ты обязан написать, на чем тебя заагентурили, как ты работал на охранку, с кем контактировал, где, кого отдал, как тебе удавалось вести двойную игру. Времени мы тебе даем достаточно много — до завтрашнего утра.

— Да нет же, товарищи! — Азефа словно бы ударили в лицо, он отшатнулся, привалившись спиной к большому зеркалу. — Вы не смеете — во имя всего, что мною было сделано для партии, — говорить так!

Савинков повернулся и деревянно зашагал в прихожую; следом за ним двинулись Чернов и «Гриша».

Когда дверь захлопнулась, Азеф стоять не мог, колени ходили ходуном; сполз на стул, растекшись на нем, будто в теле не было костей; Люба принесла капли Иноземцева; учился б толком, как этот самый доктор Иноземцев, отрешенно, неожиданно для себя подумал Азеф, построил бы себе такие же палаты, как он, — на Полянке и углу Спасо-Наливковского, красный кирпичный терем, не жизнь, а сказка...

— Спасибо, родная, — шепнул Азеф, — мне уже легче, ты так добра.

Поднявшись, протопал к простенку между окнами, чуть приоткрыл шторы, глянул на бульвар; возле бистро, прямо напротив подъезда, ходил «Гриша» и еще один — коротышка, с отвратительными, цепко-кривыми ногами бегуна

— Спустись черной лестницей, Люба, — не оборачиваясь, сказал Азеф, — посмотри, есть ли кто во дворе. Коли чисто, выйди в переулочек, погляди и там, если гуляют две бабы, запомни их лица, опишешь.

Люба бросилась к двери; Азеф досадливо ее остановил:

— Возьми мусорное ведро. Если даже во дворе ничего нет, все равно выброси мусор в ящик, оставь ведро у двери на черную лестницу, выйди в переулочек и купи в лавке мсье Жюля две бутылки вина. Из лавки посмотришь переулочек еще раз, поняла?

Люба вернулась через три минуты:

— Во дворе дежурят двое, Евно. Азеф затряс головой так, словно у него воспалилась надкостница, с трудом подошел к столу; осторожно опустился на белый, времен Людовика, стул, лег щекой на стол и прошептал:

— Все. Конеч.

В час ночи в дверь позвонили; Азеф, лихорадочно просматривавший корреспонденцию, сваленную в шкаф (боялся, что остались письма Ратаева, Рачковского или Герасимова), схватил револьвер и, быстро сбросив ботинки, крадучись ринулся в прихожую:

— Кто?

— Я, — ответил Савинков так же тихо.

— Что тебе? — Дверь Азеф не открывал, чувствуя, как молотило сердце, стесняя дыхание. — Ты дал мне срок до утра.

— Открой дверь, Иван. Я пришел не за этим. Уговор остается в силе.

Азеф вернулся в комнату, махнул жене рукой, чтоб отошла от шторы — наблюдала за «Гришей», не отлучится ли куда, холодно ж, не может всю ночь стоять, замерзнет, — и, проводив ее взглядом, сбросил цепочку.

Савинков был в черном пальто и каком-то театральном цилиндре — постоянно хотел казаться выше ро-

стом; болезненно относился к тому, что родился коротышкой.

Азефу показалось, что Савинков надел этот цилиндр не зря: средневековые палачи одевались так же и обязательно во все черное.

— Разденешься? — спросил Азеф. — Раздевайся. — Он чуть поднял револьвер, словно бы ударив по полям цилиндра. — Пойдем.

Савинков отрицательно покачал головой, цилиндр тем не менее снял, прошел в комнату, присел на краешек белого диванчика, обитого цветастым шелком, и сказал:

— Во-первых, убери револьвер. Ты же знаешь — я умею держать слово. У тебя еще есть время, чтобы решить проблему самому.

— Что ты имеешь в виду, Боря?

Савинков не смог скрыть безразличия:

— Мне очень неприятно, когда ты меня так называешь. Изволь обращаться ко мне конспиративным именем.

— Хорошо, хорошо, не сердись... Что ты имеешь в виду, Павел Иванович?

— Я имею в виду то, о чем ты прекрасно догадываешься сам.

— Если бы мне сказали, что ты провокатор, я бы сумел тебя защитить, Бо... Павел Иванович.

— Я защищал тебя сколько мог. И Чернов. И Зензинов. Мы все защищали тебя, Иван... Николаевич... Ты был для меня богом... И никогда не держал при себе оружия. — Савинков усмехнулся, взглянув на револьвер, что лежал на столе, возле руки Азефа. — Поэтому я и принес тебе... — Он достал из кармана пальто американский «смит-и-вессон». — Очень хороший калибр, одно мгновение — и настает спасительное успокоение...

— Боря... Павел... Иванович... Неужели можно так легко все перечеркнуть? Дайте мне срок три месяца, и я убью царя. Верьте же мне!

Савинков отрицательно покачал головой:

— Это очень показательно, Иван Николаевич, что в России ты всегда ходил без оружия в отличие от всех нас, а здесь вооружен... Впрочем, провокатор Татаров тоже не имел оружия. И он, и ты были убеждены в том, что вас не арестуют на улице. А мы знали, что четыре патрона в барабане нужны для жандармов, а пятый — себе... Деталь, Иван, деталь! Если ты не можешь переступить себя, если ты не в силах отдать нам правду об охранке, есть иной выход... Могу продиктовать прощальное письмо... Хочешь?

— Ну, ну. — Азеф криво, с болью усмехнулся. — Диктуй, послушаю.

— «Время обвинений, обрушившихся на меня, есть провокация охранки, направленная против партии. За меня, Азефа, говорит вся моя жизнь, посвященная святой идее очистительного террора. Годы, отданные борьбе против царских сатрапов, мстят усталостью. Подозрение братьев во революции не позволяет мне жить далее. Да здравствует революция! В борьбе обретешь ты право свое!» Подпись. Дата. Лишь в этом случае я смогу помочь твоей семье, Иван... Это единственно достойный выход, который позволит мне превратить тебя в икону, в великомученика террора. Если ты не сделаешь этого, убью тебя я. Лично. За Севастополь, где я был приговорен к повешению по твоей милости, будем квиты... Вот так... Я пришел к тебе без санкции ЦК, имея это в виду. Я сделал тебе последнюю услугу... Я, видишь ли, сентиментален и, как истинно русский человек, верю в прошлое более, чем в будущее... Уйти из дома ты не сможешь, квартал оцеплен, появившись на улице — пристрелят, не вступая в объяснения... Это мой приказ, Иван... И его выполнят неукоснительно.

Савинков резко поднялся и пошел к двери; замешкался на мгновение, сказал, не оборачиваясь:

— Мне бы не хотелось, говоря честно, чтобы ты писал о том, как отдавал наших братьев охранке. Понимаешь? Я, зная про тебя всю правду, тем не менее желаю, чтобы ты ушел чистым. Войди в антологию победившей революции героем, а не паршивой «подметкой». Такое стоит жизни, Ивац... И это я говорю тебе наперекор мнению ЦК...

Савинков ошибался; ЦК социалистов-революционеров хотел того же.

Но Чернов — прагматик, человек логического склада ума — отдавал себе отчет в том, что, во-первых, такие, как Азеф, не кончают с собою, слишком жизнелюбив, и, во-вторых, казнь его поставит социалистов-революционеров в трудное положение перед парижской полицией; если раньше французы смотрели на происходящее сквозь пальцы, а порою даже оказывали некоторые услуги, предупреждая о грозящей опасности, то после предстоящего скандала все может измениться, Клемансо бомбистов не жалует, буржуа начнут кампанию, могут выдворить...

Поэтому, получив сообщение от «Гриши», что у Азефа только что был Савинков, свет в квартире после его ухода выключили (значит, «Иван» ничего не пишет?), Чернов, подумавши, переспросил:

— Вы убеждены, что света нет? Даже свеча не горит в кабинете?

— Совершенно убежден, Виктор Михайлович.

— Тогда отпустите людей, пусть погреваются; оставьте одного возле парадной; если заметит, что зажегся

свет хоть в одном из окон, надо идти в парадное и решать на месте,— значит, Иван уходит.

В пять утра, после того, как Люба сказала, что во дворе чисто, Азеф вышел из дома черным ходом; сжимая в кармане револьвер, чувствуя, как холодный пот течет по лобжбинке между лопатками, прокрался в переулочек; замирая от ужаса, побежал; не бегал лет двадцать; задыхался; начал плакать, не зная, к кому обращаться мольбу, чтобы не выстрелили в спину; пришел в себя только на вокзале; берлинского поезда ждать не стал, сел в первый попавшийся,— только бы вырваться отсюда! Лишь в купе первого класса, когда состав, истерически дернувшись, тронулся, выглянул в коридор; пусто; позвонил проводнику, заказал бутылку коньяку и, наконец, судорожно выдохнул, сложив губы трубочкой: жив!

...Турчанинов пришел к Бурцеву под вечер, когда стало известно о бегстве Азефа.

— Как же так, Владимир Львович, почему?! Это же позор партии!

Бурцев грустно усмехнулся:

— Это единственно возможный выход для партии, Андрей Егорович. Он не бежал, для этого большое мужество потребно, а он тварь и мразь, раздавленная страхом... Его понудили бежать... Ему помогли... Его спровоцировали на побег, понимаете? Провокатора спровоцировали... Вот так-то...

— А если попытаться его найти?

— Ищи иголку в стоге сена...

— И тем не менее? Как вы думаете, что будет, если я найду его?

— Вы его не найдете, Андрей Егорович. На это придется жизнь положить... Да и средств у вас нет... И спина открыта для выстрела... Так и не откроете мне, кто передал вам информацию о контакте Азефа с Герасимовым?

Турчанинов отрицательно покачал головой:

— Моей жизнью я волен распорядиться, как хочу, а вот судьбу человека, заключенного в одиночку, не имею права.

ВОТ ПОЧЕМУ РЕВОЛЮЦИЯ НЕМИНУЕМА! (VI)

«...Три дня (7, 8 и 9-го) слушалось дело мое и сотоварищей; три дня у меня было большое развлечение. Суд происходил в Судебной палате. Меня возили туда в ручных кандалах на извозчике. Я был возбужден и обрадован тем, что вижу уличное движение, лица свободных людей, вывески и объявления магазинов, трамваи. Обрадовала меня встреча с товарищами и то, что я увидел несколько знакомых. Зал судебных заседаний — большие окна, всевозможные аксессуеры и, наконец, самый суд, состоявший из семи человек, прокурор, эксперты, поп и ксендз, свидетели, защитники, близкие, родные. Приведение к присяге свидетелей, экспертов и переводчиков, показания свидетелей, обвинительная речь прокурора, требовавшего высшего наказания по второй части 126-й статьи, заявившего при этом, что мы подвергаемся каре не для исправления, а для устрашения. Потом была речь Ротштадта, который сам себя защищал, и выступления защитников. После более чем часового обсуждения был объявлен приговор. Я получил ссылку на поселение, Ротштадт и Аусем — по четыре года каторги, а Ляндау — год заключения в крепости. Нас все-таки признали виновными по второй части 126-й статьи, хотя было доказано, что у социал-демократии Польши и Литвы не было складов оружия и взрывчатых веществ, и достаточных доказательств моей и Аусема принадлежности к партии тоже не было (Ротштадт еще в мае Палата в Люблине приговорила к шести годам каторги; он сознался в принадлежности к партии, но отрицал, что у партии есть склады оружия)... Только одного меня приговорили к ссылке на поселение, по всей вероятности, потому, что им известно, что по другому числящемуся за мной делу они смогут закатать меня на каторгу. Говорят, жандармы возбуждают против меня уже третье дело.

Во время суда я совершенно не думал о том, что это именно нас судят и закатывают на долгие годы. Я не думал об этом, хотя у меня не было никаких иллюзий относительно приговора. Я глядел на судей, на прокурора, на всех присутствовавших, на стены, украшения, глядел с большим интересом, с удовлетворением оттого, что вижу свежие краски, цвета, других людей, другие лица. Я словно присутствовал на каком-то торжестве — не печальном, не ужасном, — на торжестве, которое меня вовсе не касалось. Мои глаза насыщались свежими впечатлениями, и я радовался, и хотелось каждому сказать какое-нибудь доброе слово.

Был только один момент, когда я почувствовал, будто кого-то собираются хоронить. Это было, когда нас ввели в зал суда для выслушивания приговора, и нас вдруг окружили пятнадцать — двадцать жандармов, и вынутые из ножен сабли блеснули перед нами в воздухе. Но это настроение рассеялось, как только председатель начал читать приговор: «По указу его императорского величества...»

...Сегодня я опять один в камере... Не сомневаюсь, что меня ждет каторга. Выдержу ли? Когда я начинаю думать о том, сколько долгих дней мне придется жить в тюрьме, день за днем, час за часом, по всей

вероятности, здесь же, в Десятом павильоне, мною овладевает ужас и из груди вырывается крик: «Не могу!» И все же я смогу, необходимо смочь, как могут другие, которые вынесли гораздо худшие муки и страдания. Мыслью я не в состоянии понять, как это можно выдержать, но я сознаю, что это возможно, и рождается гордое желание выдержать. Горячая жажда жизни прячется куда-то вглубь, остается лишь спокойствие кладбища. Если не хватит сил, придет смерть, освободит от чувства бессилия и разрешит все. И я спокоен...»

«АХ, УВОЛЬТЕ МЕНЯ ОТ ЭТОЙ ГРЯЗИ!»

На очередной доклад царю Столыпин пригласил генерала Герасимова; речь шла о поездке Николая на празднование двухсотлетия битвы под Полтавой; ясно, станет вопрос об организации надежной охраны.

— Государь может ехать куда угодно, — сказал Герасимов. — Я ему теперь не очень-то нужен... С ревельским эпизодом эпоха бомбистов окончена... Эсеры переживают сильнейший кризис, агентура сообщает, что после бегства Евгения Филипповича...

— Кого? — недоуменно переспросил Столыпин. — О ком вы?

— Об Азефе, Петр Аркадьевич. Неужели успели забыть? О том человеке, без помощи которого мы... вы бы не смогли успокоить Россию.

Едва заметная улыбка тронула чувственные, сильные губы премьера:

— «Мы», Александр Васильевич, «мы». Я чужую славу не забираю, своей готов поделиться. Ну, продолжайте по поводу эсеров, государь интересуется судьбою сбегавших от кары бунтовщиков...

— Эсеры разваливаются, Петр Аркадьевич... Чернов короновал Савинкова главою боевки...

— Это боевая организация? — уточнил Столыпин. — БО?

— Именно так, — кивнул Герасимов. — «БО»... Так вот, после трагедии с Азефом, именно Борис Савинков

был делегирован главою террора, получил деньги, да и укатил в Биарриц, а потом, через всю Францию, в Монте-Карло... Играл... В рулетку... Мои филеры его всюду сопровождали... Сначала выигрывал, что-то около семи тысяч взял... Ну, казалось бы, слава богу, успокоился... Так нет же, начал рисковать...

Столыпин задумчиво посмотрел на Герасимова:

— А может, так и надо? Ведь кто не рискует, тот не выигрывает...

Герасимов резко обернулся к премьеру; лицо Столыпина замерло; а ведь он жаждет, чтобы террор продолжался; но я не могу этого сделать, потому что из-за его нерешительности с Лопухиным провалился Азеф; если теперь что-нибудь случится, мне не за кого спрятаться, эх, намекнул бы только Петр Аркадьевич в Ревеле — в два момента все было бы исполнено: государственный переворот, конституционная монархия, Милоков — главный союзник, а у него все европейское общественное мнение в кармане; Англия с Францией крепче Вильгельма, обойдемся без немчуры...

— Я перебил вас, Александр Васильевич, простите, продолжайте, пожалуйста, крайне интересно...

— Так вот, Савинков не успокоился, деньги, отпущенные ему ЦК на террор, пропала в Монте-Карло... Между прочим, выдержки этому господину не занимать, ни единым мускулом не дрогнул, даже посмеялся над собою, снял гвоздичку со своего лацкана и протянул соседке по игре...

— Ну, а как анархисты?

— Это каша, Петр Аркадьевич... Они ходят подо мною... Там чуть не каждый десятый заагентурен... Нет, это нельзя назвать силой — размазня, хоть кричат громче других... И специалистов у них нет, и дисциплину отвергают, а террор без железной дисциплины не поставишь... Там легко; стоит только агентуре шепнуть, чтоб начали бучу против руководителя акта, они вой поднимают, извозят в грязь, ногами затопчут,

все грехи — те, что были и каких не было, — вставят в строку... Другое дело социал-демократы...

— Государь считает их говорунами...

— Эсеры, как ни странно, отзываются о них так же...

Столыпин усмехнулся:

— Любопытное совпадение взглядов... На современном этапе вы считаете именно их единственно действенной силой?

— Там сейчас тоже раскол... Ликвидаторы, отзовисты, богоискатели... Если победит концепция Ульянова, тогда грядут трудные времена... Если же возобладает точка зрения Плеханова, можно ждать постепенного сближения социал-демократии с трудовиками и левыми кадетами, это не страшно, все в рамках закона, так сказать, оппозиция его величества...

Столыпин горестно заметил:

— Беда в том, Александр Васильевич, что государь и такой, вполне ему послушной, оппозиции не хочет. Он жаждет, чтобы в империи царствовало абсолютное единомыслие по всем вопросам...

Когда Столыпин вошел в кабинет царя, мягко притворив за собою дверь, генерал Дедюлин, взяв Герасимова под руку, повел в парк; ясно, для важного разговора; самые сложные беседы Дедюлин отчего-то вел на прогулке, будто опасаясь, что во дворце кто-то его подслушает; боже ты мой, даже дворцовый комендант чего-то боится; ему-то чего?! Кого?! Ведь самый близкий к царю человек, нет никого ближе!

— Александр Васильевич, вопрос, который мне хочется с вами обсудить, — начал Дедюлин, — носит деликатный характер. Я прошу вас клятвенно мне пообещать, что все это останется между нами в глубочайшей, совершенной и никому, подчеркиваю, никому не разглашаемой тайне.

— Обещаю и клянусь. Готов подняться к вам и заботиться на икону.

— Мне достаточно вашего слова... Начну с вопроса: среди эсеров-бомбистов имя Григория Распутина вам не попадалось?

— Видимо, вы дезинформированы... Мы казнили не Распутина, а Распутину... Старую террористку... Ее повесили в прошлом году...

— Господи, свят, свят! А она не из Сибири?

— Совершенно верно... Именно оттуда она совершила свой первый побег... Да я ж вам про нее рассказывал! Помните, мы ее во Храме Казанской божьей матери обнаружили?! Во время молитвы?! Там и слежку за нею поставили...

— По батюшке она не «Ефимовна» случаем? Откуда родом?

— Из Петербурга. Потомственная дворянка, помещица...

— Так вы ж сказали, что она из Сибири?

— Она бежала оттуда, в каторге была.

— Вы бы не могли выяснить, не являлась ли указанная вами Распутина в каком-либо, хоть и самом дальнем, родстве с неким «старцем» Распутиным, Григорием Ефимовичем? Хотя по паспорту он крестьянин, а никак не дворянин, и не стар, нет еще сорока, но меня одолело сомнение: а вдруг этот самый Гришка бомбист какой?! Особо законспирированный?!

— Почему вы заинтересовались им? — удивился Герасимов. — Где он появился? Когда? По какому поводу?

Дедюлин чуть не крикнул, огляделся по сторонам, приблизился к Герасимову еще теснее и тихо, одними губами произнес:

— Несколько дней назад Анька пригласила ее величество к себе домой, а там сидел этот проходимец...

— Какая «Анька»? — спросил Герасимов. — Простите, мне такая кличка неизвестна...

— Ну, конечно, что ж это я, понятно, неизвестна, — мелко рассмеялся Дедюлин, — только это не кличка, это Анна Танеева, фрейлина государыни... Мужик этот, Распутин, сказывают, лечит болезни и предсказывает будущее; морда воровская, волосы мазаны салом, расчесан на прямую пробор, чисто конюх, право, ходит в смазных сапогах и поддевке... Я на него глянул и ужаснулся — чистый вор, беглый каторжник, душегуб... Попытались мы со Спиридовичем навести об нем справки — глухо... Вы нам самый близкий человек в столице, заслуги ваши в борьбе с бомбистами отмечены его величеством, помогите, Александр Васильевич! На вас вся надежда...

— Почту за честь... Сколько помню, у меня по эсерам Распутин Григорий Ефимович не проходил... Вполне может быть, что он связан с местными организациями... Я сделаю запрос в Сибирь сегодня же...

— Ну спасибо, Александр Васильевич, спасибо, мой друг, никогда не забуду вам этой услуги...

— А как он показался ее величеству, этот самый «старец»?

Дедюлин снова крикнул и, озираясь, шепнул:

— В том-то и ужас, что понравился...

Из агентурных донесений, поступавших Герасимову с первых дней прихода в охранку, он знал, что государь еще с ранней юности был подвержен настроениям; тайком посещал сеансы спиритистов, не исповедуясь об этом духовнику.

Когда он женился к принцессе Гессенской, зарубежная агентура охраны сообщала, что немка слушала курс наук в Оксфорде, знакома с новейшими теориями

в физике и химии, увлекалась философией, вполне просвещенная особа; доверенные информаторы из окружения царя сообщали, что это успокоило авдоставшую императрицу, которая решила, что сын — под влиянием широко, по-европейски образованной женщины — отойдет от тех ясновидцев, медиумов, предсказателей, которые с начала века наводнили августейшие салоны. Все, однако, случилось наоборот: не государыня переменяла настроения Николая, а именно он привадила ее к своим безумным мистикам, не принимая без их совета ни одного сколько-нибудь серьезного решения в государственных делах.

Царь и царица — особенно с началом русско-японской войны — проводили почти все время у «Черногорск», дочерей великого князя Черногорского Анастасии и Милицы; юродивых находили в российской глубинке, аниливали им затаенно, мерцающая пугливыми, доверчивыми глазами; все предложения ученых и промышленников во главе с Путиловым выносили на суд гадателей и ясновидцев; так заблокировали работу инженера Матросова; тормозная система его, таким образом, оказалась запущенной в серию американцами; изобретение Попова, предложившего беспроволочный телеграф, то есть передачу голоса на расстояние, обзавали в салоне Милицы «бредом, антихристовой затеей»; да только ли этих двух загубили?!

Подняв данные агентуры, работавшей в сферах Герасимов без труда выяснит, что Распутин подошел к царскому дому именно через «Черногорск», они его свели с Анной Танеевой; пронесся слухок, что фрейлина с ним покривала в вечерние часы, однако проверить досконально не удалось; сейчас эта версия в работе, агенты слушают, какие звуки доносятся из ее дома, когда там останавливается Распутин.

...Столыпин вышел от государя бледный чуть не до синевы; простился с Дедюлиным сдержанным кивком; тот, к немалому изумлению Герасимова, ответил еще более сухо.

В экипаже Столыпин сумрачно молчал, только желваки ходили яблочками-дичками под сухой кожей на скулах; потом положил холодные пальцы на колено генерала (даже сквозь галифе Герасимов ощутил их ледяной холод) и с тихой яростью заметил:

— Понятие человеческой благодарности, столь угодное обществу, совершенно у нас отсутствует...

— Что случилось, Петр Аркадьевич?

— Еще случится, — жестко усмехнулся Столыпин. — Пока еще ничего особенно страшного не произошло... Но произойдет... Я ведь с чего доклад начал? С того, что его величеству не нужна дополнительная охрана во время поездки в Полтаву, Герасимов убежден, что опасности для августейшей семьи в настоящее время нет, ситуация подконтрольна, страна успокоена, революцию можно считать законченной... А государь мне на это знаете что ответил? Он пожал плечами, снисходительно улыбнулся и отчеканил: «Какая еще революция?! Были мужицкие смуты. Темную толпу подталкивали к беспорядкам чужеродные элементы, такое и раньше случалось... Разве это революция? Так, шум... Да и шум этот можно было бы погасить, коли б у власти в правительстве стояли люди, готовые принимать решительные меры незамедлительно и бесстрашно...»

Столыпин нервно поежился, как-то жалостливо сунулся в самый угол экипажа, снова вздохнул:

— Сколь же быстро государь забыл о том, каково мне было спасти его, что надо было предпринять, дабы вывести страну из кризиса... Ничего он не помнит... Страшно это, Александр Васильевич... Нет ничего ужаснее легкомысленного беспамятства... Словом, царь разрешил вам долгосрочный отпуск... Я сказал ему, как вы устали, передал, что опасности для него более нет, может ездить, куда душе угодно, полагаю, что он обсудит со мною вопрос о вашем внеочередном награждении за особые заслуги... А он соизволил заметить, что, если Герасимов нуждается в долгосрочном отпуске, пусть сдает дела по охранному отделению и отправляется на лечение...

— Это что ж, отставка? — поинтересовался Герасимов. — Отслужил — и на свалку?

— Передайте дела временно исполняющему обязанности... Понятно? Временно... И отправляйтесь отдыхать... Когда вернетесь, я возьму вас своим товарищем по министерству внутренних дел и главенствующим политической полицией империи...

— Не позволяй, Петр Аркадьевич.

Столыпин пожал плечами, ответил с незнакомым Герасимову равнодушием:

— Что ж, коли так, я тоже уйду в отставку. В этом государстве без прикрытой надежным человеком спины работать, как оказалось, нельзя. Думаете, я не устал? Не менее вашего, Александр Васильевич, отнюдь не менее...

— Кому прикажете сдать дела?

— Я не хочу, чтобы вы сдавали дела... Я хочу, чтобы вы толком отдохнули и ознакомились... Подберите на свое место бесцветную личность... Кого-нибудь из провинции, — он вдруг усмехнулся, — вроде меня... Пока-то пообвыкнет, пока-то поймет суть происходящего, а там и вы вернетесь... Посидите месяц, да и переберетесь ко мне, в министерство...

Герасимов тоже улыбнулся; это уже заговор; ранее премьер так никогда не открывался.

— Есть такой человек, Петр Аркадьевич... Полковник Карпов... Солдафон с амбициями... Он, исполняя мои обязанности, наворотит... Контраст — вещь полезная, пусть... Только просил бы вас сначала позволить мне закончить дело, о котором я только что имел беседу с Дедюлиным...

— Что за дело?

— Достаточно любопытное. Божился Дедюлину, что буду молчать... Появился некий «старец» Григорий Ефимович Распутин... Вышел на государыню... Это перспективно... Для вас... И, если позволите призовокупить, меня...

— Говорили б сразу — «для нас», — откликнулся Столыпин, закрыв глаза (чистый татарчонок, подумал Герасимов, чем не Борис Годунов?). — Кто такой этот Распутин? Не родственник ли той бомбистки, что вам отдал Азеф?

— Это и меня интересует, Петр Аркадьевич... Доложу, как только придут сведения...

Сведения пришли через две недели; ознакомившись с ними, Герасимов почувствовал, как волосы его становятся дыбом.

Распутин Григорий Ефимович, конечно же, никакого отношения к эсэрке Распутиной не имел, дороги их не пересекались даже случайно, хотя он и числился в розысках списках департамента полиции, но не по политическим делам: разврат и вовлечение в хлыстовский блуд женщин и незамужних девок, воровство, пьяные дебоши и конокрадство. Из-под суда Распутин бежал, скрылся, отслеживался где-то более полтора лет, потом неожиданно появился в салоне Милицы; августейшая подруга ее императорского величества привезла «старца» к фрейлине Анне Танеевой-Вырубовой, а та устроила встречу «святого человека» с государыней; встречались теперь каждую неделю; потом с Распутиным увиделся царь; пророчествам внимал с широко открытыми, остановившимися глазами; затем Распутин показал, как можно поднимать наследника, если тот занедужит: положил мальчику на темечко ладонь, затрясся, губу закусил, замер;

сынком сразу же почувствовал облегчение, поднялся с кровати и пустился бегать по зале; государыня вытирала быстрые слезы, струившиеся из ее широко посаженных, очень холодных, но сейчас фанатично сияющих глаз...

Когда Герасимов доложил об этом Столыпину, тот сразу же отправился в Царское, резко заметив, что жизнь августейшего дома обязана быть прозрачной; гибель морального авторитета самодержца означает гибель России.

Герасимов пытался остановить его: «Погодите, Петр Аркадьевич, не надо торопиться, дайте я к нему пригляжусь, он может нам быть полезен, коли царь достался придурочный»; Столыпин оборвал его.

Во время этого, поворотного доклада государю Столыпин, ощущая понятную неловкость, спросил:

— Ваше величество, вам известен Григорий Распутин?

— А в чем дело? — Царь надменно поднял голову, хотя в глазах его Столыпин заметил если и не страх, то, во всяком случае, растерянность.

— Мне бы хотелось выслушать ваш ответ. Тогда я объясню, отчего решил поставить такой вопрос, ваше величество.

— Кажется, ее величество как-то говорила мне об этом человеке... Самородок, странник, знающий все святые места державы, прекрасно толкует библию, своего рода святой...

— Но вы лично вы его видели?

— Вы считаете возможным задавать мне такой вопрос?

— Именно так, ваше величество.

— В таком случае извольте объяснить, какими мотивами вы руководствуетесь...

— Я непременно отвечу вам, но сначала я обязан — во имя вашего же блага — получить ответ, ваше величество.

— Извольте... Я его никогда не видел.

— Ваше величество, речь идет о чести вашей семьи, а может быть, и о самом ее существовании...

— Повторяю, я с ним не встречался. — Глаза государя, обычно неподвижные, какие-то стоячие, быстро метнулись к спасительному окну.

— Но Герасимов доложил иное... Распутин был у вас. Дважды.

Царь резко, словно от удара, откинулся на спинку кресла, потом поднялся и, похаживая по громадному кабинету, остановился возле камин.

— Ну, разве что Герасимов вам обо мне докладывает... Он следит за мной, да? По чьему повелению? Я за собою слезку пока еще не приказывал нарядить...

— Он следит за Распутиным, ваше величество. С моей санкции. Распутина уже полтора года ищет полиция, его тюрьма ждет.

— То есть как это? — Царь с нескрываемым ужасом посмотрел на премьеру молящими глазами. — Он бомбист?!

— Беглый вор, ваше величество. И безнравственный хлыстовец, опоганил всех женщин и девушек в своей округе...

— Ах, увольте, пожалуйста, от этой грязи. — Царь даже руки перед собою вытосил. — Я не желаю, чтобы меня погружали в мерзость!

— Но вы обещаете мне прекратить с ним встречи, ваше величество? Повторяю, речь идет не только о чести августейшей семьи, но и о ее физическом существовании... Те полтора года, что Распутин скрывался от суда, он вполне мог быть заагентурен бомбистами и сейчас только ждет часа, дабы привести в исполнение свой злодейский план...

— Хорошо, хорошо, я не буду с ним более встречаться... Хотя, право же, неужели я не имею права на личную жизнь?

— Вы монарх, — чеканяще произнес Столыпин. — Ваша личная жизнь — это благосостояние подданных.

Столыпин поднялся, потому что стало ясно, что дальнейшего разговора не получится, царь затаил злобу; мягкотелые таят ее долго и забыть никогда не забывают.

Через три дня агентура сообщила, что поздно вечером августейшая семья снова пришла к Анне Танеевой-Вырубовой, когда туда привезли Распутина; Герасимов сразу же позвонил Столыпину:

— Петр Аркадьевич, я написал проект приказа об административной высылке Распутина в Сибирь, на родину. Вы, как министр внутренних дел, имеете право провести это без суда, я это решу сегодняшней же ночью.

— А что случилось?

— Распутин снова у Вырубовой; там же государь с государыней.

— Господи, да не может того быть!

— Может, Петр Аркадьевич, может... Либо вы должны подписать этот приказ, либо разрешите мне лично повстречаться с ним и, говоря нашим языком, заагентурить.

— Не смейте об этом и думать! — Столыпин даже ладшкой прихлопнул по столу, не отрывая глаз от телефонной трубки. — Слышите?! Ни в коем случае! Он же об этом скажет государыне! Разве можно?

Через час, подвинув к себе бумагу с текстом приказа о высылке «старца», он прочитал ее дважды, хотел было внести какую-то правку, но не стал; подписал размашисто, с яростью...

Герасимов вызвал агентов и приказал им арестовать Распутина; немедленно были выставлены посты на вокзале; «старец», однако, как в воду канул.

Министр юстиции, которому Столыпин сообщил о своем приказе, счел нужным оповестить об этом Вырубову; та сама отвезла Распутина во дворец великого князя Петра Николаевича, сдав на руки ее высочеству Милице Николаевне, «Черногорке».

Когда об этом узнал Герасимов, ярости его не было предела; он установил круглосуточное наблюдение за дворцом, приказав филерам:

— Когда этот бес выйдет, хватайте его, невзирая на то, что может получиться скандал.

Наблюдение за дворцом великого князя Герасимов держал месяц; Распутин не выходил.

Через полтора месяца из Сибири сообщили, что «Гришка» уже как две недели вернулся домой. Столыпин улыбнулся:

— Ну и слава богу, что обошлось без скандала. Оттуда он не решится выбраться, знает, что его здесь ждет...

ВОТ ПОЧЕМУ РЕВОЛЮЦИЯ НЕМИНУЕМА! (VII)

«...Пятый раз я встречаю в тюрьме новый год (1898, 1901, 1902, 1907); первый раз — одиннадцать лет тому назад. В тюрьме я созрел в муках одиночества, в муках тоски по миру и по жизни. И, несмотря на это, в душе никогда не зарождалось сомнения в правоте нашего дела. Здесь, в тюрьме, часто бывает тяжело, по временам даже страшно... И тем не менее, если бы мне предстояло начать жизнь сызнова, я начал бы так, как начал. И не по долгу, не по обязанности. Это для меня — органическая необходимость... Тюрьма лишила меня очень многого: не только обычных усло-

вий жизни, без которых человек становится самым несчастным из несчастных, но и самой способностью пользоваться этими условиями, лишила способности к плодотворному умственному труду... Столько лет тюрьмы, в большинстве случаев в одиночном заключении, не могли пройти бесследно... Но когда я взвешиваю, что тюрьма у меня отняла и что она мне дала, я не проклинаю своей судьбы, так как знаю, что все это было нужно для того, чтобы разрушить другую, огромную тюрьму, которая находится за стенами этого ужасного павильона. Это не праздное умствование, не холодный расчет, а результат непреодолимого стремления к свободе, к полной жизни... Там теперь товарищи и друзья пьют за наше здоровье, а я здесь один в камере думаю о них: пусть живут, пусть куют оружие и будут достойны того дела, за которое ведется борьба...

...С того времени, когда я в последний раз писал этот дневник, здесь было казнено пять человек. Вечером между четырьмя и шестью часами их перевели в камеру номер двадцать девять, под нами, и ночью между двенадцатью и часом повезли на казнь...

...Зимний, солнечный, тихий день. На прогулке чудесно, камера залита солнечным светом. А в душе узника творится ужасное: тихое, застывшее отчаяние. Осталось лишь воспоминание о радостях жизни, и оно-то постоянно терзает человека, как упрек совести. Недавно я разговорился с солдатом. Печальный, удрученный, он караулил нас. Я спросил его, что с ним. Он ответил, что дома нет хлеба, казаки в его деревне засекали розгами несколько мужчин и женщин, что там творятся ужасы. Стены всей России проникают и сюда, за тюремные решетки, заглушая стоны тюрьмы. И эти оплеванные, избиваемые караулят нас, пряча глубоко в душе ужасную ненависть, и ведут на казнь тех, кто их же защищает. Каждый боится за себя и покорно тащит ярмо. И я чувствую, что теперь народ остался одиноким, что он, как земля, сожженная солнцем, теперь именно жаждет слов любви, которые объединили бы его и дали ему силы для действия. Найдутся ли те, которые пойдут к народу с этими словами? Где же отряды нашей молодежи, где те, которые до недавнего времени были в наших рядах? Все разбежались, каждый в погоне за обманчивым счастьем своего «я», коверкая свою душу и втискивая ее в тесные и подчас отвратительные рамки. Слышат ли они голос народа?

...Весна. В камере светло, много солнца. Тепло. На прогулке ласкает мягкий воздух. На каштановых деревьях и на кустах сирени набухли почки и уже пробилась зеленые, улыбающиеся солнцу листья. Травка во дворе потянулась к солнцу и радостно поглощает воздух и солнечные лучи, возвращающие ее к жизни. Тихо. Весна не для нас. Мы в тюрьме. В камере двери постоянно закрыты; за ними и за окном вооруженные солдаты никогда не оставляют своих постов, и по-прежнему каждые два часа слышно, как они сменяются, как стучат винтовки, слышны их слова при смене: «Под сдачу состоит пост номер первый», по-прежнему двери открывают жандармы, и по-прежнему они выводят нас на прогулку. Как и раньше, слышно бряцанье кандалов.

...Я сижу теперь с Дан. Михельманом, приговоренным к ссылке на поселение за принадлежность к социал-демократии. Он был арестован в декабре 1907 года в Сосновце. Он рассказал мне о следующем случае, очевидцем которого являлся: в конце декабря приходят утром в тюрьму в Бендзине стражник с солдатом, вызывают в канцелярию одного из заключенных, некоего Страхака — прядильщика с фабрики Шена, внимательно осматривают его с ног до головы и, не говоря ни слова, уходят. После полудня является следователь, выстраивает в ряд шесть заключенных высокого роста, в том числе Страхака, приводят солдата, и следователь приказывает ему признать среди них предполагаемого участника покушения на шлика. Солдат указывает на Страхака. Этот Страшак, рабочий, ни в чем не был замешан, ни с какой партией не имел ничего общего. Солдат был тот самый, который приходил со стражником утром и предварительно подготовился к ответу. Страхака повесили...

...Прошел день 1 мая. Празднования в этом году не было. А у нас ночью с первого на второе кого-то повесили. Была чудесная лунная ночь, я долго не мог уснуть. Мы не знали, что недавно был суд и что предстоит казнь. Вдруг в час ночи началось движение на лестнице, ведущей в канцелярию, какое обыкновенно бывает в ночь казни. Пришли жандармы, кто-то из начальства, ксендз; потом за окном прошел отряд солдат, четко отбивая шаг. Все как обыкновенно... Повесили рабочего-портного по имени Арнольд...

Так прошло у нас 1 мая. Это был день свиданий, и мы узнали, что в городе Первое мая не праздновали. Массам еще хуже: та же, что и прежде, серая, беспросветная жизнь, та же нужда, тот же труд, та же зависимость... Некоторые рекомендуют теперь принять исключительно за легальную деятельность, то есть на самом деле отречься от борьбы. Другие не могут перенести теперешнего положения и малодушно лишают себя жизни... Но я отталкиваю мысль о самоубийстве, хочу найти в себе силы пережить весь этот ад, благословляя то, что я разделяю страдания с другими; я хочу вернуться и бороться...

«ТАК ЧТО ЖЕ СЛУЧИЛОСЬ?!»

...Приняв душ, Герасимов отправился в охранку; адъютант ждал, шаркая ногами от нетерпения; заговорчески улыбувшись, протянул папку, на которой было вытиснено золотом: «Весьма экстренно».

— Интересно? — спросил Герасимов, не торопясь водружать на переноске пенсне. — Или сплетня какая?

— Думаю, в высшей мере интересно, Александр Васильевич.

— Коли так, скажите, чтоб мне аглицкого чайку заварили в маленькую чашечку, поспеваем.

Адъютант оказался прав: срочная телеграмма из Саратова заслуживала самого пристального внимания. Прочитав ее, Герасимов подумал: «Неужели второй Азеф? Вот счастье, коли б так!»

Начальник саратовской охраны полковник Семигатовский докладывал шифрованной телеграммой, что известный террорист, член Боевой Организации эсеров Александр Петров обратился к начальнику тюрьмы, где он содержится ныне, с предложением начать работу против ЦК и особенно Савинкова; вопрос об оплате не поднимает, просит лишь об одном: устроить побег ему и его ближайшему другу Евгению Бартольд, сыну фабриканта, одному из самых богатых людей Поволжья, тоже эсеру.

Герасимов попросил адъютанта связаться с департаментом полиции; на место Трусовича пришел его заместитель Зуев; Максимилиан Иванович изволил распрощаться со столь дорогим ему креслом шефа секретной службы империи, — не все коту масленица, будет знать, как своим палки в колеса ставить; с Зуевым можно иметь дело, хоть и трусоват.

Из департамента вскорости сообщили, что Александр Иванов Петров, он же «Хромой», он же «Южный», он же «Филатов», действительно является известным боевиком в эсеровском терроре, к революции примкнул в девятьсот пятом году, был поставлен Азефом и Савинковым на динамитную лабораторию;

во время взрыва, происшедшего по вине Любы Марковской — не уследила за смесью, — искорежил стопу; в беспомоществе попал в полицию, продержали сутки, перевезли в тюремный госпиталь, там отпилили ногу, гангрена; за месяц потерял двенадцать кило, кожа да кости; тем не менее грозил военный суд, виселица; время лихое: даже шестнадцатилетним набрасывали веревку на худенькие, детские еще кадочки, а безногого б вздернули без всякого сострадания.

Спас Бартольд, организовал побег, вынес друга из лазарета, погрузил на лодку, поднялся по Волге до маленького городишки, сдал своему родственнику, известному по тем временам хирургу; тот не только залечил гангренозную культю, но и сделал вполне пристойный протез; после этого Петрова вывезли за границу, в Париж; там встретили как героя, еще бы, и ногу потерял, и бежал из-под виселицы, и границу пересек на протезе, хотя был объявлен во все розыскные листы империи, как особо опасный преступник.

...Герасимов долго тер лоб, собравшийся толстыми, нависающими друг на друга морщинами; потом, тяжело опершись об атласные подлокотники, поднялся с кресла и подошел к своему особому сейфу, где хранились донесения Азефа и еще трех других, самых доверенных агентов, которых вербовал лично он, и никто другой о них не знал (кавказский эсдек, эсер из Эстляндии и киевский меньшевик).

Пролистав папки с донесениями Азефа, нашел кличку «Хромой»; это и есть безногой Петров, кто ж еще?!

Азеф сообщал, что Александр Петров в сопровождении группы боевиков выезжает в Россию, чтобы повторить кровавый маршрут Степки Разина; намерены пойти террором по Волге, поднять мужиков против дворянства, понудить помещиков бежать из города, а затем подвинуть крестьян на самозахват пустующих земель. Давая оценку этому плану, утверждено-

му ЦК в его отсутствие (видимо, уже не доверяли, понял Герасимов, следили за каждым шагом), Азеф высказывал опасение, что дело может оказаться достаточно громким: «провинция сейчас более бесконтрольна, чем центры, Волга — регион взрывоопасный, судя по всему, грядет голод. Советовал бы отнестись к моему сообщению серьезно. «Хромой» может быть легко опознан: ходит на протезе, ногу оторвало в нашей динамитной мастерской, фамилии его я не помню, хотя встречался дважды, в пятом еще году. Он худощав, волосы вьющиеся, длинные, ниспадающие чуть не до плеч, глаза пронзительно-черные, лоб небольшой, гладкий, без морщин, словно у девушки, на левом веке черная родинка, вроде мушки, что ставят кокетки полусвета».

Герасимов попросил сотрудников поднять корреспонденцию, отправленную им по империи из охранки месяц назад; саратовское отделение не назвал, остерегаясь, что вовремя не предупредил волжан о тревожном сигнале Азефа: берег агента, да и потом Саратов не Петербург, зачем таскать каштаны из огня чужому дяде? Был бы товарищем министра, отвечал бы за всю секретную полицию империи — другое дело, а так «служба службой, а табачок врозь».

По счастью, сведения Азефа — в измененном, конечно, виде, со ссылкой на некоего секретного сотрудника «Поталову» — были отправлены в Саратов; спустя неделю на основании его, Герасимова, информации Петров со спутниками был взят на явке с динамитом и революерами.

Лишь после этого Герасимов встретился с новым директором департамента полиции Нилом Петровичем Зуевым.

Выслушав генерала, тот поднял над головой руки, будто защищался от удара.

— Это ваш человек! — Зуев всегда норовил самое сложное от себя отодвинуть, передавая другим; никакого честолюбия, только б спокойно дожить до пенсии. — С вашей подачи этого самого Петрова взяли, уровень высок, птица из Парижа, саратовцы с таким не справятся, вызывайте-ка его к себе, Александр Васильевич, и посмотрите сами, на что он годен!

Вернувшись в охранку, Герасимов сразу же отправил шифротелеграмму в Саратов с просьбой откомандировать Петрова в северную столицу первым же поездом в отдельном купе заgrimированным, в сопровождении трех филеров.

После этого обошел свое здание, нашел большую комнату, окна которой выходили во двор, попросил вынести рухлядь, подобрал мебель: удобную кровать, письменный стол, два кресла, этажерку для необходимой литературы — и распорядился, чтобы белье постелили магазинное, никак не тюремное.

Когда Петрова доставили, Герасимов зашел к нему в комнату, осведомился, нравится ли здесь гостю, выслушал сдержанную благодарность (хотя в голосе чувствовалась некоторая растерянность, ищущее желание понять ситуацию) и сразу перешел к делу:

— Господин Петров, я открою свое имя после того, как вы подробно напишете мне о вашей работе в терроре. Интересовать меня будет все: ваши товарищи по борьбе с самодержавием, руководители, подчиненные, яки, транспорт. Вы, конечно, понимаете, что устраивать побег из каторжной тюрьмы — дело противозаконное, я буду рисковать головой, если, поверив вам, пойду на риск. Чтобы я смог вам поверить, надобно исследовать ваши показания, соотнести их искренность с документами архивов. Если результат будет в вашу пользу, я выполню все, о чем попросите. В случае же, если мы поймем, что вы вводите нас в заблуждение, что-то от нас тамте, что-то недоговариваете, вы, конечно, знаете печальный опыт с бомбистом Рыссом, я возвращу вас в Саратов. Оттуда будете этапированы в рудники. Сможете выжить — на здоровье, я человек незлобивый. Но когда поймете, что наступил ваш последний миг, вспомните эту комнату и наш с вами разговор: последний и единственный шанс, второго не будет.

— Я напишу все, что умею, — ответил Петров, по-прежнему сдержанно, хотя глаза его лихорадочно мерцали и лицо было синюшно-бледным. — Не взыщете за стиль, это будет исповедь.

Через два дня, когда Герасимову передали тетрадь, исписанную Петровым, данные из архивов подтвердили его информацию. Тем не менее, приняв решение начать серьезную работу, Герасимов поднялся на чердак, сел к оконцу в креслице, заранее туда поставленное, и, приладившись к биноклю, начал наблюдать за тем, как себя ведет Петров наедине с самим собой.

Смотрел он за ним час, не меньше, тщательно подмечая, как тот листает книгу (иногда слишком нервно, видимо, что-то раздражает в тексте), как морщится, резко поднимаясь с постели (наверное, болит культя), и как пьет остывший чай. Вот именно это, последнее, ему более всего и понравилось: в Петрове не было жадности, кадык не ерзал по шее и глотки он делал аккуратные.

„Отчизне посвятим“

Вера ЗУБАРЕВА,
студентка,
Одесса

Зима

Хлопает дверь.
Кто-то вышел из дома
И спешит по хрустящей дорожке
Меж тенями сугробов
В глубину нарастающей ночи.

Я слушаю эти шаги
И смотрю, как луна зажигает узоры
На оконном стекле...

...Узоры темнеют...
Искристым белым хвостом
Замечает все гуще и гуще
И шаги, и луну...

...Залпывается ночь
В оконном узоре...

...Мне подумалось вдруг,
Что зимы еще нет
И что вывязал кто-то сетку
из нитей стеклянных
И накинул на окна
уснувшего города
Вместо зимних узоров,
Опередив самозванным
своим появлением
Появление Зимы...

Николай ТРИФОНОВ,
горный мастер,
п. Тавричанка Приморского края
Углепад

Света блики на касках,
Лица в серой пыли.
Здесь бывает опасно,
В лабиринтах земли.
Но в работе упрямы,
Верой в дело крепки,
Ставят стойки и рамы,
Уголь взяв, горняки.
Нет в бригаде случайных,

Дружбой все дорожат,
И грохочут комбайны
По вельню ребят.
Дело — сердцу отрада,
И задор, и огонь.
В штреке хруст углепада
С транспортера в вагон.
Круглый год не стихает
Под землею страда.
Над копром полыхает
Трудовая звезда.

Владислав ГОЛОВКИН,
военнослужащий,
Владимирская обл.

Елка

Новый год настал,
а праздник кончился.
Только я вниманье обратил:
Сколько елок на морозе корчится,
Выброшенных нами из квартир!
Пели мы: «И вот она нарядная...»
За столом у елки все шустры.
Только это сторона парадная,
За парадом — свалки и костры.
Слушай, мимо елок пробегающий,
Оглянись, подумай,
как тут быть?..
Вспомни тех
своих друзей-товарищей,
С кем был счастлив,
но успел забыть.

Марина ЗВЕРЕВА
школьница,
Киев

Помню, мне отец сказал однажды,
Будто говоря о самом важном:
«Встреча белизны с голубизной —
Вот что называется весной».
И сейчас морозным утром зимним
Кажется мне небо синим-синим,
И в большом сугробе возле рынка
Появилась синяя снежинка.

Борис БОЙЧЕНКО,
преподаватель,
г. Пушкин

Не возникает стих так просто:
на голом месте влопыхах...
Стиху необходим для роста
настрой, крепленный на годах.

Годах борьбы, годах исканий,
сгущенных до весомых слов,
вобравших в миг воспоминаний
все бесконечности миров...

Не возникает стих так просто:
на голом месте, невзначай...
Его, как деревце, для роста
водой живую поливай.

Водой живую из колодца —
души извечно молодой,
в которой места не найдется
ни лжи, ни зависти лихой...

Геннадий ДИБРОВА,
агент Госстраха,
Москва

Степь

Степь бескрайняя снится,
Спелой рожью покрыта,
Где дорога искрится
Чернотой антрацита.

Где лишь суслик порою.
Чтобы скрыться секретно,
Постоит над норую,
И нырнет незаметно.

Где пьянящие волны
От цветов и полыни,
Где так дышится вольно,
Где живет и поныне

И над выжженной чащей
Зоркий коршун кружится.
И все чаще и чаще
Степь бескрайняя снится.

Виктор АКИНДИН,
лесоруб,
Московская обл.

Около околицы
солнце и поля —
в тишине покоится
Родина моя.

Росы густо выкрасят
озими к зиме,—
как ей снегу выпросить
у зимы суметь?!

Валерий ТРОФИМОВ,
врач,
Казань

Запомнил я первый ночной караул,
Как нас на посты
разводил разводящий,
Как мрак обступил,
комарами звенящий,
Я сам мотыльком в темноте
утонул.

И пахло травой
и водой из болотца.
Среди акустических черных картин
Кружились летучие мыши-уродцы.
На полкилометра
был зритель один.

На полкилометра один часовой,
Я плыл словно дух коридором
колючим,

И роком
служил я тогда неминучим,
И суд,
и закон представлял я собой.

И помню,
как поезд вдали прогудел,
Как день просыпался,
и стала заметней

Фигурка Андриюхи на вышке
соседней,
И как я стрелять ни в кого
не хотел.

Рисунок Марата ВАЛИАХМЕТОВА, Москва

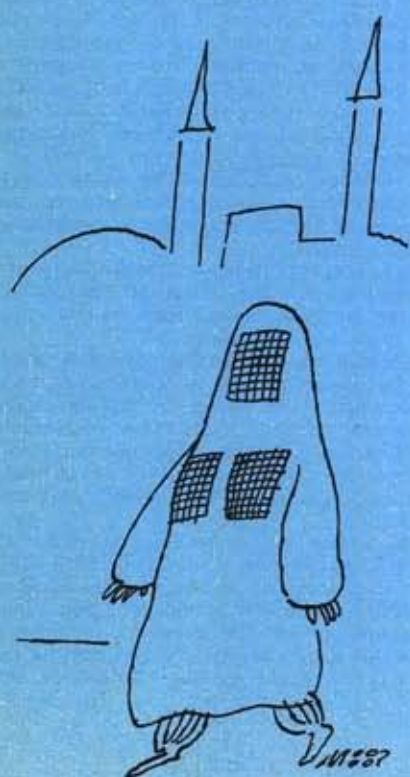

Рисунок Сергея ШЕВЧЕНКО, Киев

Рисунок Людмилы БУХАЧЕВОЙ, Балтийск

ЮМОР

Рисунок Якова МИХАЙЛОВА, Каспийск

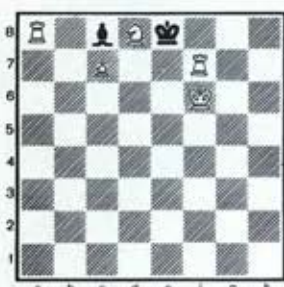

Под редакцией гроссмейстера
Виктора ЧЕПИЖНОГО

Парад миниатюр

Продолжаем публикацию творческих достижений советских авторов в жанре миниатюры. Знакомство с ними будет полезно и участникам нашей очередной шахматной олимпиады, и особенно начинающим шахматным композиторам.

В. Мельниченко
1962

Мат в 2 хода

1. Пh7! — цугцванг! 1... Са6 2. Кb7х, 1... Ch3 2. Ке6х, 1... Cd7! 2. Пh8х, 1... Крf8 2. Пh8х.

Одна из лучших двухходовок-миниатюр с игрой замаскированной белой батареей. В результате критических ходов черного слона батарея матует путем отключения черной дальнбойной фигуры от восьмой горизонтали. А единственный ход слона, сохраняющий контроль над батареей, приводит к блокированию поля d7.

С. Шедей
1964

Мат в 4 хода

1. Cd3! Кра7 2. Крc7 d4 3. d8K! Краб 4. Кс6х, 1... d4 2. Кре7 Кра7 3. d8C! Крb8 4. Сb6х (2... Крc7 3. d8Фх).

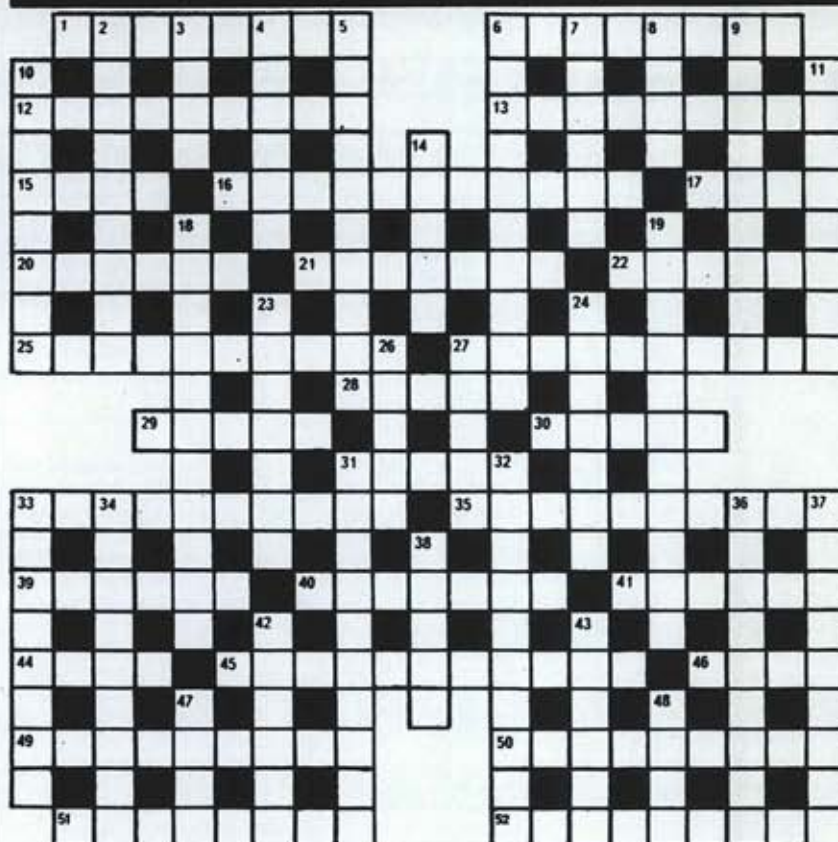
В этой оригинальнейшей миниатюре как бы суммированы темы двух предыдущих задач: игра батареи и превращение пешки. Королевская батарея передает эстафету коневой, а затем слоновой батарее, образующимся в результате слабых превращений пешки d7 на поле, только что покинутом белым королем. Удачно разделены и ходы белого короля.

ПОПРАВКА

В подборке стихов Владимира Высоцкого («Смена» № 13 за этот год) опубликована песня «Как у Волги иволга», автором текста которой является поэт Игорь Кохановский. Редакция приносит читателям и автору свои извинения.

КРОССВОРД

Составил победитель конкурса М. Старобинец, г. Горький

По горизонтали:

1. «Настольная книга» астролога. 6. Химическое волокно для изготовления рыболовных сетей, фильтров, щеток. 12. Первая страница книги с маркой издания, названием серии, эпиграфом. 13. Ученый, создавший в русской поэзии жанр оды. 15. Знаток своего дела, мастак. 16. Эзопов язык в литературе. 17. Представитель северного народа, у которого грудной ребенок в дневной колыбельке сидит. 20. Военское звание Г. К. Жукова во время боев на Халхин-Голе. 21. У немецкого народа — русак или француз, у русского — прусак (насекомое). 22. Любимое лакомство Чебурашки. 25. Прибор для записи информации в виде системы дырочек. 27. Глаза — очи, еда — пища, молва — слух (дисциплина, изучающая такие слова). 28. Восточный музыкальный инструмент, который при игре держат на коленях или кладут на стол. 29. Литературный жанр, в котором А. Дюма, по его словам, создал 400 произведений. 30. Иранская золотая монета, в начале 1930-х годов замененная риалом. 31. Пьер Безухов по принадлежности к тайному ордену (Л. Толстой «Война и мир»). 33. Мастер художественного слова. 35. Коллегия начальников крупного учреждения, объединения предприятий. 39. Тугоплавкое соединение азота с другими элементами. 40. Напиток, с которым тематически связана самая известная картина Ж. Лиотара. 41. Детское стихотворение С. Михалкова. 44. Повесть, написанная И. Тургеневым, когда он был под арестом за публикацию некролога о Н. Гоголе. 45. Кивсяк, мокрица, мухоловка, сколопендра (совокупное народное название). 46. Сотая часть лея. 49. Драгоценный камень, спрятанный похитителем в зобу живого рождественского гуся (Конан Дойл). 50. Архитектурно-художественный ансамбль в Москве. 51. Советский литературовед, автор работ о зарубежных писателях. 52. Департамент Перу.

Ответы на кроссворд, опубликованный в № 22

По горизонтали:

1. Бригада. 7. «Бесстрашная». 10. Щигры. 11. Иконоскоп. 15. Лютня. 16. Калмыки. 17. Шоссе. 22. Озон. 23. Синдбад. 24. Выхухоль. 27. Тартаковер. 28. Доменикино. 30. Китобоец. 31. Предлог. 32. ...мясо. 35. Ездок. 36. Бегство... 37. Чайка. 40. Кьеркегор. 41. Якорь. 43. Рентгенолог. 44. Фальцет.

По вертикали:

2. Метеоприбор. 3. Бельгийский архитектор, один из создателей стиля «модерн». 4. Город в Бенине с населением большим, чем в столице государства. 5. Железнодорожный объект, описанный в известном произведении Ч. Айтматова. 6. Коренной житель республики, о природе которой А. Пушкин писал: «Здесь долго светится небесная лазурь; здесь кратко царствует жестокость зимних бурь». 7. Божество войны в кельтской мифологии. 8. Имя шахматистки, гроссмейстера Гуриели. 9. Итальянец, один из самых известных дирижеров XX века. 10. Спортивное соревнование, когда более слабым соперникам дают фору. 11. Русская певица (сопрано). 14. «Наверх вы, товарищи, все по местам! Последний ... наступает» (из песни). 18. Способ выборов, коллективного решения. 19. Основная в нашей стране форма подготовки научных кадров. 23. Временное зрелищно-торговое строение на русских ярмарках. 24. Древний сосуд для умывания в форме зверя, птицы. 26. Устройство для обнаружения дальнего объекта. 27. Компонент приготовления домашних дрожжей. 31. Птица, которую в Африке считают вестником несчастья. 32. «Вас ожидает гражданка ...» — фильм Л. Марьягина. 33. Раздел механики, основанный на трех классических законах Ньютона. 34. Двухкорпусное судно, название которого по-русски звучит как «связанные бревна». 36. Возрастная характеристика пани Марины в «Приваловских миллионах» Д. Мамина-Сибиряка. 37. Месяц французского республиканского календаря. 38. Характер. 42. Город в Нидерландах. 43. Представительница народа, хорошо знакомого с Леной. 47. Английский полярный исследователь. Первым пересек Антарктиду по суше через Южный полюс. 48. Японский мыслитель XVIII века, атеист, материалист.

По вертикали:

2. Роса. 3. Гирокомпас. 4. «Душенька». 5. Цедра. 6. «Фауст». 8. Жизнь. 9. Голотурия. 12. Бюрократизм. 13. Чаадаев. 14. «Псковитянка». 18. Позтика. 19. Силомер. 20. Пылесос. 21. Льновод. 25. Надбровье. 26. Кордова. 29. Аристотель. 33. Невестка. 34. Жабры. 38. Юрьев. 39. Укроп. 42. Хозе.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

СМЕНА

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
И ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ
ЖУРНАЛ
ЦЕНТРАЛЬНОГО КОМИТЕТА ВЛКСМ

Основан в январе 1924 года.
Выходит два раза в месяц.

№ 23 (1453)

декабрь 1987

Москва, издательство «Правда»

Главный редактор
Альберт ЛИХАНОВ

Редколлегия:

Валерий ВИНОКУРОВ
Борис ДАНОШЕВСКИЙ

(ответственный секретарь)

Владимир ДЕСЯТЕРИК
Михаил КИЗИЛОВ

(заместитель главного редактора)

Александр КУЛЕШОВ
Иосиф ОРДЖОНИКИДЗЕ
Юрий РАГОЗИН
Роберт РОЖДЕСТВЕНСКИЙ
Евгений РЯБЧИКОВ
Вадим САЮШЕВ
Виталий СЕВАСТЬЯНОВ
Владислав СЕРИКОВ
Олег ШЕСТИНСКИЙ

Главный художник
Виталий ФЕДОРОВ

Технический редактор
Александра ГУСЕВА

101457, ГСП, Москва,
Бумажный проезд, 14

212-15-07 — для справок. Отделы:
212-21-59 — рабочей молодежи и науки,
250-29-39 — коммунистического воспитания,
251-32-84 — фотоочерка,
212-21-38 — военно-спортивный,
212-13-19 — международной жизни,
251-04-10 — литературы и искусства,
212-11-27 — писем и массовой работы.

Рукописи, фото и рисунки
не возвращаются.
Рукописи объемом
более одного авторского листа
(24 машинописные страницы)
редакцией не рассматриваются.

© Издательство «Правда».
«Смена», 1987 г.

Сдано в набор 20.10.87.
Подписано к печати 02.11.87.
А 05154. Формат 70 × 108½.
Глубокая печать. Усл. печ. л. 5,60.
Уч.-изд. л. 11,55. Усл. кр.-отт. 21,7.
Тираж 1 300 000 экз.
Изд. № 3247. Заказ № 1455.
Ордена Ленина
и ордена Октябрьской Революции
типография имени В. И. Ленина
издательства ЦК КПСС «Правда».
125865, ГСП, Москва, А-137,
улица «Правды», 24.

Фото Ашота Арутюнова
и Александра Градоболева

Сегодня я готов кричать: «Помогите! Композиторы, поэты, помогите! Нужны новые песни!»...— эти слова принадлежат известному эстраднему певцу Альберту Асадуллину. И это не каприз избалованной эстрадной звезды — искренний крик души исполнителя, жаждущего работать, не повторяться, а творить в новых песнях. Но новых песен нет. И певец не в силах помочь себе, потому что не пишет музыки...

В середине 60-х годов студент-второкурсник Казанского художественного училища, будущий театральный художник-декоратор приехал на практику в Ленинград, в Институт живописи, скульптуры и архитектуры имени И. Е. Репина Академии художеств СССР. Их группу знакомили с факультетами живописи, скульптуры... Когда же побывали на архитектурном факультете, Альберту настолько фантастичным представился мир архитектуры, этой «застывшей музыки», что он совершенно точно для себя решил: «Буду поступать только сюда!» И поступил.

— Ленинград стал для меня местом второго рождения,— вспоминает Асадуллин.— Я никогда раньше не был ни на одном концерте серьезной музыки, здесь же приобрел абонемент в филармонию и часто пропадал там вечерами. В то время многие под впечатлением «Битлз» осваивали электрогитары и ловили на коротких радиоволнах обрывки музыкальной информации. Я окунулся в атмосферу чуть ли не повального увлечения рок-музыкой. На первом курсе института мы создали свою рок-группу «Призраки», а я стал ее солистом. Небольшой опыт у меня был: еще в училище, в Казани, мы организовали театр теней, где я играл и пел, подыгрывая себе на гитаре. Примерно через год меня пригласили в группу «Фламинго». Это были первые опыты отечественного хард-рока, очень жесткой музыки. Коллектив подобрался профессиональный — все, кроме меня, имели музыкальное образование. Часто нас приглашали и на профессиональную сцену. Но мы хотели играть только хард-рок, а не официально принятую в то время музыку.

Музыкальное творчество настолько захватило Альберта, что частенько стал ловить себя на мысли: «Что же дальше?» Любил архитектуру, начал разрабатывать проект диплом-

ной работы, а в душе все время звучала музыка...

После блестящей защиты диплома Асадуллин на месяц уехал домой, в Казань. А по возвращении в Ленинград обнаружил телеграмму. Ансамбль «Поющие гитары» вместе с композитором А. Журбиным начал работу над первой советской зонг-оперой «Орфей и Эвридика». Ему предложили попробовать себя в роли Орфея. Партию Эвридики должна была исполнять Ирина Понаровская.

— Как вы помните, в начале 70-х была создана рок-опера «Иисус Христос — супер-звезда». Я знал ее практически наизусть, а тут представилась возможность сыграть нечто подобное. Спектакль только назывался «зонг-опера», поскольку слово «рок» в те годы вообще не произносилось... Предложение было крайне заманчивым. 27 июля 1975 года в оперной студии Ленинградской консерватории состоялась премьера... Со спектаклем мы объездили практически всю страну, успех был ошеломляющим. Год спустя английский журнал «Мьюзик уик» наградил нас дипломом, назвав работу лучшим музыкальным спектаклем года...

— Ваш Орфей был настолько яркой ролью, поистине «звездным часом», что даже трудно представить ваш дальнейший путь, ведь роль эта была исполнена в самом начале творческой судьбы...

— Поймал себя на мысли, что хотел сказать: «К сожалению!» Но не

по отношению к «Орфею и Эвридике», конечно же, а к тому, как складывались, а вернее, не складывались у меня отношения с композиторами. Постоянно ощущаю творческий голод и неудовлетворенность от того, что делаю, что пою. Кто-то когда-то «приклеил» мне ярлык лирического исполнителя, и до сих пор не могу от него отделаться. Хотя многие должны помнить меня и как певца хард-рока. В рок-музыке ощущаю и нахожу близость к национальной, татарской мелодике, особенно в композициях Стиви Уондера... Ситуация сложилась так, что композиторы, близкие мне по духу, работают постоянно с одними и теми же исполнителями. В этом нет ничего плохого, напротив, автор и певец пришли к творческому взаимопониманию. Мне же пока такой единомышленник не встретился. И я готов кричать: «Помогите!»

Татьяна СЕКРИДОВА

АЛЬБЕРТ
АСАДУЛЛИН

